E43
1647

НА БАРРИКАДАХ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗ ЖИЗНИ ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИХ РАБОЧИХ

По материалам Истпарта
Орехово Зуевского Укома ВКП (б).

Е43
1647

К десятой годовщине Октября

НА БАРРИКАДАХ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗ ЖИЗНИ ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИХ РАБОЧИХ

1865 – 1927 г.г.

ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТПАРТА ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОГО УКОМА ВКП(б)

Гос. Центр.
Историческая
Библиотека

ИЗДАНИЕ
октябрьской юбилейной комиссии при орехово-зуевском уисполкоме
1927

Сборник выходит под общей
редакцией агитпропа
укома ВКП(б)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
5006 1928 г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 5006
27/III 1928 г.
БИБЛИОТЕКА

Тираж 3000. Тип. „Пролетарский Печатник“ О-З. Промторга. Улит 1011

Авторы книжки „На баррикадах революции“ не ставили своей целью написать научно-исследовательскую работу по истории революционного движения орехово-зуевских пролетариев. Дать доступный для массового читателя литературный очерк революционной борьбы большого рабочего района, основанный на подлинных исторических документах и воспоминаниях живых участников баррикад, — вот основная установка настоящего издания.

Пролетариат Советского Союза отмечает в нынешнем году знаменательнейшую для всего мирового революционного движения победу—победу первой в мире пролетарской революции. Мы знаем, что наши октябрьские победы от 1917 по 1927 год еще не означают конца борьбы. Сотни миллионов человеческих жизней в буржуазных странах Запада и Востока еще находятся в тисках жесточайшей эксплоатации. Они борются—эти миллионы—за свое освобождение, борются сильнее, упорнее, разбуженные громом Октябрьской революции.

Буржуазия бешено сопротивляется. Полицейскими дубинками, каторгой, тюрьмами, виселицами, кровавыми расстрелами и усовершенствованными электрическими стульями стремятся капиталисты сломить натиск пролетарских рядов. Использованием соглашательских партий, „поповщиной“, подкупами т. н. рабочей аристократии, вождей меньшевистских партий, грязной клеветой иностранной печати—пытаются ослабить революционные силы.

На нас, освободившихся, глядят с надеждой, с радостью, гордостью трудящиеся всего мира.

Советский Союз волей истории стал вожаком всех угнетенных. Это могучее влияние нашей революции вело на баррикады рабочих Германии, Венгрии, Болгарии, Италии. Это красный вихрь из страны советов сеет мощные восстания китайских трудящихся против империалистов и своей национальной буржуазии. Это политический и экономический рост советских республик все-

ляет бодрость и гонит уныние при временных поражениях пролетарских отрядов.

Неистовой, звериной ненавистью преисполнены к первой в мире свободной стране богачи всего мира. Нет сомнений, что в день всемирного пролетарского праздника—в день 10-тилетия Октября, лучшие головы буржуазии поглощены мыслями о том, какими силами, какими средствами уничтожить очаг социалистической революции.

Орехово-Зуевский район с его 60-титысячным пластом пролетариев, несомненно, занимал и занимает немаловажную роль на всем протяжении борьбы рабочего класса. Революционная рабочая и крестьянская молодежь, выковывая строителей социализма, должна впитать весь опыт дооктябрьского поколения революционеров-ленинцев. Задача настоящего очерка—помочь молодежи в деле ее ленинского воспитания.

Напоминанием старшему поколению рабочих о морозовских стачках, о казацких плетках и пулях, о сосланных и замученных в тюрьмах борцах, о борьбе ленинцев с соглашательством, о днях великого Октября, о тяжелых годах разрухи, голода и героических схватках на многих фронтах, о первых годах социалистического строительства мы должны еще крепче связать каждого пролетария с делом ленинской партии, с делом международной пролетарской революции.

Годы социалистического строительства не нашли в настоящем издании достаточно подробного изложения. Это об'ясняется, с одной стороны, недостатком времени, отпущенного нам для составления очерка, а также сознанием необходимости посвятить этому периоду жизни Орехово-Зуевского района специальную работу.

В заключение необходимо отметить большую работу, проделанную по подготовке и собиранию материалов к настоящему очерку, активным участником баррикад товарищем Игнатом Васильевичем БУГРОВЫМ.

В составлении очерка в качестве литературных работников приняли участие т. т.: С. Володин, Константинов, М. Елисин, Овсянников, Иванов, Ленков и др.

Считая, что разработкой материалов по истории революционного движения в Орехово-Зуеве нам придется еще неоднократно заниматься, а также учитывая возможность допущения в настоящем издании исторических неточностей,—мы обращаемся с просьбой ко всем товарищам, имеющим критические замечания, направлять их в агитпропотдел орехово-зуевского укома ВКП(б).

Дела давно минувших дней.

Часть первая.

Из крепостного мужика в фабриканты.

Живший во времена Екатерины II родоначальник Морозовского рода Савва Морозов был крепостным помещика Рюмина и находился при дворе своего помещика. Он считался способным и трудолюбивым малым и пользовался благорасположением своего господина. Когда Савва достиг совершеннолетия, барин разрешил ему жениться на избранной им самим „дворовой девке“ Ульяне Афанасьевне.

В виде награды помещик дал Морозову 5 рублей золотом, которые в руках Саввы оказались первым основным капиталом. Морозов и его жена сначала работу брали у хозяйчиков-мастеров, а потом покупали сырье и сами выработанный товар продавали в разных местах.

Старинная русская пословица говорит: „от работы не будешь богат, а будешь горбат“ или „от трудов праведных не наживешь палат каменных“. Савва стал придерживаться этой „мудрости“и решил на себя заставить работать других. В 1797 году он открывает свое самостоятельное дело: первоначально—выработка шелковых лент, а затем и шерстяное производство Работа происходила во вновь построенной фабрике в селе Зуеве, а позднее была переброшена в местечко Никольское. Помимо фабричной выработки, часть работы он отдавал на дома крестьянам, сам же занимался исключительно продажей выработанного товара и покупкой сырья. Когда у Саввы народились и подросли пять сыновей —Елисей, Захар, Абрам, Иван и Тимофей Саввичи, — дело развернулось еще шире, чистая прибыль увеличивалась не по дням и часам, а минутами. Не захотелось Савве дольше с набитой мошной оставаться крепостником, и в 1820 году он откупился со своими сыновьями от своего барина за

17 тысяч ассигнациями или 5.600 рублей полноценным рублем. В 1830 году на ранее купленной земле по другую сторону реки Клязьмы, по названию Хвойшина, Плесы, Бар и Сухобор, ныне местечко Никольское, Савва построил товароотделочную красильную фабрику с ручным ткачеством.

В 1862 году Савва Васильевич умер, и вскоре умер его сын Абрам. Сначала общими фабричными делами заведовали Тимофей и Иван Саввичи. Ими была основана для детей Абрама „Тверская мануфактура“ в гор. Твери. Затем Иван выделился, и владельцем оставшегося производства после отца стал один Тимофей Саввич (Елисей и Захар выделились еще при жизни отца).

Как 5 золотых рублей превратились в миллионы.

Тимофей Морозов, младший сын Саввы Васильевича, оказался из молодых, но ранним и удался весь в батюшку. Тимофей получил в наследство налаженную фабрику и папашин обычай: эксплоатировать рабочих как можно больше, а заботиться о рабочих как можно меньше. Этот закон собственниками и фабрикантами вообще соблюдается свято, но „Тимоша“, как называли хозяина рабочие, не только соблюдал, но усугублял и укреплял этот закон, поэтому и был примерным хозяином и слыл в почете у начальства. Зародившись из пяти золотых рублей, богатство Морозовых быстро росло за счет бесчеловечной эксплоатации рабочих, и Тимофей в этом отношении шел впереди других. На его фабриках рабочий день (для детей и женщин так же, как и для взрослых мужчин) продолжался с 4 часов утра до 8 часов вечера, с перерывом на обед в $1^1/_2$ часа, т. е. $14^1{}_2$ часов для денных и 12 часов в день для сменных, — смена делилась по 6 часов. Заработная плата за целый месяц оставалась в конторе, в обороте хо-

Харчевая марка морозовских рабочих (натур. велич.).

зяина. Рабочие, за неимением на руках денег, принуждены были брать продукты в хозяйской харчевой лавке в счет выработки. Чтобы меньше уходило денег из конторы, хозяином выпускались боны (особые марки), которые были отпечатаны на простой бумаге и выдавались рабочим вместо денежной платы.

На эти боны рабочий ничего и нигде не мог купить, кроме как в лавке своего хозяина. Поэтому весь заработок рабочего оставался в кармане хозяина и пускался в оборот. В качестве заведующих фабриками и мастеров Тимофей подбирал не только специалистов по поднятию производства, но и специалистов по части выматывания из рабочих последних сил посредством наложения штрафов, что также давало увеличение прибылей.

Внутренняя обстановка рабочих жилищ была ужасна. Для семейных, по усмотрению квартирного отдела или просто „хожалого“, отводили 6-тикубовую комнату, в которую помещали 3 семьи в 11—12 человек. Каждая семья занимала свою кровать, а дети могли ютиться где и как попало, под кроватью или вповалку на полу, без различия пола и возраста. Продукт, принесенный из лавки, хранился тоже в комнате, и поэтому воздух всегда был пропитан различными испарениями. Чтобы рабочие своевременно были у станков, заботливый хозяин имел специально людей, которые ходили по коридорам, стучали в колотушку и кричали что есть силы: „денные или сменные, вставайте на работу!“. Частые крики и стук колотушки не давали рабочим покоя. Вставши за час до начала работы, рабочий должен был поставить самовар, если таковой имелся (кубов для кипячения воды не было), и едва успевал напиться чаю. Многие же вынуждены были уходить на фабрику без чая, с куском черного хлеба. Чаепитие же на фабрике строжайше было запрещено, и всякий, кто осмеливался пронести чай в бутылке, подвергался строгой каре—штраф и увольнение.

В 1873 г. торговый дом Морозова именуется уже „Товариществом Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и компания“. Кроме главных отделов фабрики, которые расширялись с каждым годом, были построены отделы вспомогательные: 1) чугунно-медно-литейный, 2) механическо-слесарный, 3) котельный, 4) токарный, 5) газовый, 6) химический, 7) кирпичный, 8) лесные разработки и 9) торфяные разработки.

В 1883 г. Морозов построил на реке Киржач в деревне Городищи отбельную фабрику.

* * *

Если кому приходилось быть в Орехове или проезжать мимо по железной дороге, то уже верст за десять ему будут

видны высокие каменные постройки фабричных корпусов с высокими дымовыми трубами. Днем они представляются чем-то хаотическим, окутаны дымом, как волшебной кисеей, а вечером в темную пору, во время работ, когда все фабрики и казармы освещены,—миллионы мелькающих огней из фабрик и казарм приветливо манят вас издалека. Тогда вид фабрик представляет фантастическую, чудовищную картину, которая приковывает все ваше внимание, и вы невольно вспоминаете, что строителями были не Морозовы, а те 40—50 тысяч рабочих, которые в течение 130 лет день и ночь, как муравьи, клали камень за камнем.

Эксплоататоры орехово-зуевских рабочих.

Т. С. Морозов,

Савва Тимофеевич Морозов,

Первые ласточки рабочей революции.

Имена славных морозовских ткачей.

1885 год.

С падением крепостного права борьба рабочих с предпринимателями впервые начинает принимать организованный характер. Свободный по закону крестьянин не был в действительности свободным человеком: поступив на фабрику, он попадал в полную зависимость от своего хозяина и подвергался самой бесчеловечной эксплоатации. Произволу предпринимателей не было границ, условия труда и быта остались те же, что были и до реформы 1861 года. Чаша тер-

пения морозовских рабочих, наконец, переполнилась, и в 1865 году на фабрике начались волнения. Рабочие просили хозяина хотя немного облегчить их положение, а именно: сократить рабочий день, повысить заработную плату и сделать прочие уступки, ничего не стоющие для хозяина. Хозяин на это ответил категорическим отказом, а лиц, заподозренных в подстрекательстве тут-же с семьями выбросил с фабрики. Рабочие, не добившись ничего, приступили к работе на старых условиях.

Чтобы еще сильнее закабалить рабочего, Тимофей Морозов ввел систему договоров: хозяин имел право выбросить рабочего с фабрики, когда угодно, но рабочий, наоборот, не мог оставить работу до окончания договора, который имел два срока: 1 октября и Пасху.

Прошло 11 лет после первых попыток сломить хозяина. В 1876 г. рабочие вновь обратились к Морозову с теми же незначительными требованиями облегчения своего положения, но, видя, что из этого ничего не получится, свои требования они решили поддержать забастовкой. Более активные, революционно настроенные 500 прядильных рабочих прекратили работу и решили не приступать к таковой до удовлетворения пред'явленных требований.

В то время рабочих на фабрике Морозова было около 8.000 человек; ткачи и красильщики не присоединились к прядильным рабочим и продолжали работу обычным порядком.

Тимофей Морозов уже имел опыт, как нужно обращаться с непокорными его хозяйскому нраву: более активные рабочие были арестованы, а заподозренные уволены со своими семьями с фабрики и занесены в „книгу порочных“,—хозяин не только не сделал каких-либо уступок, а, наоборот, поставил условия более худшие. Рабочие, не поддержанные всей фабрикой, чувствуя свое бессилие перед могучим Тимошей, приступили к работе на условиях, продиктованных хозяином.

По оставшимся у нас документам занесены в „порочную книгу“: „за подстрекательство к бунту народному“ двенадцать человек —*Алексей Иванов, Авдотья Васильева, Алексей Никаноров, Алексей Михайлов, Анисья Васильева, Аграфена Егорова, Афимья Федорова, Антон Фаддеев, Агафья Трофимова, Анисья Алексеева;* „за подстрекательство и возмущение рабочего народа“—*Абрам Ефимов, Алексей Александров, Алексей Максимов, Андрей Дементьев, Алексей Дементьев и Аграфена Михайловна Смирнова.*

После подавления этой забастовки рабочие затаили злобу, выступали одиночками, бросали работу и даже избивали административных лиц. Так, сновальщики в 1879 году, 6 марта, *Аким Алексеев* и *Архип Иванов* бросили работу, а слесарь *Алексей Александров* нанес побои слесарному мастеру, за что и были разочтены (уволены). Также были уволены: в 1881 г. 28 июля—*Аксинья Тимофеева,* красильщица, за подстрекательство рабочих к забастовке; в 1882 году 10 апреля, ткачи *Алексей Миронов, Бахтов* за принятие сомнительных лиц в квартире; 11-го мая того же года—*Арсений Тимофеев* за подстрекательство ткачей оставить работу. Рабочие вместо ожидаемого улучшения получили обратное: с 1882 по 1885 год за каждое полугодие расценки на выработку товара снижались, а штрафы все увеличивались и доведены были до таких размеров, что, работая на фабрике день и ночь всеми семьями, рабочие не могли отработать своих харчей, а некоторые в конце месяца оставались должны конторе.

Наступило, наконец, 7 января 1885 года, которое послужило сигналом для общего выступления рабочих против хозяина и правительства, под руководством опытных и испытанных товарищей П. А. Моисеенко, В. С. Волкова и других. Морозов не ожидал такой солидарности и сплоченности рабочих. Старыми, ранее испытанными средствами сломить рабочих не удалось, не удалось устрашить их и вооруженной силой, которую он потребовал от губернии и центральных властей.

В. С. Волков
в арестантском халате
(1885 г.).

Обезоруженные рабочие только тогда сдались, когда под командой полковника Кабардо были пущены вооруженная пехота и казаки. Сдались против винтовок, казацких нагаек, дротиков и шашек, когда кровь морозовских рабочих окрасила снег около помещения, где содержались арестованные рабочие, когда 612 самых лучших сознательных рабочих, окру-

женные двойным вооруженным кольцом, были отправлены в тюрьму. Не устоял перед организованными рабочими и Тимофей Морозов, почувствовал свою слабость, возвратил за три месяца вычтенные с рабочих штрафы и повысил расценок на некоторые товары.

Морозовские рабочие в этой борьбе лично для себя добились немногого, но многого добились для всех остальных рабочих. Требования рабочих, переданные тов. Волковым губернатору во время переговоров в 1886 г., почти целиком были проведены в законодательном порядке. Суд, царский суд, судил 103 человека морозовских рабочих, и по 101 предложенному судом вопросу присяжные заседатели ответили на них: „Нет, невиновны, действовали в свою защиту“, и все с суда вышли оправданными *).

Не напрасно весь рабочий класс помнит стачку морозовских рабочих 1885 года и назвал ее „знаменитой стачкой“. Эта стачка доказала, что рабочий класс в России существует, что его силы и сознание растут с каждым днем. Морозовская стачка была первым шагом от обороны к наступлению и подготовляла весь рабочий класс и революционно настроенное крестьянство к 1905 году—генеральному наступательному маневру против самодержавия и капитализма.

„Хитрая механика“ и ее замечательное действие.

Любопытные документы.

Все эти выступления ореховских рабочих не носили организационного характера и возникали стихийно. Революционных организаций никаких не было, не было и нелегальной литературы. Впервые нелегальная литература проникла следующим образом. Руководитель Морозовской стачки тов. Моисеенко, Петр Анисимович, в 1872 году работал ткачом у Зимина, на подгорнской фабрике, где одновременно работал и Григорий Гвоздарев с семьей, а брат его—Иван Гвоздарев —служил конторщиком у Викула Морозова и больше всего ездил по ярмаркам.

В упомянутом году Иван Гвоздарев по окончании Нижегородской ярмарки приехал к своему брату и привез книгу „*Хитрая механика*“, которую Моисеенко и получил от Григория Гвоздарева. Эта искорка залетела в Орехово впервые. Несколько позднее по уезду уже был произведен ряд обы-

---

*) *Стачку морозовских рабочих 1885 г. подробно описывали: Д. Б. Рязанов—„Морозовская стачка января 1885 г.“, Лозовский—„Морозовская стачка 1885 г. по документам“ и др.*

сков. А вот результаты этих обысков. В архиве прокурора Владимирского окружного суда за 1878—80 г.г. находим следующую переписку:

ДОНЕСЕНИЕ ПРОКУРОРУ И МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Проживающая мещанская девица гор. Покрова Клавдия Викуловна Кондарина считается подозрительной в политической неблагонадежности. Произведен у нее обыск, найдена и отобрана книга—сочинение Нефедотова „На миру“. Обыск произведен 28-го июня 1878 г.

Другой документ гласит:

Донесение прокурору и министру внутренних дел жандармским полковником Беловажновым от 13 декабря за № 303. Проживающий в селе Орехове, Покровского уезда, Василий Носов произнес дерзкие и оскорбительные слова против особы государя.

Оба были взяты под негласный надзор.

В 1879 году жандармский полковник по Владимирской губ. предписывает своему подчиненному: *„Установить наблюдение за поручиком Куткиным, проживающим в г. Покрове, и крестьянином Покровского уезда Степаном Архиповым, обвиняемых в государственном преступлении, дознание о коих должно быть произведено 23 и 24 сентября“*, а донесение от 9 января 1880 г. сообщает, что *„крестьянка дер. Заречье, Покровского уезда, Анна Нисимова произнесла бранные слова против государя и царской фамилии“*. Дано предписание произвести формальное дознание.

Петр Анисимович Моисеенко в арестантском халате (1885 г.).

Из вышеприведенных документов можно смело заключить, что уже в то время бесстрашно засевались семена революционного сознания. Нехватало лишь крепкого организатора, который мог бы сколотить революционные кадры и наладить систематическую работу. Таким организатором и явился *Петр Анисимович Моисеенко*. Тов. Моисеенко после прочтения

„Хитрой механики“ ушел с подгорнской фабрики и уехал в Ленинград, чтобы связаться с умными людьми и научиться уму-разуму. Во время стачки 1885 г. Моисеенко усиленно читал рабочим книжки и газеты, но „читал“ не только то, что там было написано. Организовать же кружок в этот период так и не удалось

Первый рабочий кружок в Орехове.

„Полицейский письмоводитель“ в роли руководителя кружка.

В начале 80-х годов во Владимире организовался революционный кружок из учащейся молодежи. Воспитательную работу кружка временами до 1883—1884 г. направлял писатель-народник Н. Н. Златовратский. Молодежь читала „Отечественные записки“ Михайловского и, кроме того, Успенского, Щедрина, Писарева, Добролюбова, Бокля и др. Приезжавшие на каникулы из Москвы студенты привозили нелегальные газеты, книги и листовки: „*Земля и воля*“, „*Черный передел*“, „*Народная воля*“, „*Вперед*“ и пр.

Первое время кружок ни к какой политической партии не принадлежал, хотя члены кружка и называли себя социалистами. В самом Владимире фабрик и заводов не было, и поэтому, при всем желании завербовать к себе в кружок рабочих, это сделать не представлялось возможным. Однако, в процессе самовоспитания кружка стали чаще и настойчивее напрашиваться вопросы практической работы среди рабочих. Внимание владимирцев особенно привлекало Орехово-Зуево, как один из наиболее крупных и важных промышленных центров не только губернии, но и России. Но завязать связи с Ореховом было очень трудно. В самом Орехове и местечке никаких государственных учреждений не было, кроме полицейского участка, не было и местного самоуправления. Чтобы завязать связь с рабочими, необходимо было посадить человека на какую-либо определенную работу, а без знакомства это не представлялось возможным.

Наконец, пришел подходящий случай. На свободное место письмоводителя в ореховском полицейском участке кружок сумел устроить своего члена Кривошею Василия Васильевича. Принимая командировку в Орехово, Кривошея имел в виду только завязать связи, подобрав наиболее надежных людей из местных рабочих. Обладавшему организаторскими способностями Кривошее вскоре удалось из морозовских рабочих организовать кружок, в который вошли: Яков Леонтьевич Попков, Алексей Федорович Алекторский, Ефим

Федорович Гусев, Егор Андреевич Блинов, Андрей Андреевич Андреевский и Иван Кузьмич Штиблетов (он же Буренков).

Рабочий кружок, организованный Кривошеей с жадностью слушал своего пропагандиста и ловил каждое его слово. Участники кружка все слышанное, как могли, передавали в массы и обращались к своему руководителю с запросами о практической борьбе между рабочими и хозяевами: как отделаться от прижимок приемщика товара (браковщика), как повысить расценок, сократить рабочий день и т. д. При таких вопросах Кривошея иногда терялся перед своими товарищами, хотя был хороший теоретик.

С наступлением лета кружок повел более широкую деятельность. Стали собираться в лесу за Зуевом. На такие собрания из Владимира приезжали разные товарищи, которые произносили агитационные речи. Сам Кривошея был всегда среди собравшихся в качестве слушателя.

За летний период среди членов кружка и рабочих распространилась брошюра: „Кто чем живет“, „В мире мерзости и запустения“; листовки: „К голодающим крестьянам“, „Мужицкие доброхоты“, листовка озаглавленная „От рабочих социалистов“.

С ростом организации усиливалась и агитация среди рабочих масс, а с появлением листовок появилось и приподнятое настроение. Губернские власти заработали во-всю: Орехово пополнилось полицией и шпионами, начались доносы фабричной администрации разных рангов. Хотя эти доносы не затрагивали непосредственных виновников—членов кружка, но положение их было рискованным.

Кривошея, исполняя обязанности полицейского письмоводителя в Орехове, все время находился под тайным наблюдением самого полицейского надзирателя, который даже всю переписку Кривошеи держал под постоянным контролем. Это выяснилось тогда, когда в середине мая неожиданно нагрянуло владимирское „начальство“; к последнему через надзирателя (как подозревал Кривошея) попало письмо, адресованное к Кривошее, показавшееся надзирателю достаточно обвинительным против последнего материалом. Письмо не содержало никаких намеков на работу Кривошеи в Орехове, но указывало на то, что Кривошея не обыватель, не простой письмоводитель полицейского надзирателя, а человек, поддерживающий какие-то связи с „неблагонадежными“ лицами и интересующийся тем, что такое марксизм.

Долготерпению начальства пришел конец, хотя по письму привлечь к ответственности не было оснований, но все-таки, чтобы не наделать шуму с высылкой, „начальство“ дружески посоветовало Кривошее оставить должность и вы-

ехать из Орехова. Этим любезным предложением Кривошея воспользовался и возвратился опять во Владимир*).

С от'ездом Кривошеи кружок продолжал свою кропотливую работу. Под видом сборища собутыльников собрания продолжались то у кого-либо на квартире, то в лесу за Зуевом. Для связи и получения литературы из Орехова во Владимир был вызван Иван Кузьмич Штиблетов (он же Буренков). Ему же поручено было и распространение литературы.

В летний период кружок пополнился новыми лицами: рабочий-кузнец фабрики Саввы Морозова Михаил Сергеев Клюев и покровский урядник, переодетый и поступивший на фабрику Наумов (Василий Лазаревич), а также двое приезжих из Москвы под видом делегатов от московских рабочих —Григорий Егорович Капранов и Федор Макарович Харьков, оказавшиеся после провокаторами-агентами.

В кружке оказались провокаторы.

В Орехове появляется крупный революционер и марксист т. Н. Е. Федосеев.

1892 год—был год холерный, в поволжских городах вспыхивали холерные бунты, которые нервировали и без того взбудораженных рабочих. Из ореховского кружка посылались делегаты во Владимир, они настаивали на забастовочном выступлении и просили руководства. Кривошее пришлось совещаться по этому делу с народовольцами. После обсуждения решили предварительно выпустить прокламацию, по содержанию социал-демократического направления. Иванов, народоволец, которому было поручено написать прокламацию, все-таки вклинил в прокламацию призыв к бунту. Когда прокламация была уже распространена, только тогда Кривошея заметил, что прокламация провоцирует бунт и страшно заволновался. О своем опасении он поделился с Федосеевым, который к тому времени вернулся во Владимир. Последний решил, что медлить нельзя, а нужно как можно скорее исправить сделанную ошибку. С этой целью вместе Федосеев и Кривошея 29-го августа на 3 дня выехали в Орехово.

* * *

Николай Евграфович Федосеев был вообще замечательным человеком. С гимназической скамьи он стал заниматься подпольной работой, юношей подвергался неоднократным

**) Федосеев Николай Евграфович, сборник воспоминаний. Госиздат, 1923 г., стр. 83.*

Н. Е. Федосеев (1892 г.).

арестам, сидел в Казанской тюрьме и в Петербургской крепости $2^1/_2$ года. После отбытия крепости, он был послан под гласный надзор во Владимир, где и узнал об ореховском кружке. Здесь он, как вполне сложившийся и убежденный социал-демократ, с жадностью принялся за массовую работу. На ореховское революционное движение он оказал большое влияние.

В. И. Ленин дает такую характеристику Федосееву:

Я слышал о Федосееве в бытность мою в Казани. Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков. Вскоре после этого марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой „Освобождение труда“. Н. Е. Федосеев был один из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению.

*Во всяком случае для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время значительно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенного, преданного своему делу революционера *).*

По приезде в Орехово они устроили собрание кружковцев с приглашением некоторых рабочих. На собрании в лесу, где говорил Федосеев, были выработаны требования, которые решили поддержать мирной забастовкой, если удастся об'единить массы. В своей речи Федосеев доказывал, „что русский рабочий созрел для классовой борьбы организованным путем против своих врагов—класса капиталистов и самодержавия. Время неорганизованных выступлений прошло, и теперь всякие выступления в виде бунтов (битье окон, машин и проч погромные действия) только приносят вред, а не пользу рабочим“. Присутствующие согласились с предложениями организованной борьбы и повели агитацию среди рабочих.

После от'езда т. Федосеева и Кривошеи во Владимир кружковцы вторично собрались для обсуждения написанной

---

*) *Из предисловия Ленина к „Сборнику воспоминаний о Федосееве“. Госиздат, 1923 г.*

программы (требований) на квартире Алекторского в селе Зуеве. По предложению Попкова решили итти в лес и по дороге зашли за Ефимом Гусевым. В лесу пили водку и пиво и читали каждый в отдельности программу. Сорганизованный Кривошеей кружок, как видно, плохо был конспирирован, поэтому в него легко могли войти такие типы, как Клюев, бывший урядник Наумов и два охранника из Москвы—Капранов и Харьков. Все эти лица доверчиво были приняты в кружок, и руководители были открыты. Чего не могли узнать посредством сыска, жандармы узнали из показания Гусева, который рассказал все чистосердечно. Попков, после некоторых запирательств, тоже рассказал все подробно и даже свое первоначальное знакомство с Кривошеей и Федосеевым, стараясь доказать, что в это дело его втянул Кривошея. Алекторский, выгораживая себя, указал на Ивана Галина, рабочего Бажановской фабрики в Александрове. Наиболее твердыми и непоколебимыми в кружке остались только Иван Штиблетов, В. В. Кривошея и Андреевский (толстовец). По этому делу писано представление прокурором владимирского окружного суда московской судебной палате, которое проливает свет на провокаторскую деятельность М. С. Клюева, Наумова, Капранова и Харькова.

Ореховский кружок в оценке царского прокурора.

„В последнее время, говорилось в донесении прокурора, распространяется слух, что среди фабричных рабочих на фабриках морозовских мануфактур в местечке Никольское, Орехове и селе Зуеве обнаруживаются отдельные случаи появления в руках рабочих листков возмутительного содержания. Один из таких листков заключал в себе воззвание к *„товарищам рабочим“ „от рабочих социалистов“*, указывающих на притеснения, терпимые от фабрикантов, на необходимость всем рабочим сплотиться и требовать уменьшения рабочих часов, а на время холеры—упразднения работы детей, и, наконец, делались раз'яснения в том смысле, что царь на стороне фабрикантов, вследствие чего для охраны последних разосланы по фабрикам войска, и что все бедствия России вызваны царским правительством, так что голод и зараза будут в России до тех пор, пока эта власть царя не перейдет в руки выбранных самим народом лучших людей. Это воззвание помечено 20-го июля 1892 года.

Другой из распространявшихся среди рабочих листков—воззвание к крестьянам, озаглавленное: *„Первое письмо к голодающим крестьянам“*, подписанное *„Мужицкие доброхоты“*, где указывается на притеснения властей, поддержи-

вающих друг друга, на обременение народа податями, и что от царя народу ждать помощи нечего, так как он на стороне дворян, и что у царя 600 миллионов в английском банке, но он ничего не дал голодающим и т. п.

Два таких воззвания прежде всего были добыты при посредстве работавшего кузнеца на фабрике Саввы Морозова крестьянина Михаила Сергеевича Клюева, который, спрошенный при дознании, об'яснил, что руководимый будто-бы желанием принести пользу правительству начал наблюдать за подозрительными рабочими и, между прочим, среди них заметил служившего на фабрике Саввы Морозова смотрителя ткацкого отделения Якова Леонтьевича Попкова, который, ведя с ним иногда разговор, выражал недовольство против властей и говорил, что есть какие-то запрещенные книги, но что их трудно достать. Стараясь все более и более сближаться с Попковым, Клюев, наконец, 29-го августа получил от него для прочтения и распространения два воззвания и писанную тетрадь, озаглавленную *„В мире мерзости и запустения“*, а Алекторский дал 31-го августа Клюеву книжку: *„Кто чем живет“*. Попков, считая Клюева единомышленником, познакомил его 30-го августа с приехавшими из Владимира Василием Васильевичем Кривошеей и Николаем Евграфовичем Федосеевым.

По показанию Клюева, Попков говорил с приезжими о революционерстве, а на другой день после от'езда Кривошеи и Федосеева Попков сказал Клюеву, что Федосеев оставил ему программу для рабочих... В ближайший день для чтения программы сошлись на квартире Алекторского в селе Зуеве, куда вместе пришли Попков и Иван Штиблетов. Последние пашли, что программу в квартире читать неудобно, и решили итти в лес, по дороге зашли за Ефимом Гусевым. В лесу пили водку и пиво, и каждый по очереди читал программу, писанную на двух листках, принесенную Попковым, в которой говорилось „об эксплоатации труда рабочих капиталистами, о необходимости устройства рабочих союзов для борьбы с фабрикантами“ и пр.

После прочтения программы присутствующие на совещании обсуждали ее и наметили устройство кассы, рекомендуемой программой, и место для сходок. Договорились в следующий раз сойтись в квартире Алекторского. Против предательства кем-либо из присутствующих решили лишить того жизни (если будет обнаружено) и разошлись.

Вскоре за этим собранием к Попкову из Москвы приехали двое рабочих Григорий Егоров. Капранов и Харьковский (Харьков). Попков, как своих хороших знакомых, послал с запиской к Михаилу Клюеву, которому они передали две

брошюры: одна под названием *„Ежегодный праздник рабочих“ Плеханова,* а другая *„Манифест коммунистической партии“*. С Капрановым и Харьковским Клюев пошел на квартиру Алекторского, где последний даже читал принесенные брошюры.

Переодетым урядником Наумовым, работающим рабочим на фабрике, удалось получить от Алекторского еще по одному экземпляру воззваний «Первое письмо к голодающим» и «От рабочих социалистов» и, кроме того, написанную программу, которую читали в лесу.

Затем показаниями опрошенных свидетелей Василия Волкова, Николая Крупкина и Николая Ускова устанавливается, что первому Попков давал читать «Письмо к голодающим крестьянам», Крупкину Алексей Гусев давал читать «Письмо к голодающим» и воззвание «От рабочих социалистов».

Гусев даже просил распространять последнее среди рабочих, но как можно осторожнее. По показанию свидетелей Трофима Агафонова и Егора Андрианова, «Письмо к голодающим» Андрианову давал Андрей Андреевич Андреевский. Наконец, показаниями многих опрошенных свидетелей и негласными розысками достаточно устанавливается близость отношений и интерес какого то возникающего общего дела между Алексеем Алекторским и Яковом Попковым, Яковом Штиблетовым и Ефимом Гусевым. Были вначале указания и на Андрея Андреевского, но они не нашли себе достаточного подтверждения. Вследствие же имевшихся уже при начале дознания данных у всех означенных пяти лиц в ночь на 11-е сентября был произведен внезапный обыск, при чем у Алекторского и Штиблетова ничего не оказалось. У Андреевского найдено рукописное евангелие графа Толстого; в квартире Гусева, кроме нескольких нецензурных стихотворений, найден экземпляр первого письма «к голодающим крестьянам» и у Попкова несколько отдельных листков собственноручных отрывочных его заметок, в которых ясно выражается недовольство существующим порядком положения рабочих и ропот против эксплоатации фабрикантами рабочих, с указанием на необходимость общего противодействия.

В числе привлеченных к дознанию Алексей Алекторский, Иван Штиблетов и Василий Кривошея безусловно отрицают некоторые факты или же стараются об'яснить свое знакомство с другими привлеченными лицами и всякое отношение к ним совершенно случайными обстоятельствами. Ефим же Гусев, напротив того, по отношению обстоятельств дел, к нему относящихся, чистосердечно сознался вполне с вышеуказанными данными; затем обвиняемый Попков сна-

чала упорно от всего отказывался, потом все-таки признал справедливость изобличающих его обстоятельств, об'ясняя, что на все на это его подвинул служивший прежде письмоводитель полицейского надзирателя дворянин Василий Кривошея, дававший ему для распространения среди рабочих несколько воззваний к голодающим и две брошюры, переданные после Клюеву; когда же 30-го августа Василий Кривошея с Федосеевым приезжали в Орехово, то именно они оставили ему читанную впоследствии программу для рабочих. До приступа к дознанию имелись указания, что Алексей Алекторский прежде жил в Александровском уезде на фабрике Бажанова, где он был хорошо знаком с рабочим Иваном Галиным, от которого он и заразился вредными идеями, и что у Галина будто бы скрывается целая библиотека запрещенных книг. Поэтому начальник владимирского губернского жандармского управления сделал распоряжение о производстве у него, в порядке законов об охране, обыска и его задержании. Такое же распоряжение было им сделано и по отношению Николая Федосеева. Что же касается до привлеченных к дознанию Попкова, Штиблетова, Гусева, Алекторского и Кривошеи, то они все в порядке, установленном 416 и 421 ст. Уст. Угол. Судопр., заключены под стражу во владимирскую губернскую тюрьму, а Андреевский отдан под особый надзор полиции».

Провал не убил революционного духа рабочих.

Весть об аресте группы лиц с молниеносной быстротой разнеслась по фабрикам и заводам Орехова, но причины ареста вряд ли кто знал, а если и были такие, говорить об этом не решались. В уборных фабрик долго говорилось об арестах, и симпатии рабочих были на стороне арестованных. Но, как надо полагать, не все были арестованы, и связь с ореховскими рабочими была восстановлена Андреевским, после чего он вскоре и уехал в Нижегородскую губернию. Были и другие связи, не менее интересные и важные, которые связывали сидящих в тюрьме с внешним миром, о чем имеются документы архива жандармского управления.

По приговору царского суда Николай Евграфович был выслан на 3 года в Вологодскую губернию. Кривошее было дано 2 года одиночного заключения в крепости, Попкову 1 год тюрьмы, Алекторскому 4—5 мес., а Штиблетову зачли предварительное заключение и дальнейшему наказанию не подвергли. Н. Е. Федосеев, находясь в Вологодской ссылке, старался всеми силами с Ореховом связь восстановить и

руководить этой организацией, на что указывает ряд писем. Эти попытки Федосеева имели успех.

Через 2 месяца после ареста Штиблетов (Буренков) был выпущен из тюрьмы и, после высылки на родину, вскоре вернулся опять в Орехово. Здесь он, как старый знакомый, временами виделся с Андреевским, с которым переписывался и Федосеев из тюрьмы, а потом и из ссылки в Вологодской губернии.

Штиблетов по вызову из Владимира ездил туда и получал литературу, а также ездил и в Нижний с той же целью. Работа не носила организованного характера, но отдельно разрозненные единицы продолжали агитацию среди рабочих масс.

22-го ноября 1895 года около конторы бумаго-прядильной фабрики Саввы Морозова, на телефонном столбе, недалеко от поста городового, была приклеена хлебом бумажка, на которой чернилами было написано:

Да здравствует
социло-демократическая
республика
Да погибнет монархія

Точно такого же содержания бумажка была наклеена на фонарном столбе около канцелярии полицейского надзирателя в июне месяце.

Найти крамольников приехал сам жандармский полковник Воронов и лично производил обыски у Меркулова и Хазова, причем ничего предосудительного найдено не было. Большую роль в дальнейшей подпольной работе сыграл ореховский рабочий Самохин, высланный из Питера под особый надзор полиции в Орехово.

Начало орехово-зуевской партийной организации

Часть вторая.

Возникновение кружка Р. С. Д. Р. П.

Разговор рабочего социал-демократа с жандармским ротмистром.

В половине 1900 года в Орехово из административной ссылки приехал к своим родным на время бывший рабочий на фабрике Викула Морозова Максим Ларионович Рудаков, который был знаком с Бабушкиным, Ив. Вас., состоял членом „Союза борьбы рабочего класса", вместе с Бабушкиным был арестован, год с лишком находился под следствием и выслан в гор. Полтаву. Приехав в Орехово, Рудаков постарался увидеться со старыми друзьями детства, прощупать их со всех сторон и заложить фундамент организации Р. С. Д. Р. П. Первоначально он встречался с Захаровым А. М., в трактире Татарникова, а после сходился с Лапиным, К. К., и Симоновым, Н. А., то на квартире брата Рудакова, И. Л., то у Симонова, читая нелегальную литературу, обсуждая прочитанное и намечая для вербовки других лиц. В дальнейшем эти собрания посещали Сельдяков, С. Д., Барышников, А. А., и иногда бывал Баталин, А. В. Сам Рудаков из Полтавы в Орехово приезжал нелегально несколько раз.

Хотя кружок был составлен из надежных рабочих с фабрик Саввы и Викула Морозовых, но тайная работа скоро стала известна полицейскому приставу и жандармскому ротмистру Арцыбашеву. Последний, в присутствии пристава села Зуева, в квартире брата Ивана и матери, где, приезжая, жил Рудаков, 3-го марта 1901 г. произвел обыск. Как

ни старались ретивые служаки найти что-либо компрометирующее, это им не удалось. Искали везде, где только вздумалось: снимали с полок иконы и вынимали из иконостасов, ободрали бумагу, которой были оклеены стены, выломали полы, копались с лопатами на чердаке и т. д. После обыска, чтобы не итти пустыми, арестовали М. Рудакова.

Рудакова через 2—3 дня вызвал на допрос ротмистр Арцыбашев, который, считая себя опытным старым ищейкой, обратился прямо к Рудакову со следующими словами:

— Ну, что, брат, попался, посидишь теперь, ведь мне все известно. Я знало всех твоих товарищей, и они не уйдут из моих рук. Ты опытный человек, все будешь отрицать и ни в чем не сознаешься. Давай лучше поговорим откровенно.

— Да, я буду откровенен,—сказал Рудаков,—если вы будете откровенны. Скажите, господин ротмистр, кто меня выдал? Тогда я расскажу, какую литературу привозил.

— О, этого нельзя. Это есть тайна. Если ты мне здесь расскажешь, кто состоит в вашем кружке, то об этом никто знать не будет, и я дало слово, что после некоторой формальности дело о тебе прекращу и освобожу, поезжай только опять в Полтаву, где находишься под надзором. Не хочешь, не надо, мне все известно. Известно, например, как в 12 часов дня с московского поезда ты встретил приезжего организатора. Видишь, как все верно, точно установлено,—самодовольно закончил ротмистр, смотря в упор на Рудакова своими рыбьими глазами и шевеля тараканьими усиками.

*— А все-таки вы не были откровенны,—ответил Рудаков.— Не сказали, кто меня выдал. Но я тоже не буду совсем откровенен. Литературу привозил я, из Полтавы приехал к родным повидаться без разрешения полиции, я социал-демократ и выслан за политику в гор. Полтаву. Литературу привозил для того, чтобы в Орехове распространить среди рабочих, а приезжал для того, чтобы заложить фундамент организации Р. С. Д. Р. П.—это моя обязанность, как социал-демократа, иначе я не был бы им. Кто состоит в кружке, я не скажу и не сказал бы никогда. Кто меня выдал, я знаю. Выдали меня Агапов и Дмитриев (Ниткин). Вы сами их выдали с головой. Ваши агенты плохи. Никакого организатора я не встречал и не мог встречать только потому, что такого организатора на свете не существует,—это мой вымысел, переданный как-то мной Агапову и Дмитриеву *). Теперь для вас, ротмистр, все понятно, и я больше говорить ничего не буду **).*

В тот же день Рудаков из под ареста был освобожден с тем, чтобы он выехал из Орехова в 24 часа, но Рудаков пробыл еще дня 2—3 Организованный Рудаковым кружок развертывал свою работу.

**) Об этих шпионах напечатано в 1901 году в газете „Искра" №№ 6 и 9.*

***) Этот разговор передал Бабушкин, И. В., в Покровской тюрьме в декабре и январе 1902 года И. Бугрову, автору настоящего очерка.*

Бабушкин, И. В.,– ореховский организатор.

И. В. Бабушкин
(1901 г.).

Рудаков рассказал о происшедшем группе товарищей и уехал из Орехова. Через месяц в Орехово приехал Бабушкин, под кличкой «Неизвестный», к Климу Константиновичу Лапину, которого, несомненно, указал Рудаков. После короткого знакомства Бабушкин пошел гулять с Лапиным, поделился с ним о цели своего прихода и просил познакомить с надежными товарищами. Лапин пригласил Симонова, Н. А., и Захарова, Алексея Митрофановича, с которыми был дружен.

Познакомившись с товарищами и узнав о положении дела, Бабушкин уехал, чтобы затем наладить регулярные приезды через каждые две недели. Работа продолжалась, вырастали новые кружки. Почвы для работы было много, рабочие умы всколыхнулись, запрещенная «Искра» читалась рабочими с большей охотой и дочитывалась до того, что нельзя было прочесть несколько строк кряду.

Для разрешения вопроса, как продолжать работу в зимнее время, что было чрезвычайно трудно вследствие тесноты помещений и постоянной слежки шпиков, было устроено расширенное собрание из более надежных приглашенных товарищей, которых присутствовало 10—12 человек. Собрание проходило в лесу. Вопрос, главным образом, сводился к отысканию квартиры на ближайшее время. Квартиру поручили найти Лапину и Захарову, с отдельным входом и капитальными стенами. Лапин и Захаров должны считаться арендаторами и жить в снятой квартире, предоставляя помещение для собраний и других конспиративных целей, а за это организация оплачивала стоимость квартиры. Такую квартиру нашли на Новой Стройке в доме Шанина. Партийная работа все более и более укреплялась и развертывалась. Имелась даже связь с несколькими фабриками вне Орехово-Зуева.

В Орехове организуется партийный комитет.

Руководство движением принимает более четкие формы.

Связь с „Искрой“.

Покровская тюрьма впервые приняла политических „преступников“.

Чтобы организация имела правильное руководство кружками, Бабушкиным были выделены Воробьев Андрей Никитич, Сельдяков Сергей Дмитриев, Ерошин Иван Титович, Захаров Алексей Митрофанов и Лапин Клим Константинович, которые и составили районный комитет. Спустя некоторое время в комитет были завербованы вновь вступившие члены: Иван Леонтьевич Макеев, рекомендованный Захаровым, и Бугров Игнатий Васильевич, рекомендованный Сельдяковым. Последние два новых члена тут же были утверждены комитетом и введены в члены его. На этом же собрании зачитан и утвержден устав кассы орехово-богородской организации Российской социал-демократической рабочей партии, который был отпечатан в одном из № газеты «Искра», признанной организацией руководящим партийным органом.

Согласно принятого устава, члены организации должны быть строго законспирированы. Каждый член комитета ведет агитацию среди товарищей, хорошо ему знакомых, вербуя их в члены партии и организуя из них кружки в количестве от 3-х до 5-ти человек, при чем о каждом новом члене и кружке в письменной форме сообщает секретарю комитета. На обязанности членов комитета лежит также ведение занятий в кружке, распределение литературы и сбор денег.

Игнат Васильевич Бугров, активный участник морозовской стачки, революции 1905 года и октябрьского переворота, б. рабочий-ткач.

Как строго конспиративно члены организации себя ни обставляли, все же конспиративная квартира и некоторые члены были обнаружены, и за ними была установлена уси-

ленная слежка. Да и фабричная администрация немало способствовала этому через подбор казарменных смотрителей и обходных, которые жили в одних казармах с рабочими. Все сведения о заподозренном в неблагонадежности передавались в контору, а последняя направляла их к жандармам и полиции. Как-то среди членов кружка и рабочих быстро распространился слух, что в Зуеве арестовали какого-то студента, который работал на фабрике и занимался подговором к забастовке. Слух оказался правильным. Дело было так: крестьянин Сидор Антонов Ершов донес полицейским властям, что Симонов, Николай Агафонов, хранит нелегальные издания «Красное Знамя» и газету «Искра» *). У Симонова жандармским ротмистром Арцыбашевым был произведен обыск, которым найдено под крышей курятника дома Воронина, где он проживал, брошюра «Красное Знамя», а под завалиной, занимаемой им квартиры книжку страниц в 200 под названием «Искра» **). Симонов 2 ноября 1901 года был арестован и заключен в Покровскую тюрьму, в одиночную камеру, где находился в порядке охраны до 18-го ноября. По освобождении из тюрьмы сдан под особый надзор полиции, местом которого Симонов выбрал Орехово.

Покровская уездная тюрьма впервые приняла в свои об'ятия политического «преступника» и вскоре выпустила его из своих лап только для того, чтобы встретить других лиц, в большем количестве. Ждать долго не пришлось Прошло только пять недель, как ранним утром, скрипя по мерзлому снегу, к тюремным воротам подкатили три тройки, запряженные в розвальни, под охраной конных астраханских казаков и конвойных жандармов. Лошади остановились. Тюремные ворота распахнулись, и 7 человек политических поглотила тюремная пасть.

Разгром ореховской организации.

Как они обыскивали.

Три документа жандармского ротмистра.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1.

20-го декабря 1901 года в местечке Никольском я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Арцыбашев, получив агентурные сведения, что в ночь с 23-го на 24 декабря в селе Орехове на Новой Стройке в доме Шанина в квартире Захарова и Лапина будет присутствовать неизвестное лицо, приезжаю-

---

*) *Архив прокурора Влад. окружного суда за 1901—2 годы, д. № 2, лис. 4.*

**) *Там же, дело № 7.*

*щее всякий раз на эти сборища из Москвы, что на этой сходке будут читаться революционные газеты и брошюры, постановил—на основании ст. 21 положения о государственной охране—произвести в названной квартире обыск, а также и у других лиц, которые по агентурным сведениям навлекают на себя подозрения в том, что бывают на этих сходках *).*

ПРОТОКОЛ № 4.

1901 г., 23 декабря. Прибыв в пять часов вечера в помещение, занимаемое Алексеем Митрофановичем Захаровым и Климентом Константиновичем Лапиным в селе Орехове, на Новой Стройке в доме Шанина, произведен обыск, причем оказалось: квартира, занимаемая в третьем этаже, занимаемая вышеуказанными лицами, состоит из 3-х комнат, кухни и чулана. В помещении оказались следующие лица: какой-то неизвестный приезжий человек, не пожелавший об'яснить своей фамилии, Иван Титов Ерошин, Андрей Никитич Воробьев, Сергей Дмитриев Сельдяков, Федор Моисеевич Скворцов, Климент Константинович Лапин с женой Прасковьей Алексеевной Лапиной и нянькой Ольгой Леонтьевной Лапиной и Ананий Семенов Селиверстов с женой Пелагеей Константиновной. Спустя некоторое время пришел сюда же и Алексей Митрофанов Захаров (Ульянов) с женой Настасьей Сергеевной. Все помещение комнаты и надворные постройки были тщательно осмотрены, причем на столе в комнате, служащей спальной Захарову, на маленьком столике, перед которым сидел неизвестный, лежали разного рода нелегальные сочинения, а также и на окне комнаты. Все находившиеся в квартире лица были тщательно обысканы, и все письма, записные книжки и деньги, находящиеся при них, отобраны и представлены.

ПРОТОКОЛ № 6, 1901 год 23 декабря.

11 час. вечера я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Арцыбашев, прибыл в 11 часов вечера совместно с полицейским приставом местечка Никольского Деевым и нижеподписавшимися понятыми в помещение, занимаемое Бугровым, состоящее из одной комнаты, в которой помещается Бугров с женой Февроньей Васильевной. Вся комната обыскана...

* * *

Бугров вспоминает действия ротмистра Арцыбашева и пристава Деева во время производства обыска.

Обыск производили лично Арцыбашев и Деев,—жандармы и городовые только стояли в комнате, повидимому, им не доверяли. Арцыбашев путался в книжках, находившихся в переплетной работе, взятых из общества трезвости; все книжки были „духовно-нравственного“ содержания. Деев не один раз перекидывал постельные принадлежности. Все их труды были напрасны. Арцыбашев часто смотрел на часы и торопил Деева скорей кончать, время было уже около 10-ти часов вечера.

**) „Путь к Октябрю“. Выпуск № 1, стр. 282—283. Изд. 1923 г.*

Арцыбашев, прервав обыск, обратился ко мне со следующими словами:

— Когда я вошел в комнату для производства обыска, то вся обстановка комнаты (царские портреты, иконы и листовки из „общества трезвости“ в рамках из багета) на меня произвела такое впечатление, что время будем тратить напрасно. Мы обыскиваем около трех часов и ничего предосудительного не видим. Но если ко мне поступило донесение, я должен его проверить. Возможно, данное донесение могло быть по злобе, из зависти и проч. Скажи, пожалуйста, на кого бы ты мог подумать, кто на тебя мог сделать какое-либо мщение?

— Таких лиц,—ответил я,—не знаю, и к этому повода с моей стороны, кажется, не было, а если кто имеет какое-либо зло, то мне совершенно неизвестно.

— Может быть,—говорит Арцыбашев,—ты имеешь знакомство с лицами нехорошего поведения, которые приглашали тебя куда-нибудь на собрание, или где-либо говорил с ними и тебя могли заметить? Не припомнишь ли такого случая и с кем?

— Говорить мне приходится со многими лицами ежедневно, а особенно в праздники при выдаче книг из библиотеки „общества трезвости“; на собраниях был того же общества не один раз.

На этом наш разговор был закончен. Обыск продолжался.

* * *

В подушках Дееву, наконец, попал в руки „Капитал“ Маркса, он передал его Арцыбашеву со словами: „вот какие книжечки трезвенник почитывает“.

— Где взял эту книжку и на что она тебе нужна?— спросил Арцыбашев, обращаясь ко мне.

— Книгу купил у Палладина в магазине,—ответил я,—а купил для того, чтобы научиться как нажить капиталы.

Перебирая в шкафу книги, Деев нашел между книгами газету № 3 „Искра“. Арцыбашев, должно быть от радости, покраснел.

— Да, теперь ясно, что на тебя донесли не зря. Производя все время обыск, я сомневался, но теперь переверну все вверх ногами, а найду, что мне нужно.

Обыск закончили только к 11 часам почи.

Результатами обыска был почему-то заинтересован Сергей Александрович Назаров (директор отбельно-красильного заведения т-ва Саввы Морозова). О произведенных арестах жандармы сообщали ему по телефону. Назаров давал указания, у кого произвести еще обыск.

Кто же выдал?

Христианские миссионеры на службе охранки.

ПОКАЗАНИЕ НИКОЛАЕВА, ПРОТОКОЛ № 2.

6-го августа 1901 года мой сотрудник Иван Леонтьев Макеев передал мне представляемый мною Вам экземпляр журнала „Искра“ № 3 за апрель 1901 года. Понимая вредное направление этой газеты, я просил Леонтьева примкнуть к партии, распространяющей подобного рода сочинения, и хорошенько проследить, кто этим занимается и откуда привозят.

ПОКАЗАНИЕ МАКЕЕВА.

4-го августа около 5-ти часов вечера я шел на работу, меня догнал Иван Иванович Малолетний; фамилия это или кличка—не знаю. Во время разговора вынул из кармана и дал мне № 3 газеты „Искра“, за апрель 1901 года. Прочтя газету, я ее признал за вредную и счел за лучшее посоветоваться с миссионером Николаевым, который посоветовал мне, не говоря никому ничего, сначала хорошенько проследить и сообщить ему о результатах моего наблюдения. Спустя несколько времени, я познакомился еще с рабочим Алексеем,— по кличке „Лысый“; раньше работал у Вик. Морозова и теперь служит ткачом у С. Морозова.

Около 25-го августа часов в 7 вечера пришел он ко мне в каморку... Раньше „Лысый“ жил в с. Зуеве, а теперь, кажется, в с. Орехове, на Новой Стройке, дома не знаю... Между прочим, „Лысый“ показал мне и предложил прочитать брошюру „Красное Знамя“ и „Харьковский раек“. Сказал, что все сочинения, по миновании надобности, будут пересылаться в Иваново-Вознесенск и в Дрезну. Приглашал меня на собрание членов их компании.

3-го ноября в бане подошел ко мне Малолетний и говорит: „Будьте осторожнее с газетами „Искра“, а то в казарме № 1, на Крутом, в 3 этаже на свадьбе у Михаила наши начудили, что в Зуеве у кого то был обыск, кто-то всех выдает“. Михаил, видимо, тоже принадлежит к их компании, так как я его часто видел с „Лысым“. Познакомился еще с Иваном Алексеевым Любимцевым, бывшим смотрителем на новой ткацкой фабрике С. Морозова, который предупреждал меня, чтобы я был осторожней с Агаповым, так как тот может всех выдать полиции.

№ 3 журнала „Искра“ от 1-го апреля 1901 года, издания Р. С. Д. Р. П., который вручил господин миссионер Николаев,— тот самый, который получен был мною от Малолетнего.

Жандармский ротмистр Арцыбашев, повидимому, сознательно нигде не упоминает, что Макеев, Иван Леонтьев, был членом кружка, а также и бывал на собраниях кружка. Макеев в доме Шанина был не один раз, а в протоколе говорится, что он дома Шанина не знает. Несомненно, делалось это с определенной целью, чтобы Макеева не привлечь к ответственности и тем не обнаружить его подлой провокаторской деятельности.

Гнусная деятельность миссионера Тимофея Алексеевича Николаева подтвердилась его протокольными показаниями.

Ярый проповедник христианской церкви, любви и братства, радеющий свое христианское стадо ввести в царство небесное, в то же время состоит агентом жандармов, со спокойной совестью десятки и сотни непокорных рабочих гонит в тюрьму, лишает заработка и обрекает на голодное существование их семьи.

Несмотря на проявленную в этом деле ретивость Арцыбашева, его скоропалительными действиями остались недовольны, что видно из донесения в Московскую судебную палату Владимирского окружного прокурора, где, между прочим, говорится:

По моему мнению, ротмистр Арцыбашев, не имея еще точно установленных данных об организации среди ореховских рабочих преступного сообщества, поспешил сделать аресты... Несомненно, что после оглашения в местечке Орехове среди рабочих об аресте 11-ти человек, как приезжих агитаторов, так и местных деятелей, сочувствующие преступной организации будут еще осторожнее, и никаких новых данных нельзя будет обнаружить, а, напротив того, пропуском времени сгладится и может быть скрыто все то, что при обстоятельном формальном обследовании в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. могло быть вполне установлено к изобличению преступности задержанных уже теперь лиц.

Первый допрос был произведен 12 января 1902 года следующим товарищам: Бабушкину, Павлову, Лапину, Симонову, Сельдякову и Скворцову. На следующий день Бабушкина отправили во Владимирскую тюрьму. 13 января допрашивались: Бугров, Воробьев, Захаров и Ерошин. Вторичные допросы производились 21/II и Бугрову третий допрос об отобранном шрифте в марте месяце 1902 года. Затяжкой допросов и негласной агентурой из рабочих, вымоганием под различными угрозами показаний от жен арестованных Арцыбашеву, наконец, удалось собрать кое-какой материал для обвинения в принадлежности к Рос. соц. дем. раб. партии, установить существование орехово-богородского комитета этой партии и пополнить тюрьмы новыми лицами, арестованными в разное время.

В период с 23 декабря 1901 по 26 марта 1902 года было арестовано 20 человек, из коих только один Дудрев был на свободе, под негласным надзором полиции, а остальные 19 человек содержались в Покровской и Владимирской тюрьмах, в предварительном заключении.

Из числа арестованных Бабушкин получил 4 года административной ссылки в Восточную Сибирь, Воробьев и Бугров в Архангельскую губернию по 4 года каждый, Сельдяков, Захаров и Лапин в Вологодскую губернию по 4 года каждый, а остальные отделались предварительным заключением.

Накануне первой революции.

После провала связи с Москвой порвались. В Орехове появились новые сыщики и провокаторы. Оставшиеся товарищи продолжали группироваться между собой в два, три и более человека, но, не имея опытного руководства, не могли восстановить организацию: каждая группа, каждый товарищ предоставлены были самим себе и варились в собственном соку. Однако, арест послужил хорошей агитацией: до того времени спокойные рабочие всколыхнулись. У станка, в уборных, на улице, в коридоре, в гостях за выпивкой шли разговоры о том, за что арестовали, чего хотели добиться арестованные. Многие стали углубляться в чтение и искать таких людей и книг, которые помогли-бы разобраться в политических вопросах. Нелегальная литература, хотя редко и в небольшом количестве, но все же поступала в Орехово из Москвы от местной учащейся молодежи, и временами даже устраивались собрания. Так продолжалось до 1905 г.

Возникшая война с Японией толкала рабочих на революционный путь. Экономические условия постепенно ухудшались, заработная плата падала.

Вот что, между прочим, писал в своем успокоительном политическом обзоре по Покровскому уезду за 1904 г. жандармский ротмистр Устинов.

Единственный случай выражения неудовольствия со стороны ткачей Викула Морозова—в августе месяце на низкие расценки, но этот вопрос был улажен правлением без особых осложнений, но нельзя поручиться, что в будущем рабочие останутся также умеренны в своих требованиях и не примкнут к общему рабочему движению, начавшемуся по всей России.

Об этом случае „выражения неудовольствия“ ткачей Викула Морозова фабричный инспектор 8-го участка по Владимирской губернии Кудрявцев в отношении и телеграмме от 28 августа за № 789 пишет более подробно:

„Имею честь довести В. Вс., что вчера, 27-го августа в $9^1/_2$ часов утра на ткацкой фабрике Викула Морозова 2-я смена ткачей, оставив работу в количестве 350-ти человек, явилась в контору и заявила заведующему о том, что все рабочие не желают работать по об'явленному им 1-го августа с. г. расценку на новые товары“.

Недовольство против царя и его правительства в связи с войной и мобилизацией было не только среди рабочих, но и среди крестьян. В архиве Владимирского жандармского управления за 1904 год найдены дела о случаях оскорблений и брани по адресу царя со стороны крестьян.

Темная, забитая несознательная масса уже стала терять веру и уважение к царю и его правительству.

1905-й год.

Часть третья.

Как встречали новый год.

Волна забастовок.

Под новый 1905 год в обывательских купеческих семьях, как и всегда, устраивались встречи нового года, пили и пели в честь генерала Куропаткина и страстно желали победы над „япошкой косоглазым“. В церквах гудели колокола, духовные особы рядились в праздничные даровые ризы, провозглашали победу царю над внутренними и внешними врагами.

Не то происходило в казармах, в квартирах рабочих, там была другая встреча нового года. Все казармы рабочих были наводнены жандармами, городовиками, обходными (особый род фабричной полиции, вооруженной дубинами и железными палками) и др. доносчиками, которые прислушивались к каждому звуку рабочих и обо всем доносили куда следует.

Рабочие встреч нового года не устраивали. Днем ходили друг к другу в гости, и разговор всегда начинался с родных и знакомых, которые находились в далекой Манчжурии, проклинали войну и тех, кто ее затеял. Вспоминали об арестованных и высланных, незаметно переходя к вопросам о трудности работы, о вздорожании продуктов, низкой заработной плате, сокращении рабочих и рабочего дня в неделю, что лишало заработка. Не обходили молчанием и администрацию фабрик, давали ей оценку по заслугам.

Так день за днем росло революционное сознание рабочих. С каждым днем революционная волна захватывала все новые рабочие кварталы. То на одной, то на другой фабрике вспыхивали забастовки. О таких забастовках рабочие все чаще стали поговаривать:

— Что же у нас не забастуют,—говорили некоторые,—ведь жить стало невозможно.

— Подожди,—отвечают другие,—так тоже не пройдет, нужно сговориться как следует.

События назревали с каждым днем. Но при отсутствии связей с руководящими центрами, рабочие ореховского района даже о расстреле 9-го января в Ленинграде узнали только из газет. Весть об этом сразу приподняла настроение рабочих, они думали, что революция уже началась.

Начались стихийные забастовки, поводов к которым было много, особенно на экономической почве.

На Дулевском заводе.

На заводе Кузнецова существовали свои старые порядки и законы. Например, с рабочих, проживающих в заводских квартирах, производился вычет за пользование квартирой. Вычет производился за пользование инструментами и приспособлениями в размере 5% с заработанного рубля, не принимался во внимание даже низкий расценок заработной платы. Рабочие, наконец, не выдержали и забастовали, пред'явив своему хозяину требование о повышении заработка. На заводе работало 2590 человек, из них забастовало 2000 человек. Полетели телеграммы, срочные курьеры с донесениями во все концы. Рабочие держали себя тихо, но хозяин Кузнецов и губернатор струсили. Под видом поддержания порядка на завод прислали одну роту пехоты и казаков. Хозяин против мелких законных требований возражать не стал и удовлетворил их полностью, чем надеялся поднять перед рабочими свой авторитет. Забастовка толкнула рабочих на организованное движение, и среди них образовалась небольшая группа РСДРП.

Вслед за Дулевом—ткачи Викула Морозова.

Полиция и жандармы были уверены, что морозовские рабочие не останутся в стороне, а примкнут к общему, начавшемуся в России движению. Чтобы предупредить выступления рабочих в самом начале, весь сыск был поставлен на ноги, усиленные наряды городовых и казаков были наготове.

Через агентов жандармы и полиция 19-го января уже узнали, что 20 числа ткачи фабрики Викула Морозова намерены подать администрации требования и об'явить забастовку. К 5-ти часам утра около входов в фабрики были усиленные наряды конных казаков и городовых. Рабочим пришлось итти сквозь их строй. Работы начались обычным порядком.

Фабричный инспектор Кудрявцев в своем отношении старшему фабричному инспектору Владимирской губернии за февраль 1905 г. так описывает происшедшее затем событие:

Сего дня ко мне заявились рабочие ткацкой и плисорезной фабрик Викула Морозова до 200 человек, как представители, якобы, всей ткацкой и плисорезки, и предложили представить правлению следующие требования: 1) уволить от должности ткацкого мастера А. П. Горева, в виду его крайней требовательности в работе, и браковщика Ив. Ив. Осипова, неправильно браковавшего сдаваемый товар, отчего понижался заработок у ткачей; 2) немедленное введение старост по примеру фабрик Саввы Морозова; 3) повышение расценка на товары в зависимости от заработка от 20-ти до 45%; 4) понижение штрафи за неисправную работу; 5) отмена осмотра рабочих и др. требования, всего 10 пунктов.

Кудрявцев принял требования от рабочих и обещал передать хозяевам того же дня, но не упустил случая дать им внушение, чтобы в следующий раз большой толпой не ходили и работы не оставляли, а выбрали бы уполномоченных. Для переговоров уполномоченные тут же были выделены, некоторые по указанию фабричного инспектора. Фабричный инспектор пункты 1 и 3 требований предложил снять и не упоминать перед хозяевами.

Вечером об'явлением от правления фабрик выделенные уполномоченные приглашались в главную контору для переговоров. Переговоры правления с выбранными от рабочих затянулись до глубокой ночи и не привели к соглашению. Правление упорно отказывалось от удовлетворения первого и третьего пунктов требования, дало обещание расценки пересмотреть, по остальным в о п р о с а м дало неопределенные, двусмысленные ответы. После таких переговоров ткачи фабрик Викула Морозова 21-го января забастовали в количестве 2.590 человек. Правление расклеило следующее об'явление.

„Если во вторник, 25-го января рабочие не станут на работу и будут упорствовать в забастовке, на основании пункта 1 ст. 104 Устава Промышленности, получат рассчет по день прекращения работ, и тогда фабричное управление оставляет за собой право нанимать лиц тех из них, кои заявили себя добросовестной работой и хорошим поведением“.

Угроза быть уволенными с фабрики и выброшенными на улицу беспокоила рабочих. К тому же к ткачам другие отделы не присоединились, а среди ткачей не было твердой спайки и правильного руководства. Вот почему 23 января рабочие в полном составе приступили к работе на старых условиях в ожидании милости хозяина или более подходящего момента.

Верноподданническая телеграмма Куропаткину.

Как „благодетель“ Саввушка принял рабочих представителей.

Новая стачка.

Чтобы отвлечь рабочих от революционного движения и направить все мысли на патриотические рельсы, господа Морозовы вкупе с полицией организовали торжественный молебен с многочисленным духовенством, хором певчих и святой водичкой. После молебна, от имени рабочих и служащих фабрик, 6-го февраля 1905 года послали генералу Куропаткину прочувствованную телеграмму следующего содержания:

„Мукден. Его Высокопревосходительству генерал-ад'ютанту Алексею Николаевичу Куропаткину.

Тяжелые испытания постигли дорогое нам отечество. Враги внешние и враги внутренние волнуют его. Служащие и рабочие фабрик т-ва Викула Морозова сыновей, скорбя всем сердцем о своей родине, собрались сегодня помолиться Господу Богу о даровании победы нашему оружию. Да пошлет Господь Бог мир земле русской и победы над врагами Вашему Превосходительству. Верьте и передайте доблестным войскам Вашим— нашим братьям, что не оскудела еще Святая Русь сынами, готовыми положить свою жизнь за благо родины, и истинно русских людей не смутят козни врагов великой русской земли“

9-го февраля получилась ответная телеграмма от Куропаткина.

„Сахетунь. Искренно благодарю за чувства, выраженные в телеграмме служащих и рабочих фабрик Морозовых сыновей. Генерал-ад'ютант Куропаткин“.

Телеграмма и ответ с подписью полицейского пристава были расклеены в фабричных помещениях и на улице. Но, как видно, агитация эта успеха совершенно не имела. Рабочие из телеграммы увидели, что их окрестили внутренними врагами, т. е. врагами фабрикантов, и решили доказать это на деле.

На фабриках Саввы Морозова 13 февраля выбор старост закончился и того же дня назначили собрание старост. Выбрали председателя и тут же приступили к обсуждению вопроса о своих дальнейших задачах. Попутно затронули вопрос о трудности положения рабочих и награде, которая выдается служащим, но не выдается рабочим. Было предложено пригласить Савву Тимофеевича на собрание и совместно обсудить вопрос о выдаче рабочим награды к Пасхе. Савва только что приехал из Петрограда, отказался итти к рабочим, а предложил притти к нему на завтра. После получения такого ответа старосты решились пойти к нему на

квартиру. К старостам присоединилась часть рабочих, по дороге примкнули другие, и собралась порядочная толпа, которая шла тихо и мирно к своему хозяину—„благодетелю“ как его называли рабочие. Толпа подошла к месту расположения дачи, где проживал „Саввушка“ во время приездов. Ворота дачи оказались запертыми. На стук в ворота сторож не отозвался, хотя он и был около ворот внутри двора. Стук пришлось повторить. В этот момент откуда-то появились астраханские казаки, во главе с исправником Безобразовым, которые окружили рабочих. Началась давка. Казаки размахивали шашками и плетьми. Рабочим деваться было некуда, и они метались из стороны в сторону. Наконец, Безобразов дал распоряжение пропустить рабочих. Избиение на этот раз не произошло Все вернулись на собрание, где и рассказали, как принял Савва вновь избранных старост. Собрание приняло решение, чтобы утром старосты вновь пошли на переговоры к Савве, а работу продолжать обычным порядком, после чего разошлись.

14-го февраля первая смена вышла полным составом, а старосты чуть-свет собрались в кабинете Саввы Тимофеевича. Под его председательством выработали требования*), которые содержали в себе 25 пунктов, и передали Савве Тимофеевичу. Однако, в 9 часов утра пришла на работу вторая смена, которая договорилась с первой тут же начать забастовку.

В 3 часа этого же дня забастовали рабочие фабрик Викула Морозова и пред'явили требования своим хозяевам из 30-ти пунктов: 8-мичасового рабочего дня, неприкосновенности рабочих депутатов, удаления администрации по усмотрению рабочих, неприкосновенности личности и жилищ рабочих, увольнения рабочих по решению только самих рабочих, празднования 1-го мая с сохранением полного заработка и пр. Забастовало всего на двух фабриках 20.070 человек.

Несмотря на „мирный характер“ забастовки, в Орехово были вызваны шесть рот солдат из Владимира и 100 казаков из Москвы. С первого же дня забастовки приехали старший фабричный инспектор Свирский и вице-губернатор Сазонов, которые оставались в Орехове в продолжение всей стачки.

Стачка проходила при полной солидарности и единодушии рабочих. Об'явления от правления не произвели на рабочих никакого действия, и стачка затянулась с 14-го февраля до 9-го марта, т. е. продолжалась 24 дня. Рабочие

---

*) *„Путь к Октябрю“, выпуск II, 1923 г., стр. 142, восп. Клюева.*

этой стачкой добились немногого, но они осознали силу своей сплоченности и солидарности.

Насколько единодушны и сплоченны были рабочие, показывает следующий случай: чтобы предупредить полицейский налет, во всех казармах рабочие назначили дежурства, и когда однажды повели арестованных, дежурившие подняли тревожный крик: рабочие погнались за полицией и зазвонили в колокол. Жители казарм выбежали на улицу, окружили полицию, хватали руками за дула ружей, бросали камнями, но отбить арестованных не удалось. Прискакала казачья сотня, и рабочие разошлись.

В 3 часа дня того же 24 февраля женщины-работницы собрались около 800 человек с маленькими детьми на руках и пошли к вице-губернатору с требованием освободить арестованных. Вице-губернатор, как видно, испугался, дал приказание освободить из под ареста Затравкина и Лыкина. Толпа рабочих встретила арестованных криками „ура“ и проводила до Крутого, где они проживали. Эта была большая победа рабочих над полицией*).

Рабочие были вместе с партией.

Впервые прозвучали слова о необходимости изменения государственного строя.

Партийная организация принимала все меры к тому, чтобы стачка носила мирный характер. Но между двумя враждующими сторонами встало третье лицо—правительство, в лице Сазонова и вооруженной силы. Штыки, казацкие нагайки и шашки направлены были в сторону рабочих.

На собрании морозовских рабочих 24 февраля была принята следующая резолюция, распространенная среди рабочих от имени к-та РСДРП:

*„Мы, рабочие Никольской Морозовской мануфактуры, обсудив условия нашей борьбы в теперешней стачке и приняв во внимание судьбу комиссии Шидловского **), пришли к твердому убеждению, что улучшение быта рабочих несовместимо с существующим государственным строем. Нельзя говорить об улучшении нашей жизни до тех пор, пока не будет обеспечена неприкосновенность личности, свобода собраний, слова, печати. Нам хорошо известны те законы, которые правительство под*

---

*) *Тр. Влад. Науч. Общест. по изз. мест. края, вып. III, стр. 41—42.*

**) *Комиссия Шидловского была назначена царским правительством для рассмотрения требований рабочих в связи с волнениями и забастовками, вызванными событиями 9 января 1905 г. К участию в этой комиссии привлечены были выборные от рабочих. Это была попытка обмануть рабочих и остановить начавшееся среди них движение против самодержавия.*

давлением рабочего движения издает для рабочих. Слишком много примеров набралось, чтобы мы доверяли нашу судьбу и судьбу наших детей тому правительству, которое вместо хлеба преподносит свинцовые пули и солдатские штыки; стон и слезы наших жен, матерей заглушают свист казацкой нагайки. Довольно обманывать нас пустыми обещаниями. Довольно затуманивать сознание рабочих различными комиссиями под председательством чиновников и шпионов.

Мы требуем: 1) 8-часового рабочего дня, 2) минимума заработной платы, установленного законом, 3) неприкосновенности личности и жилищ, 4) свободы стачек, союзов, собраний, 5) свободы печати, слова, совести, 6) отмены всех косвенных налогов и установления подоходного прогрессивного налога, 7) государственного страхования рабочих, 8) обязательного всеобщего обучения за счет государства.

Для осуществления всех этих требований мы признаем необходимым:

*9) немедленный созыв учредительного собрания на основании прямого, равного, тайного и всеобщего избирательного права“ *).*

Эта резолюция была размножена в большом количестве среди рабочих Морозовских фабрик и по району. Был выпущен еще ряд прокламаций за подписью „Орехово-Зуево“: обращение к солдатам Московского комитета РСДРП, письмо Гапона и стихотворение о расстреле 9-го января 1905 года.

Как провоцировала полиция.

„Верноподданные царя“.

Положение все более и более становилось напряженным. 25-го февраля около 7½ часов вечера военный караул в количестве 12-ти человек подошел к нефтяным бакам. Рабочие, видя солдат в ночное время, подумали, что пришли кого-нибудь арестовать, стали собираться и теснить солдат. Из окна 1-ой казармы (на Крутом) кто-то крикнул: „бейте их, они пришли опять усмирять нас“. Солдаты, не понимая, в чем дело, стали прокладывать себе дорогу винтовками: было произведено около 60-ти выстрелов из винтовок. Со стороны рабочих оказалось ранеными 8 человек.

Все происшедшее губернские власти хотели квалифицировать, как организованное нападение рабочих на военный караул,—таково было донесение Сазонова, в результате которого владимирский губернатор Леонтьев разражается следующим об‘явлением:

„Вчера, 25-го февраля вечером на воинскую команду толпой было произведено преступное нападение. Рабочие осмелились посягнуть на царские войска. Означенный возмутитель-

---

**) Труд Владимирского губ. Научн. Общ., выпуск III, 1922 г., стр. 42—43.*

ный случай всецело приписываю дерзкому руководству подстрекателей и непониманию нападавших. Путем насилия рабочие не достигнут ничего, наоборот, навлекут на себя строгую кару и могут вызвать несчастье неповинных семей. Благоразумные должны отстраняться от участия в скопищах, устранять женщин и детей, могущих стать бессознательно невинными жертвами безумия неблагоразумных рабочих. Так как в настоящее время масленица, и работы на фабриках не производятся, призываю рабочих, как верноподданных царя, которому мы все служим, к порядку, ответственность за который, равно как и заботу о безопасности семей, возлагаю на самих рабочих. В случае нарушения порядка рабочими таковой будет восстановлен без малейшего послабления.

Подтверждаю распоряжение о воспрещении всякого рода сходок, сборищ и о запрещении ношения оружия.

М. Никольское, 26 февраля 1905 года[4].

Рабочие, читая об'явление губернатора, посмеивались над ним, а губернские власти направили по Орехову и Зуеву усиленные патрули и конные раз'езды, были вызваны новые наряды казаков и полицейских чиновников. При такой обстановке попробовали пустить фабрики, но рабочие на работу не пошли.

Вскоре об'яснилось и самое „нападение“ на караул. При опросе о происшедшем 25-го февраля рабочие утверждали, что умышленного нападения на караул не было, а также настойчиво утверждали, что утром 25-го февраля в рабочих казармах видели городовых, переодетых женщинами. Первые выстрелы были сделаны не рабочими, а сидевшими в засаде городовыми, которые после столкновения с солдатами, выходили из бани на казарменный двор. Свалка произошла по вине полиции.

На провокацию полиции указывают еще следующие два факта, достоверность которых проверена не была: 1) забастовкой в Орехове весьма интересовался Зубатов, который пробовал даже установить связи, и 2) неизвестно откуда и кем в Орехово был прислан ящик револьверов.

Голодом и провокаторскими действиями фабриканты своей цели достигли. Между рабочими начались колебания. Партийная организация учла этот момент и за подписью Московского комитета Р.С.Д.Р.П. выпустила прокламацию к рабочим с приглашением прекратить стачку.

После окончания забастовки 10-го марта, по желанию господ Морозовых и ореховских полицейских, был составлен список неблагонадежных лиц, проживавших в Орехове, принимавших участие в движении забастовки и имевших большое влияние на рабочих. В список занесены были 22 товарища: Рождественский С. В., Воробьев А. Н., Годунов М. А., Шилкин Н. И., Бастрыгин А. А., Воронцов И. И., Балкин А. Л., Бедняков Г. И., Чистов С. А., Барсуков С. И., Бардин Е. И., Рубцов И. Е., Князев В. П., Клюев В. С., Ва-

сильев М. П., Жуков И. Ф., Жуков А. Ф., Кузнецов Д. А., Соловьев Ф. Н., Ковальский Я., Андреев М. А. и Малышев К. И., которых полиция ходатайствовала выслать из Орехова и села Зуева. Как видно, ходатайство полиции губернатором удовлетворено не было.

Партийная организация снова на своем посту.

Позорный документ.

Демонстрация 9-го мая.

Во время забастовки Московский комитет РСДРП восстановил свои связи в Орехово-Зуеве и укрепил ореховскую организацию, которая охватывала следующий район: Дрезну, Ликино, Дулево, Городищи, Павловский Посад и Богородск.

Партийная организация в пасхальные праздничные дни повела широкую устную агитацию за празднование 1-го мая. Рабочие во время февральско-мартовской забастовки в числе своих требований выставили также требование ввести день 1 мая в табель праздников. Правление ответило на это категорическим отказом. 1-го мая рабочие, одетые по праздничному в красные рубахи, ходили по улицам.

Устроить собрание-массовку или летучку организации не удалось. Полиция была предупреждена. Сильные конные казачьи раз'езды и полиция рыскали всюду по улицам и лесам. Праздник 1-го мая рабочие праздновали мирно и избегали каких-либо столкновений с полицией и казаками.

Правление, желая показать свое „я“ и припугнуть рабочих за их неподчинение и своеволие, 4-го мая вывешивает об'явление с явной угрозой подчинить рабочих голодом. Метод увольнения рабочих правлением Морозовых применялся и раньше. Так, например: к пасхе более 300 рабочих не были приняты на работу. Такие приемы только революционизировали рабочих и толкали их на путь организованности и солидарности между собой, что и было доказано забастовкой с 27-го мая по 13 июня на фабриках Викула Морозова. Правда, эта забастовка была стихийной, и партийная организация не руководила ею, правление прибегло опять к провокаторскому, ранее испробованному способу—собиранию подписей под петицией. Вот образец этой позорной петиции:

В ПРАВЛЕНИЕ ТОВАРИЩ. М-Р ВИКУЛА МОРОЗОВА С СЫНОВЬЯМИ.

Прошение.

Мы, нижеподписавшиеся, все рабочие бумаго-прядильной фабрики, сознавая, что решение правления товарищества при-

остановить фабрики с 1-го июня сего 1905 года было вызвано нашими чрезмерными требованиями, обращаемся к правлению с покорнейшей просьбой извинить нас и пустить остановленные фабрики, причем мы обязуемся: 1) не пред'являть более к правлению и по конторам требований о прибавке к существующим расценкам, 2) также не пред'являть никаких других требований и льгот сверх уже введенных до 1-го июня с. г. и 3) не пред'являть требований о приеме тех рабочих, которых правление т-ва не пожелает принять вновь на работу, хотя бы подписавшихся к этому прошению.

Правление охотно приняло просьбу, фабрики были пущены 13-го июня, но около 150 человек обратно на работу приняты не были.

Насколько был велик под'ем в организации, можно судить по следующему факту: исстари, по заведенному обычаю, 9-го мая в Орехове собирался базар, на который много наезжало торговцев с разными товарами. На базар обычно приходили рабочие с ближайших фабрик, приезжало много крестьян из деревень. В организации быстро решили использовать этот день для революционной демонстрации, назначили сборное место (новое кладбище, за церковью) и даже подготовили на случай нападения дружину.

Жандармский ротмистр Устинов в своем секретном донесении по начальству от 10-го мая пишет следующее:

„8-го мая вечером были получены агентурные сведения, что 9-го мая будет противоправительственная демонстрация в селе Орехове, для чего демонстранты должны были собираться на новом кладбище и по окончании обедни войти в толпу народа, выходящую из церкви, выкинуть красные флаги и пройти с пением революционных песен по ярмарке, и если вмешается полиция и войска, то оказать им вооруженное сопротивление.

В виду таких сведений, решено было предупредить демонстрацию и окружить кладбище войсками. В 9½ часов утра казачья сотня окружила кладбище, на котором было задержано 173 человека, преимущественно молодежи.

По дороге задержанные пели революционные песни, „Марсельезу", причем в пении этой песни особенно были замечены: сын протоиерея Сергей Васильевич Рождественский и рабочие Петр Тимофеев Крючков, Алексей Васильев Кудинов, Николай Ксенофонтович Балабашкин, Трофим Иванов Щелкунов, Алексей Никитич Кузьмин, Иван Михайлов Кадуков, Александр Григорьев Морозов и Степан Васильев Карпунин. Означенные лица арестованы мною в порядке положения о государственной охране и будут привлечены к дознанию, остальные переписаны и освобождены по удостоверении их личности.

*При обыске у задержанных ничего преступного не обнаружено, но при осмотре кладбища под деревом найдено 3 красных флага с надписью „Долой самодержавие" и „Да здравствует социализм" (подпись) *).*

По данному делу Рождественский с 9-го мая по 4-е июня 1905 года содержался в тюрьме. Из тюрьмы был вы-

---

**) Архив Владимирского жандармского управления 1905 г., д. № 55.*

пущен и отдан под особый надзор полиции в Орехово. 2-го октября дело о нем было прекращено совсем.

После майской неудачи развернуть широко работу среди организации оказалось невозможным: сыск, полиция, жандармы и казаки рыскали всюду, даже невозможно было собраться небольшими группами, чтобы не навлечь подозрения. Но все-же товарищи старались использовать всевозможные способы и приемы для ведения агитации и вербовки новых членов партии. Рабочие массы, в особенности викуловские рабочие, были недовольны своими хозяевами. Масса, как говорится, бурлила. В это самое время приезжал Шестаков в Орехово. Последний в своих „*Воспоминаниях*“ описывает так:

„Орехово-зуевская организация быстро развернулась в серьезную партийную группу... Орехово кипело, как в котле. Наши ребята только что распространили листки и на местные, и на общие темы. Полиция, станционные жандармы, шпики—свирепствовали, но никого поймать не могли... За ребятами из организации следили; как пойдут куда, сейчас за ними „хвосты“. А переговорить во что бы то ни стало надо... Решили действовать на ура и бегом пустились на „лужайку, где бродит народ и шалят ребятишки. Тут же сорганизовался кружок игры в „орлянку“, а сбоку пошли резаться в „три листика“. Орлянщики—это было прикрытие, а „три листика“—заседание руководящей группы“.

Организация пользовалась каждым предлогом для своей агитации: именинами, крестинами и свадьбами, устраивали складчины и различные игры.

Товарищам было очень трудно уговорить рабочих бумаго-прядильной ф-ки Викула Морозова от преждевременного выступления—частичной забастовки в конце мая. С 1-го июня Ив. и Елис. Морозовы об‘явили локаут рабочим прядильной, а потом остановили и ткацкие фабрики. Локаут продолжался до 13-го июня, и около 150 человек рабочих было выброшено. После этого партработу вести было еще труднее, но все-таки кое-как удавалось собираться.

Октябрь 1905 года.

Октябрь 1905 г. и для Орехова остается историческим октябрем. Под натиском волны забастовок, охвативших все предприятия, железные дороги и телеграф, накренился самодержавный строй России. От общего движения не отстало и Орехово.

Около 10-х чисел октября забастовали рабочие всех отделов фабрик Саввы Морозова, пред‘явив правлению ряд экономических требований от каждого отдела. Забастовка продолжалась 2—3 дня; рабочие, не дождавшись ответа правления, приступили к работе. Правление-же, со своей сто-

роны, вывесило для сведения рабочих, об'явление, в котором говорилось: „Правление рассмотрит заявления рабочих в поднятии расценков до среднего уровня рабочих, но в виду прекращения железнодорожного сообщения с фабрикой ответ в недельный срок дать не может, а таковой будет дан не позднее первого ноября. Все изменения в расценках будут введены с первого октября".

Рабочие ждали ответа.

В первой половине октября в Орехово приехал Богородицкий (по кличке Яков Васильевич), который оказался прекрасным организатором, пропагандистом и агитатором. Яков Васильевич обладал быстрой сообразительностью, спокойствием и решительностью. Весь он горел боевой отвагой, он возбуждал к себе доверие всех членов партии и беспартийных.

Богородицкий („Яков Васильевич")
(1905 г.).

Манифест 17 октября ореховские рабочие узнали 18 октября, когда приехал из Москвы Яков Васильевич. На экстренном заседании организации постановили: устроить летучки около фабрик в 10 часов 19 октября, когда рабочие по окончании работ будут выходить из фабрик. На летучках должны об'яснить значение манифеста и особо отметить этот день, в знак победы над самодержавием. С этой целью товарищи должны были вести широкую агитацию среди рабочих в течение дня.

Агитация сделала свое дело. Рабочие были подготовлены в обеих сменах, но летучки удалось провести не везде. Полиция и жандармы, повидимому, были предупреждены. К 10-ти часам вечера около среднего выхода бумаго-прядильной фабрики С. Морозова гарцевал большой наряд конных казаков и не давал задерживаться рабочим. Летучка состоялась около другого выхода этой-же фабрики. Хорошо также прошла летучка около новой ткацкой фабрики (теперь № 3), где выступал Богородицкий. Ровно в 10 часов ткачи проходили в ворота, на минуту задерживались, и скоро образовалась большая толпа. Богородицкий встал на

скамью около полицейской будки и начал говорить. Речь была настолько зажигательной, что стоявший рядом городовой не попытался даже остановить оратора. Когда речь была закончена, Богородицкий слез со скамьи и хотел скрыться в толпе. Тут только городовой вспомнил о своем служебном долге—борьбе с крамолой: взял Богородицкого за руку и сказал: „Все, что ты говорил, мы плохо понимаем, неграмотные, пойдем к приставу, он поумнее нас, с ним поговоришь“. . . . . .

При этом сделал движение, намереваясь вести Богородицкого. Неожиданно для всех раздался выстрел, и городовой свалился на землю. Рабочие подумали, что стреляют окружившие казаки, и, пользуясь темнотой, бросились в разные стороны.

О всем происшедшем полицейские власти узнали только около 2-х часов ночи от казацкого раз'езда, который наткнулся на труп городового.

20-го октября с утра рабочие фабрик Саввы Морозова прекратили работу, не пред'являя никаких требований, а в 5 часов вечера прекратили работу и рабочие Викула Морозова. Политическая забастовка продолжалась всего 20-го и 21, а 22 приступили к работе. Во время забастовки никаких демонстративных шествий не было.

Организация ореховского районного комитета Р. С.-Д. Р. П.

К этому времени относится организация в Орехове районного комитета РСДРП и боевых дружин. Все дружинники были разбиты на десятки, каждый десяток имел своего командира. Десятки сводились в полусотни и сотни под одной командой. Начальником всех боевых дружин был Богородицкий. Группы боевых дружин были также организованы на Подгорной, в Дрезне, Ликине, Павловском Посаде и гор. Богородске, единицы были в Городищах и Дулеве. Вооружение дружинников состояло из револьверов разных систем. Незначительная часть револьверов была приобретена дружинниками на свои средства, большинство раздавалось бесплатно организацией. Оружием снабжались из Москвы; на местах имелись тайные склады.

Большевистский штаб на сушилке 30-й казармы.

Партия принимала все меры к предупреждению преждевременного выступления рабочих, сберегая силы для общей пролетарской борьбы. 23-го октября приехал из тюрьмы

К. С. Клюев, который стал вести политико-просветительную работу среди членов партии и беспартийных путем организации бесед, чтения литературы и обсуждения прочитанного. Такие беседы велись по каморкам рабочих, что, однако, не могло удовлетворить всех желающих. Когда встал вопрос о самостоятельном помещении, то выбрали сушилку в 30-й казарме, которую заняли явочным порядком, послав просьбу в правление о выделении помещения для обсуждения рабочими своих нужд. Правление фабрик С. Морозова было поставлено перед свершившимся фактом и рабочим на пред'явленное требование ответило, что „для обсуждения рабочими своих экономических нужд—предоставляется помещение в 30-ой казарме".

Партийная организация развернула работу вширь и вглубь. С раннего утра и до поздней ночи на сушилке 30-й казармы беспрерывно шли заседания комитета, общие собрания членов РСДРП, занятия с кружками, с боевой дружиной, тут-же происходила запись в партию, варилась гектографская масса и печатались прокламации. Партия легализовала свою работу. Со всеми вопросами рабочие шли в комитет. Доверие к комитету было такое, что на сушилку шли даже для разрешения вопросов по семейным делам. Жандармы и полиция прекрасно знали об этом, но никаких мер не принимали. Партия использовала обнародованные в манифесте „свободы". Так продолжалось до 30 ноября.

Локаут—забастовка.

Действия партийной организации и рабочих и бездействие жандармских и полицейских властей не нравились правлению фабрик Саввы Морозова, и оно решило заставить рабочих голодом подчиниться власти.

31 октября правление Саввы Морозова посылает срочную телеграмму владимирскому губернатору о том, что „правление распорядилось закрыть фабрики с первого ноября, в виду того, что, несмотря на сделанные прибавки свыше ста тысяч, рабочими пред'являются новые неисполнимые требования, в силу чего правильная работа восстановиться не может, и начинается полное своеволие рабочих. Просим о немедленном увеличении охраны." *).

В 5 часов того-же дня, во всех отделах фабрик были вывешены об'явления о том, что „в виду ненормальности работ, правление распорядилось остановить фабрики на неопределенное время, и рабочие приглашаются получить рас-

---

*) *Фабричный архив, 1905 год.*

чет". Около 7-ми часов вечера все паровые машины были остановлены по распоряжению правления, и рабочие вышли из фабрик.

Срочно был созван пленум комитета партии, на котором решили на локаут предпринимателя ответить забастовкой рабочих с пред'явлением требования, организовать стачечный комитет, который должен находиться под непосредственным руководством РСДРП (большевиков), произвести выборы представителей от цехов, переговорить по телефону с правлением об отведении помещения для общих собраний рабочих, выделить лиц для записи заявлений рабочих, которые должны войти в требования, установить непрерывное дежурство дружинников, усилить технику и просить Московский окружной комитет прислать агитаторов и пропагандистов на время стачки, немедленно приступить к сбору средств в стачечный фонд для оказания помощи нуждающимся.

За день до забастовки вернулись из ссылки Сельдяков и Бугров, которые тут-же приступили к работе. Правление по телефону разрешило пользоваться помещением бани, а в училище было отказано. 1-го ноября состоялось общее собрание рабочих, которое все предложения партии утвердило.

Выработанные требования состояли из 95 пунктов, на первом листе значилось: *„Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь"!* Ответ требовали через 5 дней. 10 ноября депутаты, выбранные от цехов, в присутствии фабричного инспектора Кудрявцева обсуждали уже пред'явленные требования и подтвердили их, дав свое об'яснение. Одним из основных требований было: *„добиваться всеми силами повсеместного введения 8-час. рабочего дня"*.

Во время забастовки ежедневно происходили заседания партийного комитета, а в 8—9 часов утра общие собрания рабочих. Забастовка проходила при полной солидарности рабочих. Когда происходили собрания, то приходилось прекращать стирку белья,—женщины без ропота освобождали помещения.

Правление Морозова ошиблось в расчете, увидев, что на испуг рабочих взять нельзя: 15 ноября появился ответ на требования рабочих, которым женщины однородных работ с мужчинами уравнивались в правах, с выплатой по мужскому расценку с общей прибавкой от 5-ти до 17%. Правление предлагало рабочим приступить к работе, а остальные пункты требования рассмотреть постепенно.

При обсуждении ответа на общем собрании рабочие отвергли ответ и особенно настаивали на приеме на работу

вернувшихся из тюрьмы и ссылки т.т. Бугрова, Тихона Васильева, К. С. Клюева, Вл. Барышникова и Сельдякова С. Д. Забастовка продолжалась с прежним единодушием до 24-го ноября.

22-го ноября был прислан полный ответ на все 95 пунктов через фабричного инспектора. Правление С. Морозова удовлетворило более 30 пунктов требования. Комитет партии совместно со стачечным комитетом обсудил данный ответ и решил, что *„стачка приняла затяжной характер, экономически и физически истощила рабочих, силы которых необходимо сберечь для общего активного выступления. Ответом правления не удовлетворены, но все-таки кое-чего добились, и на этом стачку кончить. Рабочие, приступая к работе, считают себя не побежденными, а победителями. Когда сочтут нужным, выступят на защиту своих прав против капиталистов более организованно и сплоченно. Предлагается правлению все фабрики приготовить к пуску в 5 часов утра 25-го ноября“.*

Такая резолюция была передана правлению через фабричного инспектора 23 вечером. 24 после общего собрания была устроена демонстрация рабочих С. Морозова с красными знаменами и пением революционных песен. Демонстрация прошла от бани около фабрик Вик. Морозова по Никольской (Ленинской) ул., дойдя до среднего выхода бумаго-прядильной фабрики С. Морозова, где были короткие горячие речи и салют дружинников, после чего демонстрация была распущена.

23-го ноября прекратили работы на фабриках Викула Морозова. Партийный комитет взял в основу морозовские требования и выработал для викуловских рабочих свои в количестве 163 пунктов, которые были утверждены 25 ноября на общем собрании рабочих, которое происходило на открытом месте, около первой рабочей казармы на Крутом, где проживало большинство рабочих. Правление ответило на требование 29 ноября, но рабочие ответом не удовлетворились и продолжали бастовать до 12-го декабря, когда началась реакция.

Первая кровавая схватка.

Столкновение дружинников с астраханскими казаками на фабр. С. Морозова в д. Городищи.

Во время забастовок в Орехове московские рабочие каждый раз получали кое-какие уступки со стороны администрации, но городищинские рабочие почти ничего не получали, несмотря на то, что правление было одно и то же.

Всякому терпению бывает конец. 25-го ноября три представителя от городищинских рабочих приехали в Орехово в комитет РСДРП с просьбой помочь им сорганизоваться и забастовать, выработать и пред'явить требования правлению об улучшении их положения, для чего послать товарища на место.

Партийный комитет в тот-же день в качестве агитатора командирует т. К. С. Клюева и для охраны четырех дружинников: Павла Черепнина (Пашка Ягуза), Павла Новикова, Кабаша Ив. и Василия Бурдина (Васька Баран). На фабрике в Городищах был устроен митинг, на котором решили забастовать. Работа была оставлена. Было предложено устроить собрание на сушилке в казарме. Все стали выходить через сторожку. В этот момент приехали из Орехова шесть астраханских казаков, которые с револьверами в руках вошли в помещение, где проходили рабочие, и расположились в боевом порядке. Один казак подошел к сторожу и приказал ему говорить, кто „свой" рабочий, кто „чужой". Подошел П. Черепнин—раздался выстрел, и пошла беспорядочная стрельба с обеих сторон. Кто стрелял первый—дружинники или казаки—установить не представлялось возможным. В результате перестрелки со стороны дружинников был убит Павел Черепнин, со стороны казаков убитых было двое, двое тяжело ранено, они вскоре умерли, один был легко ранен и один ускакал с лошадьми.

Так было ознаменовано начало городищинской забастовки. Для руководства забастовкой комитет откомандировал 28 ноября Бугрова И. и Вл. Барышникова.

Как хоронили Черепнина.

В день убийства Черепнина на сушилке 30-й казармы по обыкновению шли заседания комитета и собрания дружинников. Когда на сушилке около 12 ти часов ночи оставались Богородицкий и Бугров, неожиданно явился Бурдин Василий, который был отправлен в Городищи, и рассказал, что там произошло: „Ягуза убит, Клюев и остальные товарищи живы. Я расстрелял все патроны и прибежал сюда. Что произошло потом, не знаю".

Долго рассуждать не пришлось. Решили немедленно взять самых лучших, надежных дружинников—человек 5—6, вооружить маузерами с достаточным количеством патронов, пойти на помощь и выяснить положение.

Отряд дружинников во главе с Богородицким отправился и прибыл в Городищи к утру, когда все уже успокоилось. Труп Павла с разрешения покровского исправника привезли в Орехово, первоначально на квартиру матери, а

потом, с согласия матери, перевезли на сушилку, где стали приготовляться к похоронам на 27 ноября. Все боевые силы района были вызваны в Орехово, вооружили добровольцев и нечленов партии. В течение дня и ночи до выноса рабочие непрерывной очередью шли на сушилку проститься с тов. Павлом, многие клали свои трудовые гроши. В день похорон вереницы рабочих шли пешком из других мест за 10–15 верст, поезда были переполнены рабочими, желавшими участвовать в похоронах.

Около 12-ти часов дня 27 ноября обитый красной материей гроб с тов. Павлом вынесли с сушилки 30-й казармы на улицу, где ожидало более 10.000 человек рабочих. После произнесения коротких речей процессия построилась в ряды, а впереди гроба составилась цепь, в которой вперемежку были поставлены дружинники. Главные силы дружины шли за гробом. В процессии, растянувшейся на версты, участвовало более 25.000 рабоч.

Памятник на могиле Павла Черепнина („Пашка Ягуза"), зарубленного казаками 25/XI-1905 г.

Самодержавие воздвигало памятники своим опричникам.

Памятник на могиле казаков, убитых во время разгрома 30 казармы, разбитый восставшими рабочими в октябрьские дни.

А 28-го ноября казаки хоронили своих убитых в Городищах и поклялись отомстить рабочим за эти жертвы. Клятва эта была известна комитету, принимались меры предосторожности: все документы пришлось убрать, массовых собраний на сушилке не устраивать, кроме разве заседаний комитета партии, стачечного комитета и боевых дружин.

Возникновение совета рабочих депутатов.

В начале ноябрьской забастовки во всех цехах, по решению организации, были избраны представители от рабочих фабрик Саввы и Викула Морозовых. Из этих представителей и стачечного комитета фактически образовался при двух огромных фабриках совет рабочих депутатов; от обнародования его воздержались до утверждения на общем собрании рабочих. Ореховский совет рабочих депутатов не имел только юридического оформления и от своего имени ничего не выпускал, а все исходило от имени РСДРП.

Погром 30-й казармы.

Казаки выполнили клятву мести.

Фабрики Саввы Морозова работали полным ходом, а на фабриках Викула Морозова в Городищах, Дрезне, Павловском Посаде и г. Богородске происходили забастовки. Организация при всем напряжении своих сил руководила забастовками.

30-го ноября на сушилке был горячий день: обсуждался ответ правления Викула Морозова, собирались дружинники, шло заседание выборных. К 10-ти часам вечера на сушилке оставалось несколько человек дружинников и беседовавший с ними Кононов. В самой казарме рабочие, вернувшись с работы, по привычке наскоро закусывали и приготовлялись спать, а те, которым нужно было вставать в 4—5 часов утра на заработку, уже спали.

Около 11 часов ночи рабочие сообщили находившимся на сушилке, что казарма окружена солдатами и казаками. Как только получилось сообщение, с улицы раздались выстрелы по казарме. Кононов дал распоряжение немедленно уйти из сушилки и спасаться, кто как может.

Дружинников было очень немного, и организованного отпора они дать не могли. Городовые, астраханские казаки и люди, одетые в штатскую одежду, уже ворвались внутрь казармы, стреляли вдоль коридора с криком: «не выходить из каморок». Кононов, Балабашкин, Кабаш и еще один молодой человек укрылись в комнате Якова Воронцова, где находилась его жена с ребенком и брат Иван Воронцов. Новиков Павел, Костин Иван и Вячеслав, приезжий из Москвы пропагандист, скрылись в другую комнату. Остальные—кто куда попало. Так, Васильев отлежался в ларях на кухне.

Все громилы стремились на сушилку, но она была пуста. Всякого встречного считали крамольником, и первым подвернулся 12-тилетний мальчик, сын Стратона, ожидавший из бани со стиркой белья мать, любовавшийся как на воле мель-

кали ружейные огоньки; ему шашкой срубили череп, кровь и мозги окрасили стены. Застекленная перегородка на сушилке была превращена в кучи стекла и щепы. Доблестные служаки, почуя запах крови, стремились пролить ее еще больше. Возвращаясь с сушилки, схватили Стратона, отца убитого мальчика, избили до полусмерти и начали врываться в комнаты, которые были заперты жителями изнутри, и разбивали прикладами. Такая участь постигла комнату и Воронцовых. Дверь под напором силы стала подаваться. Иван Воронцов отпер дверь и тут же был ранен шашкой; обливаясь кровью, он упал. Городовики стреляли в комнате в разных направлениях, укрывшиеся в комнате ответили выстрелами по громилам, последние отступили и вытащили в коридор Ив. Ворощова, которого истязали до потери сознания. Делались попытки вторичного проникновения в комнату, но получали энергичный отпор.

Кононов, Балабашкин, Кабашев и Ив. Воронцов были ранены. Кроме того, был убит пулей один парень, и много было избито. Раненым и избитым была оказана помощь медицинским персоналом больницы Саввы Морозова, и на 30-й казарме был поднят флаг «Красного креста». Казаки и городовые своих раненых и убитых забрали с собой, похоронили и поставили памятник.

Вдохновитель погрома 30 казармы, как штаба революционного движения, оказался директор ОКФ С. А. Назаров, который знал о подготовке погрома. С утра 30-го ноября он принял меры к предотвращению порчи товара, если рабочие на погром ответят забастовкой.

В черновых набросках фабричного инспектора Кудрявцева говорится:

„Обвиняют Назарова в допущении произвести этот погром, выставляется целью выключение нежелательного элемента и повести дело по-старому... А Павел, паровщик у Гопера, передавал старому исправнику (Безобразову), что Назаров давал 2.000 рублей для производства погрома.

Орехово на военном положении.

На следующий день, 1-го декабря, рабочие чуть свет пошли в больницу проведать раненых товарищей. Не зная, в какой палате лежат раненые, пришедшие заглядывали почти в каждую палату и наткнулись на палату, где лежали раненые в Городищах казаки. Скоро около палаты образовалась группа рабочих. Фельдшер Холлер подумал, что рабочие собираются расправиться с казаками, и позвонил по телефону к „желтякам“ (так звали рабочие астраханских казаков).

Последние не замедлили явиться во всеоружии, и во дворе больницы по рабочим пустили в ход нагайки. Спе-

шенная группа казаков вошла в больницу и выгнала рабочих из больницы во двор под удары нагаек. Протест медицинского персонала не подействовал на казаков. Когда управились в больнице и на больничном дворе, то рабочих стали брать на прицел. Многие шли в больницу для амбулаторного лечения и попадали под пули: так казацкие пули свалили наповал рабочего ткацкого подмастерья и убили старуху, несшую огурцы из балагана. Кроме того, в этот день снова много было ранено холодным оружием и избито нагайками.

Владимирский губернатор Леонтьев, поощряя безвинные убийства, дал полный разгул озверевшим казакам и полиции: по телеграфу он об'явил Орехово на военном положении, которое продолжалось с 12-ти до 4-х часов дня.

За ночь и день рабочие насмотрелись на незаконную расправу царских опричников. Правление Морозовых и не пыталось протестовать против бесчинства, а наоборот, подкармливало казаков колбасой и белым хлебом. Рабочие убедились, что они предоставлены казацкому и полицейскому произволу. Особенно это беспокойство было у жителей 30 казармы, ожидая вторичного побега. К вечеру в казарму пришли несколько дружинников, посоветовались с ее обитателями и решили защищаться до последних сил, если последует нападение. Чтобы избежать напрасных жертв, женщинам с детьми, а также и всем женщинам предложили выйти из казармы.

Вечером в казарме забаррикадировали все входы остатками строительного материала, на всех лестницах расставили посты, натаскали кирпичей, кубы кипятились все время, входа и выхода из казармы не было,—казарма превратилась в маленький бивуак.

Вторая ночь прошла спокойно, набега не повторилось. Утром чуть свет приехали фабричный инспектор Кудрявцев и прокурор Владимирского окружного суда и попросили пропустить их во внутрь казармы. Власти прошли по всем этажам и осмотрели усердную работу казаков. Тогда потребовали от инспектора общего собрания рабочих, на котором обязательно должен присутствовать сам фабричный инспектор. Согласие последним было дано.

На общем собрании рабочих всесторонне освещался вопрос о погроме 30-й казармы (собрание происходило в бане). Тут-же были выработаны и переданы фабричному инспектору следующие требования: удалить из штата никольской полиции местного пристава и командированного на место исправника полице ского чиновника, удалить в трехдневный срок находящихся на полицейской службе казаков, уп-

латить рабочим по среднему заработку за два дня невольного прогула, каковой произошел не по их вине. В заключение говорилось, что „завтра, 3-го декабря встанут на работу, но предупреждают: при неисполнении вышеизложенных условий, через три дня бросят работу полным составом“.

Правление ответило, что если рабочие прекратят работу, то оно остановит фабрики на продолжительное время, до полного восстановления порядка *).

На московской окружной конференции было постановлено 7 декабря начать политическую забастовку, могущую перейти в открытое вооруженное восстание. Все организаторы и подорганизаторы должны были вернуться в свои районы. Провинциальные делегаты из склада снабжались оружием и патронами. 7—8 декабря движение поездов стало заметно сокращаться, и 8-го к вечеру движение прекратилось совсем.

После расстрела на ореховской станции ковровских делегатов и подавления московского восстания „славное“ морозовское казачество стало еще наглее. Казаки избивали ни в чем неповинных женщин, возвращавшихся из бани с выстиранным бельем, и рабочих, шедших на работу. Были и такие случаи: идет рабочий с работы или на работу, казацкий раз'езд окружает его с криком „стой“.

— Куда идешь и откуда?

— С квартиры иду, на работу.

— Демократ?

— Нет.

— Кажи крест.

Рабочий, несмотря на холод, расстегивает верхнее и нижнее белье, показывает привязанный на шнурке требуемый предмет. Этим дело не кончается. Сыплется отборная брань.

— Демократ, крещеный, а бастуешь?

И в воздухе свистят казацкие нагайки, и ни за что, ни про что избитый рабочий идет на работу. Больше попадало тем, у которых не оказывалось креста. Жаловаться на такие издевательства было некому.

Так „победоносно“ для казаков закончился 1905 год в Орехове.

---

*) *Архив уисштарта, 1905 г.*

Навстречу черной реакции.

Часть четвертая.

Большевистская позиция в вопросе о Думе.

Севрюгин („Скороход“, „Егор“)
(пропагандист)
(1906 г.).

В начале 1906 г. из более стойких и надежных товарищей составили центральную партийную группу в лице т.т.: Бугрова, Шутова и Горячевой, которая стала налаживать расстроенную работу. 16-го января вечером рабочий Ветров убил в никольской конторе директора красильной фабрики Саввы Морозова—С. А. Назарова, отличавшегося особым произволом в отношении молодых работниц. За это убийство в начале 1909 г. Ветров был повешен во Владимирской каторжной тюрьме. В связи с убийством было арестовано и выслано в Пермскую губ. и Нарымский и Туруханский края 33 человека.

В первой половине февраля удалось восстановить связь через Моисеева (кличка Илья) с М. О. К., а через неделю в Орехово приехал тов. Никифор. Подлежал обсуждению вопрос о Государственной Думе. Тов. Никифор очень мало

сказал о тактике большевиков, и вопрос об отношении к выборам в Думу остался невыясненным: нужно-ли бойкотировать Думу, и почему нужно,—это присутствующим было непонятно. Когда поставили вопрос на голосование, оказалось, что за выборы было 8 гол., за бойкот 2, в том числе и тов. Никифор.

На заседании М. О. К. Никифор сделал доклад о результатах своей поездки в Орехово и категорически отказался там работать, так как, по его мнению, Орехово район меньшевистский.

По приезде в Орехово Никифор устно передал постановление М. О. К., что „Иван Иванович“ Бугров назначен подорганизатором Ореховского района. На другой день Бугров созвал заседание центральной группы, где вновь был поставлен вопрос о бойкоте Государственной Думы. После всестороннего раз'яснения бойкот первой Думе был вынесен единогласно. В течение недели во всех кружках ставился вопрос о Думе, и везде был единогласно принят бойкот.

Агитация за бойкот имела успех и среди беспартийных рабочих: на выборах они бойкотировали Думу.

С этого момента в Орехове вполне укрепилось большевистское влияние, и ореховская организация стала определенно большевистской.

Тяга к большевистской партии.

После удачно проведенных выборных собраний на морозовских фабриках с об'явлением бойкота Думе, революционное настроение рабочих вновь поднялось, возросли интерес и тяга к партии, увеличилась сеть местных кружков, которые изучали программу и устав партии, а так же знакомились и с программами других партий. В половине апреля для постоянной работы в районе приехали Попова и Квасман, работа пошла еще лучше. Широко и успешно повелась агитация среди рабочих об оказании помощи политическим заключенным и их семьям.

Е. Н. Попова („Анна Петровна“) (1906 г.).

Лесные митинги 1906 г.

Весенними солнечными днями, когда рабочие из душных каморок идут в луга и леса, партийная организация также всю работу перенесла в лес. Партийные собрания, с приглашением сочувствующих партии устраивались ночью, а массовки днем. Собрания, незаметно для присутствующих, окружались вооруженными дружинниками, чтобы ни один из присутствующих не мог уйти до окончания собрания. В лесу и на опушке леса расстанавливались патрули для наблюдения, на случай нападения полиции или казаков. На такие митинги собиралось до 1000 человек. Ночью эти собрания представляли какую-то фантастическую картину. Ночная темь. Люди с чашками и чайниками, одиночками и парочками проходят по указанному направлению с „паролем“ мимо патрулей, стекаются к выбранной полянке, окруженной лесом. Наконец, собрались все, пропускные патрули сняты, собрание окружено двойной цепью дружинников. Разожгли костер, загремели чайники и чашки, готовится чай, выступают докладчики, начинается обсуждение волнующих вопросов. Распускалось собрание при восходе солнца, расходились большими группами. Около Зуева сливались в большие толпы и двигались густой колонной около городовиков. Большей частью все обходилось благополучно, хотя и бывали встречи с казаками.

Партийная работа все ширилась, революционные настроения сильно начинали просачиваться и вглубь Орехово-ского района—в деревню, где в большом количестве стали появляться прокламации к крестьянам.

Хозяева текстильной промышленности готовят локаут. Рабочие готовят отпор.

Струсили...

В конце 1906 года в партии стало известно, что фабриканты текстильной промышленности предполагают летом 1907 г. устроить локаут во всем Московском округе и заставить рабочих голодом отказаться от революционной борьбы и сдаться на милость капитала. Эти сведения стали известны и орехово-павловской организации. По заданию МОК все организации должны были принять меры к усилению работы на местах, не тратя сил на преждевременные единичные выступления. В первую очередь нужно было усилить стачечный фонд, развернуть работу в профессиональных организациях и потребительских обществах. В этом направлении некоторые успехи уже были достигнуты: членов союза текстильщиков насчитывалось более 1000 и около 200 металлистов.

Наряду с подготовкой противодействия локауту, велась усиленная подготовка к 5-му всероссийскому с'езду РСДРП (об'единенный), который состоялся в Лондоне. Созывы районных, окружных и областных конференций происходили с большим риском. От орехово-павловской организации на всероссийский с'езд были выбраны Горячева Лиза и Сапожков.

Вскоре выяснилось, что общефабричный локаут осуществлен не будет, так как капиталисты, узнав о подготовке отпора, испугались рабочих и не захотели терпеть больших убытков.

О настроении рабочих в этот период лучше всего может поведать коротенькое донесение жандармского ротмистра Щербачева от 29-го апреля 1907 г. за № 900 о подготовке к 1-му мая, которое было отпраздновано рабочими, несмотря на угрозы фабричной администрации и полиции:

„Совершенно доверительно получены сведения, что социал-демократы и соц.-революционеры в м. Никольском готовят себе красные рубашки с черным галстуком и что первого мая работать не будут, а будет демонстрация. В ночь расклеено несколько прокламаций: „Рабочие, помните 1-е мая" и „Первое мая", которые утром сорваны полицией").*

Новая волна забастовок и новые схватки.

Тревожные сообщения в губернию полетели в половине мая. Ротмистр Кравцев 15-го мая за № 1012 пишет: *„По полученным негласным сведениям, рабочие С. Морозова на-днях пред'явят требования: 1) принять передовых рабочих, уволенных ранее с фабрики; 2) изменить порядок найма и 3) уволить браковщика Сальникова Филиппа, в противном случае последует забастовка"* **).

В связи с увольнением на бумаго-прядильной, красильной и ткацкой фабриках работы остановились для выборов делегатов от рабочих.

Правление сначала во всех требованиях отказало, а затем согласилось принять Канайлова и Кулакова с условием, чтобы последние извинились перед директорами фабрик,—в остальных требованиях было отказано. Того же дня собрались делегаты для обсуждения ответа. На этом собрании выработаны были новые требования в 5-ти пунктах; главные из них: 1) признать выборных от рабочих постоянными делегатами; 2) признать неприкосновенность выбранных делегатов и 3) заплатить рабочим за время приостановки работ по поводу пред'явления требования в этом месяце.

---

*) *Из жандармского местного архива за 1907 г.*
**) *Местный жанд. архив от 15-го мая 1907 г.*

Н. В. Сапожков, пропагандист (1906 г.).

Охранка и сыск заработали во-всю, отношения рабочих с администрацией с каждым днем все более обострялись, из Москвы посылались запросы.

27/VI с 9-ти часов утра все фабрики С. Морозова прекратили работу в количестве 10.900 чел. Администрации было заявлено, что к работам не приступят, пока не будут приняты на работу все уволенные уборщики, в том числе и арестованный Канайлов.

28/VI от правления фабрик С. Морозова рабочими был получен решительный отказ и угроза закрыть фабрики.

Рабочие продолжали бастовать. За подписью правления вывешены были об'явления, „что все фабрики закроются на неопределенное время, и рабочие приглашаются получить расчет". Для подавления забастовки прибывали все новые вооруженные силы. Жандармы во главе с ротмистром Кравцевым продолжали производить новые аресты, уже были арестованы: Кулаков Иван Егорович и Ганин Егор Васильевич.

Более слабые и малосознательные рабочие при виде все прибывающих войск, закрытия ф-к, арестов активных рабочих и делегатов, а также закрытия профессионального союза упали духом и 2-го июля с утра явились на фабрики, чтобы начать работу, но к работе допущены не были. Правление учло момент слабости части рабочих и приказало приостановить отпуск харчей рабочим. Полиция продолжала делать налеты и аресты передовых рабочих.

Утром 3/VII рабочий фабрики Викула Морозова Александр Колесников был арестован полицией и отправлен в покровскую тюрьму, якобы за то, что он подстрекал рабочих к забастовке. Весть об аресте Колесникова с быстротой молнии облетела все отделы фабрик В. Морозова. После обеда ткацкая и красильная фабрики прекратили работы, и рабочие обратились к покровскому исправнику с просьбой освободить Колесникова, что и было исполнено. Рабочие приступили к работе и, таким образом, не присоединились к общей забастовке.

Забастовка была проиграна. При расчете никого вновь не брали, а выжидали более благоприятного момента, когда одна часть несознательных рабочих будет направлена на другую, более передовую. Чтобы ускорить разложение, фабрикант пустил своих низкопоклонников агитировать по коридорам с подписными листами, чтобы желающие приступить к работе подписывались лично сами.

Провокация удалась. Работы на фабриках возобновились 13-го июля, а 16-го фабрики пошли полным ходом.

Эта забастовка, несмотря на провал, сильно испугала не только фабрикантов, но и всю московскую реакционную „общественность". Так „Московские Ведомости" 5-го июля в передовице писали:

„А теперь прежде всего нужно прекратить кра-молу.

Рабочие Никольской мануфактуры пред'являют целый ряд требований, где они совершенно устраняют личность предпринимателя, уничтожают его инициативу и ставят хозяина в полную зависимость от своего усмотрения. Вообще, по этим требованиям, руководителями внутреннего распорядка на фабрике должны быть рабочие, а предприниматель должен только исполнять их указания... Иначе говоря, Никольская мануфактура должна перейти в полное заведывание рабочих..."

Черносотенная газета давала дружеский совет фабрикантам оставить требования рабочих без ответа и держать твердую предпринимательскую линию. Как мы уже видели, морозовские фабриканты выполнили все советы черносотенного органа.

После забастовки была жестокая расправа с рабочими: 42 человека было арестовано, 250 человек рабочих не принято на работу, всего выброшено было с фабрики 600 человек.

Положение было отчаянное. Среди незначительной группы рабочих, состоявших в группе с.-р., и части членов РСДРП распространялись письменные угрозы директорам и фабричной администрации.

Репрессии жандармов, полиции и фабрикантов заставили местную организацию РСДРП уйти глубже в подполье.

* * *

Из Петроградского охранного отделения 3-го декабря 1907 года сообщалось, что *„Борис Леонидович Красин, партийная кличка „Никитич", агент Ц. К. по сбору денег в с.-р., организации, в настоящее время находится в Москве или Иваново-Вознесенске, где предполагает поступить на одну из фабрик Морозова"*. Красин ранее работал на фабрике Саввы Морозова по постройке электрической станции. Полиция стала следить за всяким появлением нового лица на фабриках.

О своей работе в Орехове тов. Красин рассказывает, между прочим, следующее:

„Так как сам Савва Морозов находился в то время под довольно бдительным наблюдением вскоре столь удачно убитого великого князя Сергея Александровича, то даже самое знакомство мое с ним надо было обставить так, чтобы ни на кого из нас не могло пасть ни малейших подозрений. Зимой 1904 г. я взял в Баку специальный отпуск и приехал на несколько дней в Москву, где в Электротехническом или Политехническом обществе прочел доклад о наших бакинских электрических установках, иллюстрируя его диапозитивами, диаграммами и целым рядом цифровых данных, представлявших интерес для московских техников и промышленников. Зал заседаний был переполнен,—доклады мы и тогда уже умели делать,—и среди посетителей находился и Савва Морозов. Естественно было, что после доклада и прений, за ним последовавших, Морозов лично познакомился с докладчиком и расспрашивал меня подробно относительно различных сторон электрического дела. Я вернулся в Баку, и более чем естественно было получение мною через 2—3 недели официального приглашения правления Морозовской мануфактуры принять место заведующего турбинной электрической станцией в Орехово-Зуеве. Я ответил принципиальным согласием, выговорив известный срок для ликвидации своих дел в Баку.

В Орехово я явился в начале лета 1904 года и по уши ушел в довольно сложную техническую работу и в еще более сложные взаимоотношения с бесчисленными другими отделами неуклюжего и старевшего морозовского предприятия. Встретили меня, что называется, „в дреколье“, уже по одному тому, что вся электрическая затея была, как сказано, новшеством, на которое косо посматривали старые техники. Не обошлось, разумеется, все-таки и без некоторой утечки в том смысле, что установили мою прикосновенность к Горькому, и у более сообразительных людей начали возникать предположения о наличности во всем деле кое-каких других, а не только электрических, моментов.

*Разумеется, я не мог безразлично относиться к тому, что делалось в самом Орехово-Зуеве, с другой стороны, я не мог и принять прямого участия в местной работе. Во-первых, потому, что, будучи инженером, я фактически был под непрерывным надзором как агентов местного жандарма (кажется, Владимирского), так и агентов московской охранки, постоянно проживавших в Орехове, и особенно шпиков и агентов м. Никольского, т.-е. из самого правления предприятия, где главным лицом был не сам Савва Морозов, а его мать, главная пайщица, и какой-то из директоров, старых служак, если не ошибаюсь, Колесников. Во-вторых, я не мог принять участия в местной работе еще и потому, что с 1903 года я был избран в Центральный Комитет РСДРП *) и не мог участвовать в местной работе, не подводя под опасность провала не только себя лично, но и организацию ЦК в Москве, с которой я имел непосредственное соприкосновение при моих частых „деловых“ поездках в Москву“ **).*

---

*) Российская социал-демократическая рабочая партия, которая затем раскололась на большевиков и меньшевиков.

**) Из статьи, написанной покойным т. Красиным для местной газеты „Колотушка“.

Вскоре, по агентурным сведениям московского окружного отделения, стало известно, что „в район Орехова привезена из Москвы ручная передвижная типография социал-демократической партии, которая намерена выпустить прокламации на 19-е февраля“. *).

К этим двум „неприятным“ известиям прибавлялись еще и хлопоты в связи с приближением 1-го мая 1908 г. В Орехове и по району первомайские листовки были распространены в большом количестве, но манифестаций и массовок не было проведено: полиция и казаки день и ночь раз'езжали по лесам и искали повод показать свою храбрость.

Арест орехово-павловской конференции Р. С. Д. Р. П.

С наступлением летнего времени комитет созвал районную конференцию, на которой присутствовало более 30-ти человек. 9-го мая за Зуевом, в лесу, обсудили ряд вопросов, заслушали отчет кассы за 3 месяца, выбрали делегатов на окружную конференцию. Конференция уже заканчивала свою работу, когда раздались невдалеке два выстрела. Место для охоты не было подходящим, поэтому выстрелы показались подозрительными, и конференция была закрыта. Дороги, ведущие из леса в Зуево, оказались занятыми казаками: все почти были захвачены, многие избиты. Просидели месяц в полиции Лобачев А. П., Бугров И. В., Плешков А. А., Муранов А. Н. и Башишев Дмитрий Ив., а затем были отправлены во владимирские одиночки; остальные же четыре человека, в том числе и Ростопчин, получили по два месяца тюрьмы в административном порядке.

К сентябрю месяцу в Орехове организовалась новая группа РСДРП.

Ленинская ул. в дореволюционное время.

*) *Арх. Влад. жанд. упр., 1908 г., д. № 46.*

В годы реакции.

Война.

И в следующем, 1909 году, положение рабочих не изменилось к лучшему, а, наоборот,ухудшилось, и даже—по донесению фабричного инспектора—стало отчаянным, вследствие произвола администрации и все увеличивавшейся безработицы

Терпения нехватало, и 16-го марта в $12^1/_2$ часов дня рабочие ткацкой фабрики Викула Морозова в количестве 3.900 человек прекратили работу, к ним присоединились бумаго-прядильное и отбельно-красильное заведения. Забастовка вспыхнула стихийно поэтому и прекратилась не в пользу рабочих.

Частичные столкновения, забастовки и локауты были и в 1911 г. Особенно зашевелились жандармы в 1912 г., в связи с последствиями сокращения 2-х рабочих дней в неделю: в пятницу и субботу работы не производились, что сокращало и без того низкую заработную плату рабочих и вызывало массовое недовольство рабочих.

В 1913 году жандармами продолжается выяснение и вылавливание отдельных товарищей. Несмотря на это, работа организации давала свои плоды, особенно при выборах в городскую думу.

Период 1914 года был годом укрепления и расширения орехово-зуевской большевистской организации. Настроение рабочих росло, фабрики работали полным ходом, экономическое положение рабочих в сравнении с 1912—1913 годами несколько улучшилось. Количество рабочих на морозовских фабриках достигло 22.000 человек. На этом переломе к улучшению материального положения и к революционному под'ему орехово-зуевских рабочих застала война.

Об'явление войны пришлось рабочим не по душе, несмотря на патриотические крики буржуазных газет. Война с первого же дня ударила по рабочему и крестьянину. Когда взрослые члены семьи были мобилизованы, взамен мобилизованных на фабрику принимались женщины и подростки, труд которых оплачивался ниже. Продукты питания дорожали с каждым днем, а некоторые продукты делались редкостью, как роскошь. Скрытое недовольство среди рабочих росло с каждым днем, партийная организация вела соответствующую работу.

Сентябрьская мобилизация 1915 г. ратников 2-го разряда захватила пять лет. Рабочие и крестьянские семьи на прощание со своими родственниками устраивали вечера проводов и оплакивали призываемых. Организованная часть партийцев, наоборот, собиралась для того, чтобы обсудить и

выявить свое отношение к войне. Решено было одно: вести широкую агитацию против войны и постараться мешать проведению агитации за войну.

7—8 сентября чуть-ли не все члены организации поехали в город Покров с намерением прощупать настроение мобилизованных. У воинского присутствия прием шел в полном разгаре. К присутствующим обратился с речью Елисеев. В ответ с разных концов послышались крики: „долой войну", „отдайте наших сыновей, мужей и отцов", „мобилизуйте жандармов и полицию". Поднялся шум, кто-то говорил еще. появился красный флаг из носового платка. Наконец, в окна присутствия полетел град камней, крестьяне отступили, а чиновники в присутствии заперлись. Времени терять было нельзя,—дверь сорвали, и испуганные чиновники бросились кто куда попало. В это время против входа в присутствие появилась команда солдат в 15—20 человек. В дверях присутствия появился исправник Шапкин, который твердо и резко спросил призывников: „будете вы ставиться или нет?". В ответ посыпался новый град камней.

— Рота! — скомандовал Шапкин.

Захлопали ружейные затворы, и масса призывников, женщин и детей оказалась перед направляемыми на них винтовками солдат.

Революционная волна нарастает.

Новый разгром ореховской организации.

Покровские события не могли не отозваться на ореховских фабриках. 15-го октября правлениями об'является, что с 1-го октября рабочие получат прибавку еще 10% на военное время, а всего 15%. Эта милость была вызвана революционным под'емом рабочих.

Последствия войны к началу 1916 года стали исключительно тяжелыми. Продовольственное положение настолько ухудшилось, что многие продукты питания и широкого потребления вышли из употребления. Оставшиеся от мобилизации члены партии вели среди рабочих масс агитацию, предлагая требовать выдачу необходимого продовольствия в достаточном количестве и повышения заработной платы в соответствии с повышением цен на продукты. Правление же фабрик, напротив, сняло с пайка неработающих членов семьи, чем ухудшило и без того тяжелое положение рабочих. Ненависть к войне и злоба к хозяевам выражались почти на каждом шагу. Часто можно было слышать: *„долой войну"*, *„уберите жандармов, полицию и крестовиков"*. *„Возвратите нам отцов, сыновей и мужей"*,—кричали женщины. О прибавке заработной платы говорили все рабочие.

Комитет ореховской организации РСДРП(б), учитывая настроение масс, в начале марта поставил вопрос об организации забастовки.

12-го марта началась частичная забастовка. Однако, выступления рабочих не имели организованной формы, организация же была еще настолько слаба, что она не могла взять под свое руководство массы рабочих. Забастовка была сорвана, хотя некоторые уступки правлением были сделаны.

К этому периоду надо отнести и полный разгром ореховской организации в связи с подготовкой и провалом первомайской демонстрации: предали организацию Чернышев и Ясова Анна.

* * *

Полуголодное существование вынудило викуловских рабочих на сепаратные выступления: бастовали, требуя прибавки, отдельные цеха отбельной, ситце-печатной, ткацкой и бумаго-прядильной фабрик.

2-го июля правление Викула Морозова поставило рабочих в известность, что оно с 1-го июля повышает расценки на 10% (на фабриках Саввы Морозова таковая прибавка уже была сделана), и все рабочие 3-го июля с утра приступили к работе.

Однако, успокоение было не надолго. Подвоз продовольствия продолжал сокращаться. Около фабричных харчевых лавок стояли огромные очереди, чтобы получить свою норму хлеба. В очереди простаивали целые ночи, некоторые не выдерживали, падали от истощения и из очереди увозились в больницу.

22-го декабря правление фабрик пишет старшему фабричному инспектору во Владимир:

„Среди рабочих фабрик Морозовых наблюдается сильное волнение и недовольство невыдачей из фабричных лавок продуктов: крупы, пшена, сахара-рафинада и недостаточной выдачей других продуктов, как-то: мяса, масла и черного хлеба. Если продовольственное положение рабочих не улучшится, легко можно ожидать останова работ на фабриках и беспорядков, могущих принять самый неблагоприятный характер и охватить население и другие фабрики“.

Здание бани, где происходили собрания.

Положение оставалось прежнее.

К концу 1916 года в ореховском районе никакой политической организации не было, кроме разобщенных единиц, принадлежащих к РСДРП (б), случайно избежавших ареста. Рабочая масса терпела и ждала.

Орехово-зуевские фабрики.

1917 год.

Часть пятая.

Первые дни февральской революции в Орехово-Зуеве.

Родившиеся на улицах Петрограда волны февральской революции, докатившись до Орехово-Зуева, нашли здесь вполне благоприятную почву.

28-го февраля в Орехово почью пришел по телеграфу секретный приказ железнодорожникам, в котором предлагалось пропускать в первую очередь воинские поезда. В этой же телеграмме сообщалось, что старое правительство свергнуто и Государственной Думой формируется временное правительство. Об этой телеграмме, тоже «по секрету», узнали очень многие, а на утро следующего дня большинство полиции уже разбежалось. Но широкие массы рабочих, в виду того, что газеты не приходили в Орехово, ничего достоверного не знали. О свержении самодержавия ореховские рабочие узнали только 3-го марта от приехавших из Москвы солдат.

Когда 3-го марта в корпуса фабрик солдаты привезли весть о том, что восставшие рабочие и солдаты сбросили самодержавие, рабочие остановили машины и счастливые, возбужденные, торжествующие хлынули на улицу. Тотчас же около никольской конторы был организован митинг, собравший громадное количество рабочих. Один из ораторов пред-

ложил в знак победы над самодержавием об'явить 3-хдневный праздник. Это предложение было единогласно принято. После митинга часть рабочих пошла разоружать полицию и казаков.

В то время, как часть рабочих разоружала полицию и казаков, оставшиеся реквизировали в розничной лавке Саввы Морозова красный батист, написали на нем мелом и углем боевые лозунги и с песней „Смело, товарищи, в ногу“ двинулись дружной демонстрацией по улицам. Долго еще в этот день гремели в сушилках и коридорах казарм боевые песни революции.

Из исторических документов.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО ОРГАНА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

с. Орѣхова, Зуева и мѣст. Никольскаго

Объявляется:

1) Временное Правительство требуетъ отъ всѣхъ спокойствія и порядка.

2) Всякія забастовки въ настоящее время излишни, такъ какъ онѣ затрудняютъ положеніе Новаго Правительства.

3) Организована милиція. Ей поручено наблюдать за порядкомъ.

4) Всякое хулиганство, уличное пьянство будетъ безпощадно подавляться.

5) Рабочихъ фабрикъ Исполнительный Комитетъ особенно проситъ не оставлять работъ и соблюдать дисциплину.

Исполнительный Органъ Комитета.

Борьба за власть.

Кадетский совет.

Падение самодержавия застало рабочих еще недостаточно организованными. Как было уже указано выше, боевой большевистский штаб был совершенно разгромлен ца-

ризмом. Поэтому, пока рабочие торжествовали по поводу столь быстрого краха самодержавия, за их спиной представители буржуазной интеллигенции и ореховские купцы собрались в гимназии и выбрали орган местной власти — «комитет общественной безопасности». В этот комитет вошли: судебный следователь Альбицкий А., фабричный инспектор Кудрявцев, владелец 2-х гимназий Белавин, учитель гимназии Ковалдин, купец Маслов, купец Палладин, трактирщик Бобров, инженер Лоханько (кадет) и некоторые другие, всего 38 чел., из которых 5 чел. рабочих.

Этот комитет не был случайным сборищем лиц. Это были представители пришедшей к власти буржуазии, т.-е. класса, давно уже экономически господствовавшего в стране.

Насколько неорганизованными были на первых порах ореховские рабочие, видно из того, что в первый совет, избранный по инициативе Московского совета рабочих депутатов, прошло значительное количество лиц фабричной администрации и конторских служащих, захвативших влияние в совете. Хотя председателем совета был избран рабочий Мочалин, но на деле всей работой совета руководил секретарь совета кадет Лоханько.

Комитет общественной безопасности, именовавшийся в первое время временным исполнительным комитетом, после выборов в совет продолжал существовать параллельно с ним. Для того, чтобы завоевать на свою сторону широкие рабочие массы, в состав исполнительного комитета были введены несколько рабочих: Тульсков, Земцев, Корчагин, Ажнов и председатель совета Мочалин. Так в Орехово-Зуевском уезде в начале марта осуществилась в недрах местного органа власти первая и последняя коалиция рабочих и буржуазии.

Вхождение рабочих в буржуазный исполнительный комитет, вне всякого сомнения, было ошибкой, потому что, входя в него, они затемняли классовое сознание рабочих и тем самым увеличивали влияние буржуазии на массы. Какое большое значение придавал буржуазный комитет вхождению в него рабочих видно из того, что временный исполнительный комитет специально отмечает в своем воззвании к населению, что он включает также и рабочих. Это воззвание настолько отчетливо характеризует политическое лицо комитета, что мы считаем необходимым привести его целиком. Вот его содержание:

Граждане!

Старое Правительство, которое довело насъ до голода и въ прошломъ году лишило армію снарядовъ, свергнуто.

Новое Правительство дастъ намъ побѣду надъ врагомъ, дастъ хлѣбъ и свободу.

Поэтому мы должны поддержать Новое Правительство. Для этого намъ необходимъ порядокъ и спокойствіе.

Въ Орѣховѣ, м. Никольскомъ и Зуевѣ образованъ Комитетъ изъ представителей всѣхъ обществъ. Организація включаетъ и рабочихъ. Орѣховскій Комитетъ дѣйствуетъ согласно указаніямъ Новаго Правительства.

Для организаціи порядка образована милиція отличительный знакъ которой бѣлая повязка на рукавѣ.

Граждане! Будьте спокойны ваша жизнь и имущество въ безопасности.

Мѣстный Комитетъ Общественной безопасности

(Орѣхово, Зуево, Никольское).

В деле агитации за войну комитет железнодорожных служащих ст. Орехово усердно помогал исполнительному комитету. В своем воззвании он писал следующее:

МѢСТНЫЙ
КОМИТЕТЪ
Желѣзнодорожныхъ
СЛУЖАЩИХЪ
Ст. Орѣхово.

КЪ ЖИТЕЛЯМЪ и ФАБРИКАМЪ села ОРѢХОВА.

Воззваніе.

Товарищи!

Опасное время переживаетъ наша Родина и наша Свобода! Хозяйственная жизнь страны разстроена и милліоны германскихъ штыковъ устремлены въ нашу сторону! На стражѣ интересовъ народныхъ стоитъ Временное Правительство, которому присягнули всѣ наши арміи, и которое само дало клятву въ Сенатѣ, что имъ будутъ свято соблюдены интересы народа! ТОВАРИЩИ! Вѣрьте ему! Оно необманетъ народа! Помогайте ему! Не вносите хаоса въ жизнь страны! Отложите всѣ счеты со всѣми, до полнаго упроченія дѣла Свободы! Съ Богомъ всѣ за работу, совмѣстно съ Временнымъ Правительствомъ, для дѣла Свободы и счастья и блага народа!!!

Комитетъ желѣзнодорожныхъ служащихъ ст. Орѣхово.

Нельзя без смеха читать это „литературное“ произведение вчерашнего монархиста—дворянина Федзюкевича, нацепившего на себя после революции красный бантик. Читая это воззвание, даже буржуазные члены временного исполнительного комитета говорили, что хоть

Услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться—
Услужливый дурак опаснее врага

и вынуждены были впоследствии отгородиться от этого достопримечательного документа. Правда, это ничуть не мешало тому, что буржуазный исполнительный комитет был вполне солидарен с основным содержанием документа. Для характеристики деятельности исполнительного комитета не лишним будет также напомнить, что он постановил, чтобы в школах Орехово-Зуева закон божий «неукоснительно» продолжал преподаваться.

Комитетом была организована для поддержания порядка в городе милиция. Инициатива организации этой милиции

исходила от смотрителя меланжевого отдела бум.-пряд. фабрики Саввы Морозова Черкасова, преподававшего в гимназии военное дело. По его предложению были вооружены гимназисты 7-х и 8-х классов—дети фабричной администрации и купцов. Содержали милицию ореховские купцы.

Из исторических документов.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комиссаромъ села Орѣхова, мѣстечка Никольскаго (и временно с. Зуева) избранъ, съ согласія мѣстнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, А. Н. Альбицкій, помощниками его П. М. Кудрявцевъ, И. Г. Акимовъ и В. В. Яшинъ.

Къ этимъ лицамъ Комитетъ и проситъ обращаться за разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, ранѣе подлежавшихъ вѣдѣнію полиціи

Канцелярія Комиссара помѣщается въ бывшей канцеляріи пристава м. Никольскаго.

Временно Исполнительный Комитетъ.

(Орѣхово, Зуево, м. Никольское).

Снова за работу.

Восстановление партийной организации (большевиков).

В противовес организовавшейся буржуазии стал организовываться и авангард рабочих—большевики. Как только в Орехове стало известно о перевороте, один из членов б о л ь ш е в и с т с к о й организации тов. *Липатов* поехал за поддержкой в Москву, в замоскворецкий районный партийный комитет, с которым у него были связи.

Вскоре в Орехово прибыли из Замоскворечья т.т. Лобанов-Ротшильд, Гржеминский Ф. Е., Карманов, Абрамов и Юрий Мышкин. Решено было созвать первое организационное собрание, на которое тов. Липатову удалось привлечь 17 человек. На собрании был выбран партийный комитет, в который вошли т.т.: Липатов, Генералов, Поликарпов и Г. Королев. Здесь же было решено повести агитацию среди рабочих против буржуазного исполнительного комитета и требовать переизбрания совета.

Первое выступление большевиков состоялось еще до организации партийного комитета и произошло на грандиозной демонстрации 5-го марта, собравшей около 60.000 человек. В этой демонстрации, в противовес патриотическому угару, захватившему и рабочих, большевики (т. Гржеминский и др.) выступили с лозунгами: *„Мы требуем 8-мичасового рабочего дня“ и „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“*. Эти речи произвели на рабочих громадное впечатление; они рабочие, почувствовали в этих словах СВОЮ классовую правду.

Возраставшая не по дням, а по часам популярность большевиков не на шутку встревожила представителей враждебных большевикам политических течений. Ими было решено дать большевикам решительный бой по всем вопросам на ближайшем же митинге. Когда об этом узнал партийный комитет, то он устроил совещание совместно с московскими товарищами. Так как от исхода этого митинга зависело очень многое, то было решено обратиться за подмогой опять в Замоскворечье. Вообще необходимо отметить, что Замоскворечье долгое время оказывало Орехову большую поддержку и людьми, и материально. Особенно большое значение имела идейная и материальная помощь замоскворецких товарищей в дни собирания и сплочения совершенно разгромленной самодержавием ореховской партийной организации, с которой тесно были связаны т. т. Мышкин Юрий, Бумажный и Фельдман.

На помощь ореховцам прибыл сыгравший у нас крупнейшую роль хороший оратор и великолепный организатор тов. *Бумажный-Ефимов.* На этом митинге большевики все свои усилия направили на об‘яснение рабочим их классовых задач в революции. На митинге большевистскими ораторами перед 5.000-ной рабочей аудиторией была развита программа партии большевиков и указаны революционные методы прекращения войны. Митинг окончился полной победой большевиков. На этом же митинге было решено потребовать от президиума совета отчет о проделанной работе. После этого митинга авторитет большевиков возрастал с каждым днем. Победа большевиков страшно разозлила сторонников буржуазного исполнительного комитета. В отместку за свое поражение они

решили на ближайшем же митинге во время выступления большевистских ораторов устроить «кошачий концерт». Действительно, на следующем же митинге около 30 человек, в большинстве конторских служащих, заняли задние места в партере и приготовились шумом, визгом и криками сорвать собрание.

Товарищ Липатов, которого предупредили о готовящейся обструкции, сказал Горшечникову, Соколову и некоторым другим рабочим, чтобы они приняли самые решительные меры против крикунов. Предупрежденные Липатовым рабочие прекрасно выполнили данное им поручение. Лишь только служащие начали топать ногами, свистеть и мякать, Горшечников схватил одного крикуна за шиворот, Соколов—другого и потащили их вон из театра. Некоторые из рабочих сперва возмутились столь «невежливым» обращением Горшечникова и Соколова, но когда узнали, за что они вытолкали служащих из театра,—сильно возмутились и стали кричать: «Гоните их к чортовой матери, да скажите, чтоб больше на наши собрания не приходили, а то хуже будет»... После этого митинга никто уже больше, опасаясь за свои бока, не пытался срывать рабочие собрания.

О настроении орехово-зуевских рабочих после февральской революции можно судить и по такому примеру: в июне м-це 1917 года в Орехово приехал командированный от Московского совета эс-эр адвокат Ланэ. По этому поводу был созван митинг в викуловской бане. Как только красноречивый адвокат стал проповедывать «демократические идеи», то вся масса слушателей закричала: «Это же кадет, гоните его отсюда»! Ланэ принужден был об'ясниться и заявил, что он не кадет, а 13 лет уже работает в партии эс-эров. Но ему все же говорить не дали, и митинг был сорван.

Большевики создают крепкие пролетарские организации.

Перевыборы совета и организация фабкомов.

Собрание, на котором был поставлен отчет президиума 1-го совета, происходило в переполненном до отказа Рабочем театре. Несмотря на то, что делавшего отчет о работе совета инженера Лоханько поддерживали приехавшие из Москвы меньшевики Сибиряков и Александров, собрание подавляющим большинством голосов постановило считать 1-й совет распущенным. Тут же были намечены в новый совет кандидаты, список которых решили официально утвердить и дополнить на рабочих собраниях.

Собрания для перевыборов совета состоялись 19-го марта. Норма представительства в совет была: от 500 че-

ловек—одного. К выборам в этот совет уже не была допущена фабричная администрация. Служащие же фабрик выбирали своих представителей в совет на особых собраниях.

В Орехове еще в первых числах марта исполнительным комитетом было получено обращение Московского совета рабочих депутатов о необходимости, «не теряя ни минуты, приступить к организации заводских комитетов». Так как до тех пор ничего не было сделано, было решено на этих же перевыборных собраниях избрать и фабрично-заводские комитеты. Подавляющее большинство и в совете, и в фабрично-заводских комитетах получили большевики. После выборов совета рабочих депутатов и фабрично-заводских комитетов были произведены выборы исполбюро совета и президиума фабрично-заводских комитетов. Кроме того, был принят устав фабрично-заводского комитета, состоявший из 24-х пунктов. Устав этот представляет из себя очень интересный документ, выдержки из которого мы приводим ниже:

— Фабрично-заводские комитеты об'единяют работающих в предприятии рабочих и работниц и защищают их интересы и нужды перед фабричной администрацией (§ 1).

— Все сношения с администрацией рабочих отдельных фабрик, отделов и всего предприятия производятся через фабрично-заводской комитет (§ 9).

— На требования фабрично-заводского комитета администрация отвечает в указанный комитетом срок в письменном виде (§ 10).

— Наем и увольнение рабочих производятся с согласия фабрично-заводского комитета (§ 11).

— Фабрично-заводской комитет следит за правильным и достаточным снабжением рабочих продуктами из лавок предприятия (§ 12).

— Фабрично-заводской комитет следит за санитарным состоянием фабрик и квартир рабочих и пред'являет требования администрации об исправлении замеченных недостатков (§ 13).

— В своей работе фабрично-заводские комитеты руководствуются нуждами рабочих данного предприятия в согласии с интересами всего рабочего класса (§ 21).

— Делегаты, избранные в совет рабочих депутатов от данного предприятия, входят в состав фабрично-заводского комитета с правом решающего голоса и могут при избрании войти в состав правления комитета (§ 22).

— Делегаты совета рабочих депутатов сообщают фабрично-заводскому комитету о положении дела в совете рабочих депутатов и со своей стороны обсуждают в совете рабочих депутатов вопросы, предлагаемые фабрично-заводскими комитетами (§ 24).

Таким образом, совет рабочих депутатов в лице фабзавкомов получил некоторую опору.

Конфискация дома Саввы Морозова.

Перед вновь избранными рабочими организациями встал вопрос о помещении для работы. После обсуждения решено было занять квартиру арестованного жандармского

подполковника. Это помещение, принадлежавшее Савве Морозову, охранялось солдатами покровского гарнизона. Это дело решили поручить председателю совета тов. Липатову и Бумажному-Ефимову.

Узнав о конфискации этого помещения советом, всполошились и временный исполнительный комитет, и фабричная администрация. Они решили примерно наказать «дерзких захватчиков». На заседание временного исполнительного комитета были приглашены для об'яснения товарищи Бумажный и Липатов Но так как, кроме них, собралось около 200 рабочих, узнавших о конфликте, то господа «судьи» почувствовали себя не в очень хорошем положении. А тут еще солдаты покровского гарнизона, вызванные исполнительным комитетом на совещание, решительно заявили, что они будут поддерживать и защищать совет. Поэтому вся эта история окончилась пустыми угрозами коменданта покровского гарнизона Зябрикова по адресу Бумажного, и фабричная администрация, бесплатно предоставлявшая царским жандармам это помещение, вынуждена была, скрепя сердце, предоставить его и совету рабочих депутатов. Позднее советом был также конфискован для советской работы и клуб служащих.

Фабричный район Орехово-Зуева.

Бумаго-прядильная ф-ка № 1.

Рабочие ликвидируют буржуазную организацию.

На том же заседании, когда «судьи» очутились в положении обвиняемых, они предложили исчерпать инцидент и вести согласованную работу, что было представителями ис-

полбюро совета отвергнуто. Было решено легальным «демократическим» путем взорвать временный исполнительный комитет. Потребовали от исполнительного комитета реорганизации на основе пропорционального представительства в нем рабочих. Это было равносильно требованию, чтобы в исполнительном комитете на каждого представителя буржуазных общественных групп приходилось бы около пятнадцати рабочих представителей. Такое предложение означало бы обольшевичивание состава временного исполнительного комитета, и вполне понятно, что он (временный исполнительный комитет), несмотря на свое первоначальное согласие, решительно отвергал предложение о такой реорганизации комитета, когда вопрос переходил в плоскость практического осуществления. В ответ на предложение совета, временный исполнительный комитет ответил: *„что в цели временного исполнительного комитета не входит совершение участие в классовой борьбе на чьей либо стороне, а тем более участие в борьбе рабочего пролетариата с капиталом... Временный исполнительный комитет подчеркивает, что его работа касается всех групп населения, почему и продуктивность работы будет тем выше, чем полнее эти группы будут представлены. Временный исполнительный комитет долгом гражданской совести своей считает обратиться к местному совету рабочих депутатов с горячим призывом не углублять того рва, который стараются вырыть между рабочими и остальным населением, не вносить раздоров и споров в среду сынов одной матери России“.*

Отвергая свою коренную реорганизацию, временный исполнительный комитет счел нужным предоставить совету удовлетворяющее его число мест во временном комитете. Рабочие добились в исполнительном комитете нового состава 46 мест, а остальные группы населения получили только 3 места. В этом новом орабоченном временном исполнительном комитете председателем был выбран большевик учитель Гессе. Вслед за завоеванием исполнительного комитета была окончательно орабочена и милиция.

Временный исполнительный комитет теперь фактически превратился в отделение совета рабочих депутатов и занимался по преимуществу различными хозяйственными вопросами. В общем же, он не имел большого влияния, так как вся полнота власти и практическое руководство всеми сторонами жизни Орехово-Зуевского района сосредоточились в совете рабочих депутатов. В конце концов, исполбюро совета постановило распустить исполнительный комитет.

Орехово-зуевский совет рабочих депутатов
(1917 г.).

Господа Морозовы „признают“ совет (!?).

22-го же марта советом рабочих депутатов и фабрично-заводскими комитетами было пред'явлено правлению фабрик требование, в котором говорилось, что: 1) члены и кандидаты исполбюро совета, а также правления фабрично-заводских комитетов должны быть освобождены от работы с сохранением за ними содержания, квартиры и проч., предоставлявшихся им фабрикантами до сего времени, и 2) что согласно постановления совета рабочих депутатов правление фабрик должно произвести полпроцентный вычет с заработной платы рабочих за январь месяц. Причем в счет этих вычетов президиум совета уполномочил товарища Макарова получить с товариществ Саввы и Викула в виде аванса по 500 рублей.

В ответ на это требование фабричная администрация заявила, что никаких вычетов она на нужды совета рабочих депутатов, делать не будет, и предложила обратиться к фабричному инспектору Кудрявцеву или к временному исполнительному комитету за соответствующим разрешением. Что же касается оплаты членов исполбюро совета рабочих депутатов и членов правлений Ф. З. К., то фабриканты решили с ответом повременить, предварительно посовещавшись друг с другом, какую линию занять по отношению к рабочим организациям. Кроме того, им нужно было согласовать между собой ряд вопросов, связанных с

пасхальным перерывом и, в частности, вопрос о том, выдавать ли, как это требовали фабрично-заводские комитеты, награду рабочим, уволенным до Пасхи. На этом совещании фабрикантов было решено ни членам исполбюро совета Р. Д., ни членам правлений Ф. З. К. не платить и награду уволенным до Пасхи не давать. Однако, в течение ближайших же дней их решение по вопросу об оплате членов исполбюро совета Р. Д. и членов правлений Ф. З. К. было существенно изменено. Свои позиции фабриканты сдали не сразу. Первоначально пошло на уступки правление фабрик сына Саввы Морозова. В своем отношении от 30-го марта на имя совета рабочих депутатов совет заведующих фабриками сына Саввы Морозова ответил следующее:

„Совет рабочих депутатов нами признается, как существующая организация, признанная и временным правительством, каковое в свою очередь признано и армией, и всей Россией. Что же касается Ф. З. К., то возникновение таковых мы считаем целесообразным постольку, поскольку они не считают свои решения безапелляционными. В настоящее время все постановления комитета делаются без участия и согласия администрации фабрик; они могут приниматься последней к сведению и исполнению, если они не вносят ломки в общие условия работы. Если же эти постановления будут неприемлемы для администрации, то они должны вноситься в комиссию, состоящую из уполномоченных от рабочих и администрации фабрик, для общего обсуждения. Присланный устав Ф. З. К. составлен односторонне, без участия другой стороны, т.-е. владельцев предприятий, а потому и не может признаваться нами правильным. Функция Ф. З. К., по нашему мнению,— смягчать разногласия между администрацией фабрик и рабочими и служить посредниками между ними. Несмотря на это, правление, сочувствуя организации рабочих, согласно уплачивать рабочим, состоящим в бюро Ф. З. К., в количестве 5-ти человек, по средней заработке, а также и на сохранение за ними хозяйских квартир на все время пребывания в комитете. Ф. Карпов, Былинкин“.

Что же касается правления фабрик Викула Морозова, то оно, согласившись уплачивать жалованье 19-ти членам исполбюро совета рабочих депутатов, заняло по отношению к Ф. З. К. резко враждебную позицию и заявило того же 30-го марта, что «все отношения комитета на имя товарищества будут оставлены правлением без рассмотрения, и членам комитета, как таковым, жалованье не будет уплачено».

Только после того, как правлению Викуловских фабрик стало известно, что Правление фабрик Саввы заняло более благожелательную позицию по отношению к Ф. З. К., оно решило во избежание конфликта пойти по пятам Саввы. Ознакомившись с ответом совета заведующих фабриками Саввы, Викул Морозов наложил на нем хозяйской рукой резолюцию: «с этим ПОКА необходимо согласиться».

Наступление на капиталистов.

Борьба за 8-мичасовой рабочий день.

Не успела фабричная администрация выдать совету 2.000 руб. авансом в счет будущих отчислений, как ей фабрично-заводским комитетом были пред'явлены от имени общих собраний всех рабочих новые требования. Рабочие на этот раз потребовали повышения сдельной и поденной платы на сто процентов к основному жалованию, оплаты сверхурочных в двойном размере и сокращения рабочего дня до 8-ми часов.

Эти требования знаменовали собой начало решительного наступления рабочих на предпринимателей. Учитывая это обстоятельство, фабриканты, решив не уступать рабочим, дали следующий ответ Ф. З. К.:

„На отношение ваше от 28-го марта с. г. правление Т-в поручило передать вам следующее: общее увеличение сдельной и поденной платы всем рабочим не предполагается, за исключением некоторых работ, расценки на которые будут пересмотрены. По вопросу о 8-мичасовом рабочем дне правление полагает, что вопрос этот имеет общегосударственное значение, так как затрагивает интересы всего населения и армии, которые испытывают сильнейший недостаток товара. В виду такого характера указанного вопроса, правление не считает возможным разрешить таковой путем частного соглашения и предлагает ожидать его разрешения в законодательном порядке“.

Обсуждение ответа администрации на общих собраниях рабочих показало, что рабочие были отнюдь не расположены ни влачить в дальнейшем полуголодное существование, ни ждать, пока буржуазное временное правительство издаст закон о 8-мичасовом рабочем дне. Поэтому 10-го апреля совет рабочих депутатов категорически заявил предпринимателям, что до тех пор, пока не будут удовлетворены эти требования, никто из рабочих к работе не приступит, причем администрация предупреждалась, что если она откажется переходить к 8-мичасовому рабочему дню, то несмотря на это, 8-мичасовой рабочий день будет введен явочным порядком.

Твердое решение рабочих во что бы то ни стало добиться на этот раз удовлетворения своих требований заставило Морозовых, после некоторых колебаний, сдать свою позицию. 13-го апреля правление фабрик Саввы, а 14-го апреля и правление викуловских рабочих заявили, что во избежание обострения отношений между рабочими и предпринимателями требование рабочих о введении 8-мичасового рабочего дня будет удовлетворено, причем расценки на товар будут повышены с таким расчетом, чтобы основной заработок рабочих был такой же, как и до перехода к 8-мичасовой работе. Сверхурочные правление обоих товариществ

согласилось оплачивать в двойном размере, что же касается требования рабочих об увеличении надбавки к основному заработку до 100%, то фабриканты согласились увеличить надбавку на дороговизну только до 80%, обещая в дальнейшем пересмотреть этот процент в сторону повышения. Рабочие после этого ответа фабрикантов приступили к работе.

Эта, буквально вырванная рабочими, уступка так разозлила предпринимателей, что они решили немедленно избавиться от слишком решительных вожаков ореховских рабочих. К «Его Высокоблагородию Господину Покровскому Уездному Воинскому Начальнику» были отправлены фабричной администрацией сведения о том, что целый ряд лиц, освобожденных от призыва в действующую армию, бросил работать на оборону (намек на членов совета и фабзавкомов) и посему подлежат мобилизации. Однако, этот номер, благодаря тесной связи с покровским и владимирским советами солдатских депутатов, откуда были представители в ореховском совете, не прошел. Никто из членов совета рабочих депутатов и фабзавкомов не был мобилизован.

Рабочие вливаются в партию и строят профсоюзы.

Противодействие морозовской администрации.

До середины апреля месяца руководство экономической борьбой было сосредоточено в руках двух центральных фабрично-заводских комитетов—саввинского и викуловского. Вскоре фабкомы решили избрать общего председателя. Этим председателем и был избран тов. Липатов.

Вскоре партия повела одновременно усиленную работу и по вовлечению передовых рабочих в свои ряды и по организации широких масс рабочих в профессиональные союзы. Эта кампания прошла в высшей степени успешно. Для записи в партийную организацию и в профсоюзы образовывались длиннейшие очереди. В результате в ряды большевиков вошло свыше 600 человек. В то же время были организованы профсоюзы металлистов и текстильщиков, которые 16-го апреля об'единились в один профсоюз. Всю эту огромную работу по организации профсоюзов провел С. Киров, выделенный для этой цели ореховским советом.

В правление об'единенного профсоюза орехово-зуевских текстильных рабочих вошли следующие товарищи: Киров, Мулин, Ананьев, Иванов Ф. и Морозов А. Для работы профсоюзом были заняты, несмотря на протесты фабричной администрации, четыре комнаты викуловской приезжей.

Фабриканты решили упорно сопротивляться всем требованиям этой новой рабочей организации и по возможности

бойкотировать ее. Так, например, в инструкции для фабричной администрации директор фабрик Свешников писал о том, что правление решило отказать профсоюзу по всем его требованиям, но советовал профсоюзу пока ничего об этом не сообщать. Однако, фабриканты просчитались. Когда предприниматели потребовали оставить без внимания извещение правления профсоюза текстильщиков от 20 апреля о том, что наем рабочих должен производиться только через биржу труда, открытую при профсоюзе, правление профсоюза решительным тоном заявило фабрикантам: «если наем будет производиться помимо биржи труда, то рабочие, нанятые вами, будут отсылаться обратно». Тогда фабриканты сдались и сообщили, что они это требование профсоюза согласны удовлетворить. Такая же история произошла и с оплатой членов правления профсоюза. Фабриканты первоначально заявивли, что они признают для сношений с ними только две организации: совет и Ф. З. К., и отказываются платить рабочим, входящим в правление профсоюза. И по этому вопросу они были в конце концов вынуждены пойти на уступки и согласиться оплачивать членов правления профсоюза текстильщиков.

Организация рабочего контроля.

Заставив предпринимателей брать рабочих только через биржу труда и удалив с фабрики нежелательных мастеров и заведующих, ореховские рабочие чувствовали себя «господами положения», и они действительно были ими, т. к. вся власть на территории Орехово-Зуевского района была в руках их совета рабочих депутатов. Совет рабочих депутатов организовал контроль над снабжением города продовольствием, контролировал распределение квартир и к этому времени приступил уже к организации рабочего контроля на производстве. События развивались довольно быстро. 11-го апреля исполбюро совета рабочих депутатов потребовало от фабрикантов сведения не только о среднем заработке рабочих всех цехов, но также и точные сведения о том, на какой срок фабрика обеспечена сырьем и топливом. 16-го апреля правлению фабрик было послано расписание рабочего времени из расчета 8-мичасового рабочего дня. 17-го апреля совет рабочих депутатов отменил существовавшие до сего времени обыски. 25-го апреля совет рабочих депутатов командировал на фабрики по два представителя совета рабочих депутатов, потребовав от правления фабрик оказывать им содействие: а) «в отводе для них помещения при конторе»; б) «в доставлении сведений всякого рода, как о повышении, так и о понижении производства предприятий, а также о всяком решении, связанном с условиями рабочего быта».

Предприниматели согласились с предложенным им расписанием работ на фабриках, дали сведения о запасах хлопка и топлива, но требование совета об установлении рабочего контроля над производством настолько сильно било по их кровным классовым интересам, что фабриканты, боявшиеся потерять последние остатки своей власти над пропзводством, решительно воспротивились попытке установления полного контроля над ходом производства.

Борьба за повышение заработной платы.

Солдаты выступили за рабочих.

24-го апреля рабочие через правление профсоюза и фабрично-заводские комитеты потребовали: а) „установить минимум заработной платы в 2 руб. 50 коп.“; б) „от рубля и выше на все остальные заработки повысить заработную плату на 200%“. Позже советом даны были директивы добиться минимума для всех рабочих в 3 руб.

Фабриканты наотрез отказались вступить с рабочими в переговоры на основе этих требований и демонстративно об‘явили, что они слагают с себя вину за могущие произойти конфликты. Когда этот ответ стал известен, то он вызвал взрыв возмущения не только у рабочих, но и у солдат 21-го пехотного запасного полка, расквартированного в городе Покрове.

От имени совета солдатских депутатов этого полка в правление фабрик было отправлено следующее заявление, демонстрирующее солидарность солдат с рабочими:

„Совет солдатских депутатов 21-го пехотного запасного полка—говорилось в этом заявлении,—узнав о том, что рабочие пред‘явили требования установить минимум заработной платы для зарабатывающих до 1 рубля в 2 руб. 50 коп. и от 1 р. и выше на все заработки добавить 200% и выяснив, что положение рабочих слишком угнетенное, требует немедленно пойти на уступки. Виновными будем считать не рабочих, а вас и окажем им первым поддержку в их законных требованиях“.

Заручившись поддержкой солдат покровского гарнизона, партийный комитет и совет рабочих депутатов решили об‘единить вокруг требований ореховских рабочих всех рабочих близлежащих текстильных районов. В результате успешного выполнения этой задачи образовался единый мощный фронт рабочих фабрик т-в Саввы и Викула в Орехове и Зуеве, фабрик Зимина на Подгорной, в Зуеве и Дрезне, фабрик Смирнова в Ликине, фабрики „Французского анонимного общества“ в Павлово-Посаде, фабрик Богородско-Глуховской м-ры и ряда более мелких фабрик, вроде Новинской.

Таким образом, более 75.000 рабочих текстильщиков об‘единились под руководством ореховского совета рабочих

депутатов и пред'явили фабрикантам уже детально разработанное требование об увеличении заработной платы. Особо было оговорено в этом требовании, что женщины, получающие менее 50 коп., должны получать не менее 3-х рублей.

В противовес рабочим, об'единившимся вокруг этого требования, сплотились для отпора им также и фабриканты вышеуказанных предприятий. 1-го мая предприниматели подали коллективное заявление на имя председателя военного совета при исполнительном комитете московских общественных организаций. В своем заявлении они предлагали передать требования рабочих на обсуждение паритетной конфликтной комиссии, т.-е. такой комиссии, в которой представителей рабочих и фабрикантов должно быть равное число, а председателем этой комиссии они предлагали назначить незаинтересованное и пользующееся доверием обеих сторон лицо.

В ответ на это обращение фабриканты получили от Московского совета рабочих депутатов, куда было передано их заявление, повестку с приглашением их на заседание конфликтной комиссии, при чем Московский совет ставил предпринимателей в известность, что эта комиссия будет иметь характер исключительно совещательный. Это предложение Московского совета было на-руку фабрикантам. Дело в том, что атмосфера в Орехове была в высшей степени напряженной: директор Оглоблин скрылся из Орехова еще в начале революции, некоторые заведующие и мастера или последовали его примеру, или были удалены самими рабочими. По свидетельству фабричного инспектора Кудрявцева к этому времени распоряжения по фабрикам фактически давались советом рабочих депутатов. В столь неблагоприятной для ореховских фабрикантов обстановке они, конечно, не могли рассчитывать, что им удастся с выгодой для себя разрешить конфликт с рабочими. Поэтому, в надежде, что Московский совет, в котором „зловредные большевики" находились в меньшинстве, окажется более сговорчивым, чем ореховский большевистский совет, фабриканты охотно согласились на то, чтобы отстаивать свои интересы вне Орехова.

Конфликтная комиссия при Московском совете рабочих депутатов начала свою работу 9-го мая. Председателем этой комиссии был В. П. Ногин. На первом-же заседании конфликтной комиссии, после оглашения требования рабочих, представитель Богородско-Глуховской м-ры Крюков от имени всех предпринимателей заявил, что к 11-му мая будут представлены контр-предложения фабрикантов к требованиям рабочих. Пока фабриканты разрабатывали свой ответ, орехово-зуевский совет рабочих депутатов в срочном порядке выработал следующие добавочные требования, пред'явленные

им 10-го мая от имени рабочих всех фабрик в конфликтную комиссию. Эти новые требования были сформулированы в следующем виде:

1. Увеличить расценки в зависимости от зарплаты от 100 до 500%.

2. За время простоя машин не по вине рабочих прогул должен быть оплачен полностью.

3. При остановке всей фабрики или отделения из-за недостатка материала или топлива рабочие должны получать свой средний фактический заработок полностью (это требование, в частности, для ореховских рабочих, имело большое значение, потому что, по имевшимся у ореховского совета рабочих депутатов сведениям, запасы сырья на фабриках подходили к концу.

4. Денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу они ни производились—в виде-ли штрафа или браковки, должны прекратиться.

5. В тех случаях, когда между браковщиками и рабочими происходят несогласия о причинах брака, вопрос передается на рассмотрение экспертной комиссии, организуемой заводским комитетом.

6. Работа подростков в возрасте до 16-ти лет ограничивается 6-ю часами.

7. Сверхурочные работы разрешаются лишь с согласия фабричных комитетов. Все сверхурочные работы как рабочим, так и служащим оплачиваются в двойном размере.

Эти требования были оглашены тов. Ногиным на очередном заседании конфликтной комиссии 11-го мая, но фабриканты, ссылаясь на то, что эти требования были получены ими только в 12 часов ночи предыдущего дня, дали ответ только в самой общей форме, а пока предложили принять их контр-предложения по вопросу об увеличении заработной платы.

Предложения фабрикантов заключались в следующем:

1. Вместо всех установленных прибавок на дороговизну, к существующим основным расценкам устанавливается одна общая прибавка в 180% к довоенному уровню. Минимум поденной и сдельной платы не устанавливается. Новая повышенная прибавка вводится с момента начала работ после Пасхи.

2. Наградные, выдаваемые к Пасхе, впредь отменяются.

3. Означенная прибавка не распространяется на рабочих хозяйственного и строительного отделов, которыми должны быть заключены особые соглашения.

4. Существующие цены по фабричным харчевым лавкам не будут повышены.

5. Это предложение о прибавке делается при непременном условии сохранения старых коренных технических условий труда, принимая во внимание факт введения 8-мичасового рабочего дня.

На это предложение Ногин ответил, что он считает необходимым удовлетворить справедливое требование рабочих: «Мы должны добиваться такой заработной платы, которая бы устранила недоедание рабочих,—говорил он.—Я, как представитель совета рабочих депутатов ваши уступки нахожу недостаточными. Если-бы даже рабочие согласились на ваши контр-предложения, то это будет не надолго, и вскоре вновь возникнет конфликт».

Со своей стороны, представитель ореховских рабочих тов. Цивин сказал: *„Я, как представитель совета рабочих депутатов Орехово-Зуева, заявляю, что ваша уступка нас не удовлетворяет, и мы будем настаивать на тех требованиях, которые мы пред'явили. Если до 6 часов вечера наши требования не удовлетворят, то мы в субботу поедем на места и обратимся непосредственно к рабочим“.*

На следующий день фабриканты пошли на дальнейшие уступки, предложив вместо выдачи по удешевленным ценам из харчевых лавок продовольствия, увеличить зарплату на 30%, т. е. всего на 210% к довоенной заработной плате. При обсуждении этого нового предложения фабрикантов был об'явлен перерыв на 10 минут, во время которого рабочие обсудили вопрос о повышении зарплаты. После перерыва рабочие заявили, что они от своих требований отступиться не могут.

В конце концов в конфликтной комиссии так и не удалось достигнуть соглашения по вопросу об увеличении заработной платы. Было достигнуто лишь частичное соглашение. Неразрешенные вопросы рабочие предложили передать в третейский суд.

На этом же заседании конфликтной комиссии Барышников огласил следующую резолюцию, единогласно принятую на общем собрании орехово-зуевских рабочих 16-го мая:

„Мы, рабочие Орехово-Зуева, в виду того, что конфликтная комиссия не пришла ни к какому соглашению по вопросу заработной платы по вине фабрикантов и считая наши требования справедливыми, единогласно постановили—согласиться на предложения Московского совета рабочих епутатов и решение вопроса об удовлетворении пред'явленных нами требований передать в третейский суд, состав коего определяется Московским советом рабочих депутатов совместно с представителями совета рабочих депутатов Орехово-Зуевского района. Срок для решения Суда определяем не позже 28-го мая

дабы можно было бы, в случае необходимости, поставить вопрос на рассмотрение всероссийского с'езда советов рабочих депутатов 1-го июня с. г. О положении дел в Орехово-Зуеве довести до сведения Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) для получения от него директив как для себя, так и для наших представителей в третейском суде. Для сношения с Центральным Комитетом Российской социал-демократической партии избираем тов. Липатова, Кирова и Барышникова.

Председатель общего собрания Ефимов.
Председатель совета Р. Д. Липатов.
Секретарь общего собрания Лобанов.“

Третейский суд

Третейский суд под председательством министра Коновича начал свою работу 7-го июня. Представителями от рабочих в этом суде были: *А. И. Рыков, И. И. Скворцов-Степанов, Б. Кибрик, И. В. Барышников и С. Киров.* На рассмотрение суда были представлены те из требований рабочих, по которым не было достигнуто соглашения в конфликтной комиссии при Московском совете рабочих депутатов, а именно: требование об увеличении размера выдаваемых квартирных денег, о переходе с 3 и 4-х станков на два, о сокращении числа сторон ватерных машин и, наконец, требование о повышении заработной платы.

Наиболее острые споры, как это и можно было ожидать, произошли на третейском суде вокруг вопросов о повышении заработной платы и о переходе на меньшее число ткацких станков и веретен. Здесь мы только остановимся на прениях по последнему вопросу, которые сосредоточились в технической комиссии суда. В этой комиссии представителями рабочих были: А. И. Рыков и И. Барышников. Представители фабрикантов настаивали, чтобы была признана нормальной заправка от 550 до 660 веретен. Со своей стороны, Рыков заявил, что он признает это приемлемым при 2-х условиях: во-первых—при отсутствии недоедания рабочих, при хорошем сырье и удовлетворительном состоянии машин; во-вторых—если-бы был осуществлен фактический контроль профессиональных союзов за условиями работы. А так как именно этих условий в то время не было, то Рыков внес от имени рабочих предложение: установить, как норму, заправку не более 580 веретен. Это предложение было принято технической комиссией за основу.

Что-же касается вопроса о переходе на два станка, то здесь выяснилось, что на некоторых фабриках рабочие зарабатывают на двух станках больше, чем на трех станках, а там, где произошел явочным порядком переход на два станка, это либо вовсе не привело к уменьшению заработ-

ной платы, либо уменьшило ее так незначительно, что желающих вернуться на три станка среди рабочих нет. Фабрикант Морозов сказал, что при работе на двух станках невозможна конкуренция с Западом. Рыков не согласился с доводами фабрикантов.

— *Довод фабрикантов о конкуренции с Западом,*— сказал т. Рыков,—*не выдерживает ни малейшей критики. В настоящее время такой конкуренции нет, а есть острый недостаток товаров. Что же касается доводов выступавших рабочих, то нужно сказать, что рабочий класс не должен бороться против безработицы понижением производительности общественного труда. Вопрос о безработице связан с существованием капиталистической системы, и разрешить его переходом на меньшее число станков невозможно. Поэтому говорить, что даже в том случае, если будут введены технические улучшения, облегчающие работу рабочим на большем числе станков, рабочие не согласятся на работу на трех или большем числе станков, потому что это увеличивает безработицу,—неправильно.*

Приблизительно те-же доводы приводил на суде и тов. Барышников, который говорил, что от бедствий безработицы может гарантировать лишь социальное страхование.

Третейский суд, рассмотрев доклады комиссий, признал необходимым сохранение производительности труда на высоте довоенного уровня.

Что-же касается требований о повышении заработной платы, то третейский суд принял решение: сделать общую процентную прибавку в 110% к расценку и поденной плате в марте месяце 1917 г., включая и прибавку на дороговизну и наградные по расчету за этот месяц, но за исключением добавок, получающихся от отпуска из харчевых лавок товаров по удешевленным ценам. Постановлением суда особо было оговорено, что женщины (за исключением подростков и старше 50-ти лет) не должны получать менее 3-х рублей при поденных работах. Квартирная плата была установлена третейским судом в размере 12 руб. ежемесячно.

Все эти постановления третейского суда были признаны обязательными для сторон с момента возобновления работ после Пасхи до 1-го сентября 1917 г.

Постановления третейского суда знаменовали полную победу рабочих.

Руководящая группа большевиков.

Нужно сказать, что в то горячее время исполбюро совета было в то-же время руководящим центром партийной организации большевиков Орехово-Зуевского района.

Организация рабочего контроля над производством, работа по улучшению снабжения Орехова продовольствием, руководство экономической борьбой, устройство политических митингов и манифестаций—всем руководило большевистское ядро исполбюро совета, вынесшее на себе главную тяжесть в деле собирания и сплочения не только орехово-зуевской партийной организации большевиков, но и всех рабочих Орехово-Зуевского района. В руководящую группу большевиков—членов исполбюро совета входили: т.т. Липатов, Максимова, Бугров, Куликов, Муранов, Барышников, С. Киров, Крутов, Губанов, Петраков, Мишкина, Ленков, Генералов, Поликарпов и некоторые другие. Они возглавляли и совет, и фабрично-заводской комитет, и профсоюз текстильщиков, и партийную организацию. Что-же касается работы партийного комитета, то его функции в это время (март, апрель и начало мая) ограничивались набором в партию, сбором членских взносов и организацией политико-просветительной работы среди членов партии. Самая структура руководящего партийного центра была почти целиком заимствована от дореволюционного времени.

Партийную организацию возглавлял ответственный организатор тов. Бумажный-Ефимов, который, опираясь на инициативную группу старых большевиков, давал направление в работе всех организаций. Секретарь же партийного комитета был в то время чисто техническим работником. Что же касается председателя партийного комитета, то в Орехове, за исключением первых дней, постоянного председателя не было: он выбирался на каждом собрании комитета лишь для ведения данного собрания. Этим орехово-зуевская партийная организация существенно отличалась от других партийных организаций, где председатель партийного комитета играл руководящую роль.

С конца мая м-ца партийный комитет, пополненныйрядо м крупных работников, становится подлинным штабом, руководящим всеми формами борьбы ореховскиу рабочих. К этому же времени относится и развертывание внутрипартийной работы и наиболее быстрый рост партийной организации.

1-го мая (по новому стилю) партийной организацией под лозунгами Центрального Комитета РСДРП (большевиков) была организована грандиозная демонстрация, в которой приняли участие свыше 50.000 человек. Среди демонстрантов выделялась колонна военно-пленных австрийцев и немцев. С пением революционных песен в 10 часов утра под звуки оркестров двинулись колонны демонстрантов к Рабочему театру на митинг. После митинга демонстрация, пройдя через Новую Стройку и Орехово, двинулась в Зуево. Здесь около гражданского комиссариата снова был устроен митинг, на кото-

ром выступали тов. Бумажный-Ефимов, Куликов и Барышников. Затем демонстрация прошла на Исаакиевское озеро и оттуда после митинга двинулась к совету рабочих депутатов. Демонстрация закончилась только к 7-ми часам вечера.

Несмотря на то, что демонстрация длилась свыше 9-ти часов, она прошла от начала до конца очень дружно и с большим под'емом. Первомайский праздник закончился поздно ночью гуляньем в летнем парке. В празднование 1-го мая были вовлечены и торфяники. Посланные партийным комитетом товарищи провели по болотам митинги и совместно с торфяниками выработали ряд экономических требований, в которые входило и требование 8-мичасового рабочего дня. Из этих требований администрация отказалась удовлетворить требование о 8-мичасовом рабочем дне, но сделала надбавку на дороговизну в 80% и частично удовлетворила ряд других требований.

Партийная организация широко развернула митинговую работу. На этих митингах большевистским ораторам приходилось давать бой меньшевикам, социалистам-революционерам и анархически настроенным элементам. Эти митинги, неизменно оканчивавшиеся победой большевиков, сыграли большую роль в деле четкого уяснения орехово-зуевскими рабочими своих классовых задач в революции. Для обслуживания митингов была организована школа агитаторов. На ряду с митингами устраивались и лекции. Что же касается печатного слова, то Орехово ежедневно получало свыше 500 экземпляров большевистской газеты «социал-демократ». Кроме того, была организована продажа партийной литературы. В конце мая в зимнем театре был открыт рабочий клуб с библиотекой и читальней. Кроме центральной библиотеки при партийном клубе, в это же время были организованы и библиотеки при казармах, для которых было закуплено порядочное количество книг.

В общем, положение партийной организации в Орехове пропагандист т. Полидоров в своем отчете в Московский комитет партии характеризует так:

„Масса в Орехово-Зуеве хорошо дисциплинирована и идет за советом рабочих депутатов, в котором почти все члены — большевики. Большевики-руководители (все твердокаменные) находят, что Питер и Москва тормозят движение. Местные большевики хотят сделать Орехово-Зуево центром, об'единяющим большой округ. Тяготение рабочих окрестных фабрик и заводов к Орехову очень большое. Меньшевики и эс-эры незаметны. Влияние партийной организации таково, что в Орехово-Зуеве хоть сейчас можно ввести диктатуру пролетариата“.

Ореховская красная гвардия.

Откуда взяли оружие.

Так как все распоряжения Временного правительства бойкотировались ореховским советом рабочих депутатов, то единственной опорой Временного правительства в Орехове были об'единившиеся в союзы купцы, домовладельцы, духовенство и совет союза служащих, которые информировали Временное правительство о положении дел в Орехове. Для того, чтобы обезопасить рабочие организации от возможных ударов в спину со стороны этих контр-революционных элементов, партийным комитетом была создана политическая разведка, которую возглавлял тов. *Петраков*. В начале июня этой разведкой был обнаружен секретный приказ Временного правительства 215-му запасному полку во Владимире и 21-му полку в Покрове об аресте некоторых руководителей ореховских большевиков и о разгоне захватившего в свои руки власть и неподчиняющегося Временному правительству ореховского совета рабочих депутатов. Тогда партийный комитет поручил тов. Караваю в строго конспиративном порядке приступить к организации красной гвардии.

После того как было набрано около десятка красногвардейцев, партийный комитет решил легализовать красную гвардию. С этой целью на общем партийном собрании 23 го июня был обсужден вопрос об организации в Орехово-Зуеве отряда красной гвардии. Это собрание и поручило комитету партии дело организации красной гвардии, а также разработку для нее соответствующих инструкций и указаний.

Интересен эпизод с получением вооружения для красной гвардии. Через введенных от покровского гарнизона в ореховский совет солдат была завязана связь с офицерами из Покрова. Ореховцы несколько раз приглашали этих офицеров, якобы в качестве почетных гостей, на спектакли в зимний театр. А в один прекрасный вечер заготовили спирту, напоили офицеров до пьяна, и когда они окончательно раскисли, подсунули им для подписи бумажку на предмет получения из склада 300 винтовок и патронов к ним. В эту же ночь, пока одураченные офицеры просыпались от опьянения, был отправлен в Покров грузовик с вооруженной охраной, на котором и было привезено в Орехово 300 винтовок и 61.000 патронов. Таким образом, когда в Орехово приехал из Московского окружного комитета тов. Жилин с директивой готовиться к вооруженному восстанию, в Орехове уже была возможность вооружить боевую дружину и образовать резерв вооружения на случай партийной мобилиза-

ции как для подавления контр-революционных выступлений, так и для подготавливающегося партией всеобщего вооруженного восстания.

Июльские дни.

4-го и 5-го июля в Орехове были проведены многочисленные вооруженные демонстрации. Эти демонстрации, проведенные под лозунгами *„Долой грабительскую войну“* и *„Вся власть советам“*, были очень внушительны. Вся „чистая“ публика исчезла с ореховских улиц при виде демонстрантов, в рядах которых двигались вооруженные колонны милиции, красной гвардии и партийцев. Вся местная буржуазия—купцы и фабричная администрация—в эти дни не выходила на улицы, даже окна их квартир были наглухо завешаны. После июльских дней, несмотря на жесточайшие репрессии и потоки грязной клеветы, которые Временное правительство обрушило на головы большевиков,—в Орехове доверие к большевикам совершенно не было поколеблено. Наоборот—рабочие массы еще теснее сплотились вокруг большевистской организации и руководимого ею совета рабочих депутатов. Как бы в ответ на репрессии против большевиков, 28-го июля общее собрание рабочих в количестве 25.000 человек единогласно постановило следующее:

„В виду того, что совет рабочих депутатов строго стоит на страже рабочих интересов, проводя идеи рабочего класса в жизнь, мы, рабочие, еще раз подчеркиваем, что согласны на самообложение в фонд совета рабочих депутатов, и требуем от конторы фабрик Саввы и Викула Морозовых ежемесячно, включая сюда февраль, март и т. д., отчислить с заработка рабочих 1 проц.“.

На этом же собрании было решено ежемесячно отчислять на литературу в окопы из фонда совета рабочих депутатов по 300 рублей. Причем собранием рабочих было постановлено посылать на фронт исключительно революционную литературу, в особенности газеты „Правду“ и „Социал-Демократ“. Кстати, необходимо отметить, что это собрание было созвано вопреки прямому указанию Московского совета, который рекомендовал «избегать столкновений между различными частями демократии».

Вскоре после июльских дней, в начале августа в рядах орехово-зуевской организации нашлась небольшая группа колеблющихся, которая откололась от партийной организации и создала в Орехове группу об‘единенцев-интернационалистов, которая выступила на выборах в городскую думу со своим особым списком. Сравнительно легко преодолев это раскольничье выступление, партийная организация еще более окрепла. Проведенная перерегистрация очистила ряды партийной организации от неустойчивых и недисциплиниров-

ных элементов, а это в свою очередь способствовало значительному улучшению массовой партийной работы.

Организация социалистического союза молодежи.

Перед партийной организацией встал вопрос о том, как овладеть вовлеченными в экономическую и политическую борьбу молодыми резервами рабочего класса. Во второй половине июня по инициативе группы партийной молодежи, в которую входили: Копнов, Каравай, Шилкин, Петров и др., было созвано собрание молодежи. На этом собрании было решено организовать рабочую молодежь в самостоятельную политическую организацию, где она могла бы получать воспитание в духе революционной социал-демократии (большевиков), и подготовляться к активной борьбе за диктатуру пролетариата. Все остальные предложения, сводившиеся к тому, чтобы вновь организуемый союз молодежи стоял в стороне от политической борьбы и занимался только культурно-просветительной работой и развлечениями, были категорически отвергнуты подавляющим большинством собрания.

Вслед за этим собранием той же инициативной группой на общем партийном собрании 8-го июля был поставлен доклад о целях и значении социалистического союза молодежи. Партийное собрание по этому докладу внесло резолюцию, в которой оно признало крайне необходимым помогать делу организации социалистического союза рабочей молодежи и поручило партийному комитету приложить все усилия для проведения этого постановления в жизнь.

Скоро ставший многочисленным социалистический союз рабочей молодежи всю свою работу проводил под руководством партии большевиков. В ноябре месяце этот союз молодежи об'единился с московским союзом молодежи, имевшим четкую классовую программу и принял наименование последнего. С этого времени он стал называться „Союз рабочей молодежи III Интернационала“.

Своя газета.

До июля месяца Орехово (если не считать 500 номеров ежедневно получаемого „Социал-Демократа“) снабжалось буржуазными газетами, а также газетами меньшевистского и эс-эровского направления. Большевистских газет в Орехово приходило явно недостаточное количество. Поэтому ореховский совет рабочих депутатов решил начать издание своей собственной газеты. 3-го июля 1917 года был выпущен первый номер газеты под названием *„Известия Орехово-*

Зуевского Совета Рабочих Депутатов". Большую часть газеты занимало раз'яснение рабочим текущего политического момента, вытекающих отсюда задач рабочего класса, а также разоблачение тактики меньшевиков и эсэров. Особенно большую роль сыграла эта газета в деле организации и политического просвещения масс после событий 4—5 июля, когда на большевистскую печать обрушились репрессии Временного правительства, а против партии большевиков развернулась буржуазными и соглашательскими газетами ярая клеветническая кампания. В эти трудные дни „Известия Орехово-Зуевского Совета" отстаивали интересы пролетариата в революции, воспитывая его в духе непримиримой классовой борьбы против буржуазии, против ее соглашательских подголосков.

Орехово-Зуево — город.

Выборы в городскую думу.

В июле, по ходатайству совета рабочих депутатов, Временное правительство дало разрешение на организацию из местечка Никольского, погоста Орехова и села Зуева — города с упрощенным самоуправлением. В связи с переходом, Орехово-Зуева на городское положение было приступлено к выборам в городскую думу. На выборах в думу боролись следующие пять списков:

Список № 1 социал-демократов большевиков и совета раб. депутатов.

Список № 2 об'единенного демократического союза (список местной буржуазии и фабричной администрации).

Список № 3 социал-революционеров.

Список № 4 социал-демократов меньшевиков.

Список № 5 об'единенцев-интернационалистов (группа отколовшихся от большевиков членов исполнительного комитета,—последний не нужно смешивать с исполбюро С.Р.Д.)

Партийный комитет и совет рабочих депутатов выступили на выборах в городскую думу со следующей муниципальной платформой: наряду с прекращением войны, требовали всеобщего избирательного права для граждан, достигших 18 лет, национализации земли, введения общего поимущественного налога, налога на роскошь, передачи городской думе телефона, освещения, водопровода и т. д., бесплатного всеобщего обучения, организации детских садов, вечерних курсов и т. д., борьбы с социальными болезнями, борьбы с детской смертностью, проведения широких санитарных и гигиенических мероприятий в целях оздоровления

города и т. п. Кроме того, выдвигались требования 8-мичасового рабочего дня, удовлетворительной по размеру зарплаты, воспрещения женского труда в отраслях, вредных для женского организма, заключения колдоговора с рабочими, страхования рабочих и т. д.

Вокруг этой платформы совет рабочих депутатов и партийный комитет развили усиленную агитацию. Во время избирательной кампании ими был проведен целый ряд собраний и митингов. Значительное место избирательной кампании уделила также и газета совета. Во время избирательной кампании газета поместила целый ряд статей, воззваний и резолюций общих собраний рабочих, призывавших голосовать за список № 1.

20-го августа с 9-ти часов утра рабочая масса двинулась к урнам подавать бюллетени. Уже с самого утра было заметно, что полнейшая победа обеспечена за большевиками. Список № 1 брался нарасхват.

Подсчет голосов дал следующие результаты: список об'единенного демократического союза (№ 2), состоявший сплошь из крупных и мелких домовладельцев, купцов и высшей фабричной администрации, получил 1.386 голосов, что дало ему возможность провести в городскую думу 5 чел.; список социалистов-революционеров (№ 3), за который голосовала значительная часть мелкой городской буржуазии и интеллигенции, набрал—3.089 голосов, в результате они получили в думе—11 мест; список меньшевиков (№ 4) получил только 665 голосов и провел 2-х представителей в думу; что же касается списка № 5—списка об'единенцев-интернационалистов, то он потерпел решительное поражение и не получил ни одного места в Думе. Большевики же, шедшие по списку № 1, получив 16.291 голосов, провели в думу 56 человек.

Для того, чтобы хоть чем-нибудь сгладить впечатление от огромной победы большевиков в столь крупном промышленном центре, как Орехово-Зуево, буржуазные и социалистические газеты стали лить на головы ореховских большевиков целые потоки самой гнусной клеветы.

В дни корниловщины.

Голос ореховских рабочих.

26-го августа Корнилов пред'явил свой ультиматум Временному правительству и двинул войска на Петроград. В Орехово-Зуеве узнали о выступлении Корнилова в 12 часов дня 27-го августа по телефону из Владимира. После получения этого известия немедленно же было устроено совместное заседание партийного комитета и исполбюро совета

рабочих депутатов. На этом совещании было решено призвать ореховских рабочих к беспощадной борьбе с контр-революционной авантюрой Корнилова, но не для поддержки Временного правительства, а для защиты завоеваний революции, для защиты революционных рабочих организаций. На этом совещании было постановлено немедленно снять красногвардейцев с работы на фабриках и занять красногвардейскими патрулями жел.-дор. станцию, телеграф, телефон, банк и железно-дорожные мосты, усилить посты милиции в городе, взять на себя охрану фабрик, а оставшихся свободными красногвардейцев держать неотлучно на казарменном положении в исполбюро совета. Призыв партии поднял на ноги весь ореховский пролетариат. Свыше 300 красногвардейцев, в числе которых было много беспартийных, немедленно отдали себя в распоряжение организованного в это время, по инициативе совета рабочих депутатов, революционного комитета и штаба красной гвардии, начальником которого в это время был тов. Каравай. Революционная ореховская молодежь тоже с энтузиазмом откликнулась на призыв партии.

Ликвидация Корниловского мятежа не породила в Орехове иллюзии, что контр-революция окончательно разбита. 2-го сентября на общем собрании рабочих была принята следующая резолюция:

„Поход мерзавца и прислужника царского самодержавия Корнилова против революции есть поход против революционного пролетариата. Работа буржуазии в сотрудничестве со всеми черносотенными генералами велась в 2-х направлениях: подпольный тайный заговор и открытый саботаж в промышленной и продовольственной областях. Руководство всем заговором несомненно принадлежит партии Народной свободы. Виновными в последних событиях оказались и те социалистические партии, которые сами тянули к власти предателей из к.-д. партии.

И теперь мы еще считаем контр-революцию неликвидированной потому, что:

1. В министерство приглашено большинство контр-революционеров—кадетов;

2. Все буржуазные газеты в своих передовицах все еще призывают к продолжению войны;

3. Не арестованы главари контр-революции—генералы и руководители кадетской партии;

4. Не выпущены жертвы буржуазной контр-революции—товарищи большевики и интернационалисты.

А раз это так, то мы считаем своим долгом продолжать борьбу со всеми проявлениями буржуазии, и поддерживаем революционных рабочих Петрограда.

Мы немедленно требуем: передачи власти органам революционного пролетариата и беднейшего крестьянства; ареста всего ЦК кадетской партии; немедленного освобождения т.т. большевиков и интернационалистов, предания всех контр-революционных генералов суду, с участием в нем представителей петроградского пролетариата.

Будем поддерживать и выйдем по первому призыву ЦК РСДРП большевиков“.

На одной скамье с меньшевиками и эс-эрами.

Демократическая дума и большевики.

В воскресенье, 10-го сентября в зимнем театре состоялось открытие 1-й городской думы. На сцене, украшенной красными знаменами, лозунгами и портретами вождей, сидели 74 гласных думы. Левое крыло было занято большевиками, а направо расселись меньшевики, социалисты-революционеры и члены об'единенного демократического союза—всего 18 человек.

В президиум думы вошли исключительно большевики. Председателем думы был избран тов. Бугров, товарищами председателя т.т. Борисов и Сальников, а секретарем т. Дружинин.

В своих декларациях и заявлениях меньшевики, эс-эры и представители демократического союза заявили, что они всякую ответственность за работу думы с себя слагают и от какой бы то ни было работы отказываются. В ответ на это тов. Куликов от имени фракции большевиков прочитал следующую декларацию:

„Нам гласным, социал-демократам большевикам, по воле местных избирателей, подавших за нас более $^3/_4$ голосов, подлежит стать господствующей фракцией в орехово-зуевской городской думе, имея за собой абсолютное большинство.

Принимая во внимание, что нам придется быть гласными первой орехово-зуевской думы, а следовательно, нести самую трудную, ответственную работу по созданию городского хозяйства, мы все наши способности, силу и энергию направим в сторону защиты, главным образом, рабочего населения, которое более всех несет тяготы от неустройства городской жизни“.

Дальше декларация подробно перечисляет пункты предстоящей работы во всех областях, подчеркивает свое большевистское лицо и об'являет непримиримую борьбу всем соглашательским партиям и буржуазным партиям Временного правительства. Чтобы понять значение этой декларации, надо вспомнить, что дело происходило при Временном правительстве в обстановке самых ожесточенных преследований большевиков. Так выявлялась роль Орехово-Зуева в истории развития пролетарской революции.

Дума единогласно постановила присоединить Орехово-Зуево к Московской губернии. Затем дума перешла к выборам городской управы. По предложению фракции большевиков, председателем городской думы был избран Барышников, а товарищами председателя Киров и Хазов А.

После выборов городской управы дума обсудила вопрос об отношении к Всероссийскому демократическому совещанию, созываемому 15-го сентября в Петрограде. В этом

демократическом совещании главную массу составляли буржуазные и мелкобуржуазные представители земств, городов и кооперативов, а советам, т. е. подлинным представителям масс, отводилось третьестепенное место. Так вот вопрос об отношении думы к этому подложному народному представительству большевики и предложили обсудить. Тов. Барышников предложил послать от имени орехово-зуевской городской думы на демократическое совещание телеграмму со следующими требованиями:

„1. Необходим полный разрыв соглашательства с буржуазией и удаление буржуазных министров.

2. Необходимо передать всю власть в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян.

3. Требуем немедленного и полного вооружения рабочих и революционных солдат.

4. Немедленного освобождения всех арестованных большевиков и интернационалистов.

5. Решительного искоренения корниловского заговора, исчерпывающих арестов буржуазных контр-революционеров (Милюкова, Родзянко, Гучкова и др.), закрытия буржуазных контр-революционных организаций (Думы, ЦК кадетской партии) и газет.

6. Немедленной чистки командного состава по спискам составленным солдатскими организациями.

7. Немедленной отмены смертной казни для солдат.

8. Высылки из России агентов союзного капитала.

9. Требуем непосредственного представительства от рабочих.“

В ответ на это предложение представитель фракции меньшевиков выступил против требования закрытия буржуазных газет и ареста главарей буржуазии. Что же касается гласных из демократического союза и социалистов-революционеров, то они демонстративно покинули зал заседания. Под гром несмолкаемых аплодисментов переполнивших театр рабочих была принята телеграмма в демократическое совещание с приведенными выше требованиями.

На баррикадах Октября.

Положение в Орехово-Зуевском районе стало крайне напряженным. Этому в значительной степени способствовал колоссальный рост дороговизны. Продукты, вздорожавшие более чем на 1100%, стали совершенно недоступны рабочим. К тому же капиталисты, которым казалось, что „костлявая рука голода“ слишком медленно подвигается к горлу рабочих, начали усиленным темпом работать над развалом промышленности района. Так, например, в Ликине, где на фабрике имелось готового товара около 2.000.000 аршин, где имелся запас хлопка на 3 месяца, а топливо находилось только в 4-х верстах от предприятия, и нужно было его лишь подвезти,—так вот там, несмотря на все эти благоприятные условия, фабрика была остановлена, якобы из-за

отсутствия топлива и неотложного ремонта машин. Приблизительно к этому же времени в Орехове закрылась ситцепечатная фабрика. Вопрос об останове остальных фабрик района стал лишь делом ближайших нескольких недель. В то же время фабричная администрация приложила все усилия, чтобы разрушить работу потребительского общества. Она требовала возвратить свои паевые взносы, достигавшие многих тысяч рублей. Контр-революционные элементы Орехово-Зуева вновь зашевелились, стали более смелыми и наглыми. Все это воочию показывало ореховским рабочим, что буржуазией начато новое наступление на пролетариат.

Перед лицом колоссального заговора буржуазии партийный комитет забил тревогу: *„На пролетариат готовится нападение“*, *„Буржуазия об'явила войну революции“*, *„Власть советам или гибель революции“*,—такими заголовками запестрели передовицы *„Известий Орехово-Зуевского Совета РД“*.

За несколько дней до октябрьского переворота на заседании партийного комитета совместно с исполбюро совета РД был организован революционный комитет, в который вошли т. т.: Барышников, Киров, Мирохин, Богатов, Куликов, Хазов и Галкин. В штаб красной гвардии в это время входили: Галкин, Самейт, Шатилов, Зверев и Барышников Революционным комитетом была налажена хорошая живая связь с Москвой, Владимиром и Покровом.

21-го октября штабом красной гвардии была об'явлена мобилизация всех красногвардейцев, количество которых к этому времени превышало 300 человек.

После того, как в Орехове стало известно, что восстание началось, Ревком взял власть в свои руки. Красной гвардией по приказу ревкома были немедленно заняты железнодорожная станция, городской банк, кредитное товарищество, почта, телеграф и телефон, были также выставлены караульные посты около фабрик, заводов и нефтяных баков.

Когда красногвардейцы явились в отделение городского банка, то они обнаружили, что агент банка взял из кассы деньги и скрылся. Тогда ревком отдал приказ об аресте заведующего, который и был арестован в поезде около Дрезны с чемоданом в руке: в нем оказалось около 45.000 рублей. Когда агенту банка был пред'явлен ордер ревкома на его арест, он стал кричать, что не желает подчиняться кучке бандитов и отвезет деньги их законному владельцу Рябушинскому. Но несмотря на все его истерические выкрики, агент банка был доставлен вместе с деньгами в Орехово. Конфискованные у Рябушинского деньги были возвращены обратно в банк.

Конфликт ревкома со штабом красной гвардии произошел из-за самовольной реквизиции последним у торговцев

Участники боевой октябрьской дружины оре-

1) Акимов С. Т., 2) Орлов Ив., 3) Филиппов Т. С., 4) Сальников, 5) Киров П. А., 10) Зрячкин С. М., 11) Коровушкин П. П., 12) Аниксин В. П., 13) Ожогин К. Ф., 18) Петраков М. П.,

ховцев, дравшейся на баррикадах Москвы.

6) Иванов П. В., 7) Киров С. А., 8) Барышников В. А., 9) Дымов П. П. 14) Каравай М. М., 15) Федин И. И., 16) Генералов М. П., 17) Доминский П. П. 19) Сухов А. В.

различных продуктов, в том числе нескольких пудов изюма. Ревком потребовал от штаба прекращения самочинной реквизиции и впредь никаких реквизиций, обысков и арестов без разрешения ревкома не производить. Против этого постановления ревкома штаб красной гвардии повел агитацию, говоря, что ревком трусит обижать торговцев, что он, дескать, вообще против всяких конфискаций и т. п. Все это, конечно, было явным вздором. Ревком был не против конфискации продуктов для нужд красной гвардии, он только требовал, чтобы эти конфискации производились организованно, по ордерам исполбюро совета, чтобы была гарантия, что конфискованные продукты не будут никем расхищаться.

Вообще, нужно сказать, что штаб красной гвардии вел себя в высшей степени недисциплинированно. Он отказался подчиниться приказанию, полученному ореховским ревкомом из Московск окружн. ком. РСДРП (б)—воздержаться пока от посылки отрядов на помощь восставшим московским рабочим, но держать их в боевом порядке на случай срочного вызова в Москву. Пока же на Орехово Московским окружным комитетом была возложена боевая задача—не пропускать в Москву контр-революционных подкреплений. Штаб, узнав об этом решении, взбунтовался. Он стал разлагать красногвардейцев, натравливая их на совет Р. Д. и на ревком, обвиняя последних чуть ли не в предательстве революции. Член штаба красной гвардии Самейт даже предлагал расстрелять, якобы, оппортунистическое исполбюро совета и членов ревкома. Дело дошло до того, что анархиствующий штаб красной гвардии попытался захватить власть в свои руки. По распоряжению штаба, был занят комиссариат, милиционеры были разоружены, а помощники начальника милиции Буханов и Образцов арестованы. В то же время, по приказу штаба, красногвардейцы заняли все входы и выходы у здания совета.

Но эта авантюра штаба провалилась. Пришли в комиссариат члены ревкома, исполбюро совета, партийного комитета и городской управы как раз во-время на собрание красногвардейцев. Они быстро сумели доказать красногвардейцам, что большинство штаба ведет преступную игру, дезорганизуя силы рабочего класса в момент восстания, и что поэтому штаб об'ективно помогает контр-революции.

На следующий день красная гвардия была об'явлена распущенной, оружие у всех красногвардейцев было отобрано, и тут же был назначен новый набор красной гвардии. Только очень немногие красногвардейцы отказались вступить в ряды красной гвардии, да и то не надолго. Реорганизованная красная гвардия включила в свои ряды исключительно надежных и совершенно дисциплинированных бойцов, готовых в каждую минуту двинуться на помощь Москве. Начальником красной гвардии был назначен Сальников. Вечером это-

го же дня было созвано общее собрание рабочих, которое постановило арестовать штаб красной гвардии. Тут же после митинга были арестованы Шатилов, Самейт и Зверев.

В день возобновления после перемирия военных действий в Москву был отправлен из Орехова отряд красной гвардии. Высадившись на Курском вокзале, отряд беглым шагом прошел в Хамовнический район. Здесь ореховские красногвардейцы получили приказ пробиваться к дорогомиловскому совету и стать под его руководство. Пробыв на баррикадах всю ночь, ореховский отряд первый бросился на штурм 5-й школы юнкеров, где было захвачено много боевых трофеев.

После победы вооруженного восстания в Москве ореховскому отряду было поручено нести охрану областного совета раб. депутатов и областного комитета партии. Впоследствии ореховский отряд работал по заданиям ВЧК, а затем, по его собственной просьбе, был совместно с другим отрядом, присланным из Орехова, отправлен на борьбу с Калединым. В боях с Калединым, несмотря на то, что ореховцам приходилось драться с прекрасно вооруженными и обученными офицерскими отрядами, ореховцы ни разу не отступали. Героическими штыковыми атаками они опрокидывали более многочисленного и лучше вооруженного противника. Ореховские пролетарии, шедшие в первых рядах в борьбе за диктатуру пролетариата и в ожесточенных боях с контр-революцией, доказали, что они достойные сыны красного Орехова. Это лучшим образом подтвердил и В. И. Ленин по поводу следующего случая:

Во время левоэсэровского восстания местный комитет большевиков получил сведения о том, что эсэры прорвались из Москвы на автомобилях и направились по Нижегородскому шоссе в район Богородска и Орехова. Комитетом совместно с советом была выделена тройка для ликвидации этого прорыва и были созданы боевые дружины, которые выслали дозоры и секреты в уезд для того, чтобы во-время обнаружить прорвавшихся. Вместе с тем был принят ряд мер и в городе для того, чтобы эсэры не могли застрять у нас. Вместе с сообщением о прорыве из Москвы, по поручению т. Ленина, выехал особо-уполномоченный для того, чтобы проверить на месте, какие меры приняты ореховской организацией на случай появления эсэров. Ознакомившись со всем, присланный товарищ по прямому проводу информировал о мероприятиях орехово-зуевского комитета т. Ленина, который поручил передать орехово-зуевской организации благодарность за предусмотрительность.

— *С такой энергичной и крепкой организацией победа пролетарской революции обеспечена!*—это были подлинные слова Ильича, характеризовавшие орехово-зуевских большевиков и рабочих

Ликинские фабрики.

Первая национализированная фабрика в РСФСР.*)

Часть шестая.

Ликинские рабочие еще до декрета взяли предприятие в свои руки.

Чем была Ликинская мануфактура.

Возникновение Ликинской мануфактуры относится к началу сороковых годов прошлого столетия, когда основатель ее, В. С. Смирнов, в качестве кустаря работал со своим семейством на ручных ткацких станках для соседней орехово-зуевской морозовской фабрики каруссет, сарпинку и другие ткани из пряжи, получаемой от означенной фабрики.

С течением времени В. С. Смирнов становится владельцем так называемой „светелки“ — небольшой кустарной фабрики, где им уж начинает применяться наемный труд, но он все еще продолжает работать на давальческой пряже и работает исключительно на С. В. Морозова, основателя Морозовских мануфактур.

В конце шестидесятых годов во главе дела становится сын основателя фабрики, А. В. Смирнов, который дает

---

*) *Составлено по материалам т. т. Азарха и Морозкина.*

своему предприятию уже более широкий размах и делает его более самостоятельным. Он устраивает небольшую красильную и мотально-сновальную фабрики с числом наемных рабочих, доходящим до 75 человек, при чем А. В. Смирнов уже сам начинает выдавать закупаемую ими пряжу для переработки на сторону.

В 1871 году была построена первая каменная двухэтажная для ручного ткачества фабрика, а в 1880 году А. В. Смирнов делается небольшим самостоятельным фабрикантом, имеющим свою небольшую отделочную фабрику с годовой продукцией в 40.000 кусков готовой ткани.

В 1881 году А. В. Смирнов приступает к постройке ткацкой механической фабрики на 80 станков, переходя, таким образом, от ручного ткачества к механическому. С этого момента в течение ближайших двух десятилетий дело А. В. Смирнова быстро разворачивается в крупное мануфактурно-промышленное предприятие, и он становится крупным самостоятельным фабрикантом.

В 1900 году А. В. Смирнов является уже владельцем собственной бумаго-прядильной фабрики на 50.000 веретен, ткацкой фабрики на 1.000 механических станков и большой красильно-отделочной фабрики, вырабатывавших разных готовых тканей на сумму 6.000.000 рублей в год. Предприятие обслуживалось количеством рабочих около 2400 человек.

В конце 1911 года, хотя предприятие и превращается из единоличного А. В. Смирнова в предприятие товарищества на паях с основным капиталом в 5 миллионов рублей, но фактическим владельцем такового продолжает быть А. В. Смирнов, и в момент его смерти в 1915 году он оставляет своим двум сыновьям наследство в сумме свыше десяти миллионов (10.000.000) рублей, часть коих была вложена в громадное, полным ходом работающее предприятие, обо-рудованное по последнему слову техники.

Из приведенных данных мы видим, как в продолжение сравнительно небольшого периода времени, тридцати—сорока лет, путем эксплоатации наемной рабочей силы, работавшей по 15—16 часов в сутки, было создано из ничего колоссальное многомиллионное состояние.

Каковы были взаимоотношения между рабочими и их хозяином?

В первое время применения Смирновым наемной рабочей силы взаимоотношения эти носили самый дружеский характер. Работая в своей кустарной мастерской совместно с нанятыми им рабочими, В. С. Смирнов, а затем его сын А. В. Смирнов входили во все мелочи повседневной жизни и быта своих рабочих и этим самым делались им необходимыми не только как источник получения заработка, но и благодаря тем мелким подачкам, которые они время от вре-

мени от них получали. Необходимо не терять из виду, что применявшаяся Смирновым рабочая сила были крестьяне, еще не порвавшие своей связи с землей, для них работа на фабрике давала некоторый добавочный заработок к их крестьянскому хозяйству, и никакого классового рабочего самосознания тогда еще у них не имелось. Хозяева Смирновы были их кумовьями, крестили у них детей, вели с ними душеспасительные беседы, время от времени жертвовали на благолепие храма божьего, жены Смирновых дарили от щедрот своих серебряные пятачки „на зубок“ своим крестникам, детишкам рабочих, входили в нужды семей рабочих, иногда оказывая мелкую помощь. Все это, вместе взятое, делало хозяев Смирновых „благодетелями“ в глазах рабочих, что привело, как мы видели выше, к созданию *из ничего* многомиллионного состояния путем неудержимой эксплоатации несознательных рабочих, работавших целыми поколениями над получением этого состояния по 15—16 часов в сутки.

По мере того, как кустарная фабрика развивалась в большое промышленное предприятие, взаимоотношения между рабочими и хозяином начали постепенно изменяться, что происходило, главным образом, потому, что рабочие начали мало-по-малу терять связь с землей и постепенно превращались в настоящих пролетариев. С другой стороны, управление фабрикой, в связи с ее развитием, делалось менее „патриархальным“, и после 1900 года, когда Ликинская мануфактура превратилась в крупное комбинированное предприятие, когда его владельцы начали почти постоянно жить в Москве, где находилось главное правление фабрики, а на месте дело было передано в ведение управляющих и служащих,—„патриархальные“ взаимоотношения начали быстро отмирать. Видимость благодетельствования сменилась ничем не прикрытой эксплоатацией. Работа фабрик начала вестись на строго капиталистических началах. В зависимости от изменений кон'юнктуры рынка, т.-е. от большего или меньшего спроса на вырабатываемые фабрикой ткани, менялись и отношения к рабочим. Стоило только этому спросу ухудшиться, как немедленно начинал осуществляться самый суровый нажим в сторону снижения заработной платы. Если же провести снижение заработной платы почему-либо не удавалось, то владельцы предприятия изыскивали всевозможные причины для временной остановки фабрик до момента, когда кон'юнктура рынка изменялась к лучшему. При пониженной оплате труда против других крупных фабрик, где рабочие уже успели путем неустанной борьбы завоевать мало-мальски человеческое существование, владельцы Ликинской мануфактуры вводили на своих предприятиях самый суровый режим, ибо молодой ликинский пролетариат, еще не имев-

ший своих традиций, не был достаточно сознателен и силен, чтобы противостоять нажиму со стороны своих хозяев. И лишь в 1905 году ликинские рабочие впервые пред'явили свои классовые права хозяину-капиталисту.

Наглость фабриканта не знает границ.

Игра эксплоататора на голодном желудке рабочих.

Вздорожание жизни и общий недостаток продовольствия к моменту февральской революции чувствовали и ликинские рабочие. И в то же время фабрикант Смирнов на харчи из своих лавок цену увеличивал, а расценки на фабрике оставлял без изменения. Это привело к тому, что в марте месяце 1917 года ликинские ткачи и прядильщики пошли к „хозяину" с просьбой о прибавке. Получили они сперва отказ и только после настойчивых требований добились 7% прибавки. Но, видимо, и в этой подачке фабрикант скоро раскаялся. На требования рабочих сравнять прибавку с морозовской (у Саввы Морозова рабочим в это время прибавили 10%), по фабрике было об'явлено, что к Пасхе всем будет дан расчет. В об'явлении указывалось, что фабрика будет остановлена на месяц, что рабочие будут набираться после останова вновь, и что харчи до пуска фабрики будут отпускаться из лавки только тем, кто вновь будет принят на работу, да и то за наличные деньги.

Эта наглость сразу создала на фабрике напряженное состояние, так как рабочий почувствовал, что этот провокационный вызов только начало борьбы, что фабрикант начинает открытое наступление на рабочих, цель которого путем саботажа сломить непокорные головы. Рабочий был прав—борьба началась.

Когда было вывешено об'явление о расчете, ликинский совет рабочих депутатов обратился в покровский совет (гор. Покров был тогда уездным центром) с просьбой расследовать причины закрытия фабрики и расчета рабочих. Из Покрова немедленно была выслана комиссия, которая и установила, что никаких причин закрывать фабрику и расчитывать рабочих нет. В протоколе комиссии было прямо указано, что „здесь имеет место злой умысел и саботаж фабриканта". Комиссией было в категорической форме предложено Смирнову пустить фабрику в первый же понедельник после пасхальной недели. Этот нажим возымел свое действие, и тут же после от'езда комиссии на фабрике появилось другое об'явление, где говорилось, что с „Фоминой недели фабрика будет пущена".

Рабочие раскрыли хитрость Смирнова.

Однако, фабрикант сдался, да не совсем. В этом же об'явлении было указано, что „вследствие недостачи вигоневого утка 280 станков будут остановлены, а рабочие с них уволены", и им будет прекращен отпуск продуктов из харчевой лавки. Это об'явление было вывешено за три дня до Пасхи, и в Покров за помощью ехать было уже некогда. Созвали общее собрание рабочих, и решили, прежде всего; добиться выдачи харчей тем рабочим, которые будут уволены. На этом же собрании решено было просить Московский совет помочь в борьбе против фабриканта, для чего была избрана делегация в составе т. т. Цибина и Морозкина. Эти товарищи привезли с собой членов Московского совета, но к их приезду конфликт был уже улажен. Произошло это таким образом: делегаты Цибин и Морозкин перед от'ездом в Москву были на пленуме ореховского совета, где видели коменданта гор. Покрова и сообщили ему о проделках Смирнова после от'езда комиссии. Комендант обещал выслать вторичную комиссию для расследования причин отсутствия вигоневой пряжи. Так вот, еще до приезда членов Московского совета Смирнов пошел опять на уступки, заявив, что вигоневого утка хватит на ф-ке до августа м-ца, что 280 станков будут пущены после Пасхи и что из рабочих никто уволен не будет. Члены Моссовета (это было 28-го марта) устроили только митинг, предложив рабочим вести борьбу организованно и держаться за свой совет рабочих депутатов.

В понедельник на Фоминой неделе фабрика была пущена, и рабочие всех отделов стали подавать требования о прибавке расценков, так как Смирнов обещал после Пасхи провести прибавку на всех фабриках. Эти требования подавались в ликинский совет рабочих депутатов, которому пришлось созвать общее собрание рабочих и предложить им избрать фабричный комитет, который бы и выработал новые расценки для пред'явления фабриканту. На требования о прибавке Смирнов ответил, что он будет руководствоваться примером морозовских фабрик. Видимо, фабриканты к тому времени уже сорганизовались для борьбы с рабочими, так как и на других фабриках на требования о прибавке расценков фабриканты не соглашались. В силу этого при Московском совете была сорганизована особая конфликтная комиссия в составе представителей фабрикантов, рабочих и Моссовета. Эта конфликтная комиссия по делу ликинских рабочих ни к чему не привела, и тогда было решено организовать третейский суд.

Фабрикант Смирнов отказался принимать участие в третейском суде, и ликинскому совету, а также фабзав-

кому, снова пришлось обращаться за содействием в Московский совет. Президиум Моссовета заявил, что хотя Смирнов и не принимает участия в третейском суде, но так как он участвовал в конфликтной комиссии, то обязан подчиниться решению суда. Поэтому Моссовет предложил ликинскому фабзавкому избрать 2-х представителей на заседание третейского суда и все постановления суда проводить в жизнь. Суд состоялся, но Смирнов не подчинился решениям суда. Вновь пришлось обращаться в Московский совет. Туда поехали 2 делегата, т. т. Морозкин и Охалин. Секретарь Моссовета обещал на другой день переговорить со Смирновым, но сделать ему этого не пришлось, так как ликинские делегаты обманным образом получили согласие Смирнова на выполнение постановлений суда.

Произошло это таким образом. Переночевав в Москве, делегаты надумали утром позвонить из чайной по телефону в правление фабрик и спросили Смирнова. Им ответили, что Смирнов занимается у себя в кабинете, и спросили, кто спрашивает. Делегаты ответили: секретарь Московского совета. Смирнов тут же подошел к телефону, и т. Охалин выдал себя за секретаря Моссовета. Он ему сказал следующее: „к нам в совет приехали ваши делегаты и просят нашего содействия заставить вас, чтобы вы признали третейский суд. Ваше же поведение дезорганизует рабочих, может вызвать забастовку, что будет неприятно как для Московского совета, так и для вас. Если вы признаете третейский суд, то пришлите сейчас же в Московский совет бумажку с вашим согласием“.

Смирнов, полагая, что с ним действительно говорит секретарь Моссовета, тут же обещал прислать требуемое отношение. Делегаты же отправились в совет, и во время разговора их с секретарем Моссовета посыльный принес пакет от Смирнова, где было согласие принять постановление третейского суда. В этой же бумажке Смирнов просил передать фабкому Ликинской мануфактуры о том, чтобы он выработал новые расценки и прислал их на утверждение правления. С этим отношением делегаты вернулись на фабрику, и фабзавком занялся выработкой расценков, согласно постановлению третейского суда.

Рабочий контроль не по вкусу капиталистам.

Владимирский с‘езд поддержал ликинцев.

В половине июля 1917 года Смирнов прислал на ф-ку нового заведующего Горожанкина, видимо, с определенной целью сломить сопротивление рабочих. Горожанкин обещал

работать в контакте с рабочими, при условии, чтобы фабзавком не вмешивался в его административные распоряжения. В начале работа с новым заведующим пошла как будто бы ничего Пригласили его на 2 заседания фабзавкома, где стоял вопрос о топливе, так как его было очень мало. Заведующий всех уверял, что хозяин хлопочет о нарядах на топливо, что есть надежда на получение, и что рабочим заботиться не о чем. В то же время на фабрике начались такие нововведения, которые снова подняли недовольство рабочих. Горожанкин приказал на красильной вытаскивать машины, выламывать потолок, об'ясняя это тем, что якобы балки гнилые, что рабочим грозит опасность, и поэтому хозяин хочет сделать бетонный потолок. Во всем этом рабочие подозревали злостный саботаж. Это подтвердилось и тем, что с 1-го августа фабрика остановилась из-за недостачи топлива. Во время этого останова в прядильном отделе был начат капитальный ремонт, о котором слесаря заявили фабзавкому, что Горожанкин затеял такой ремонт, который вряд-ли можно будет закончить до весны. Фабзавком после этого потребовал из г. Владимира инженера специально для обследования фабрики. Этот инженер в своем акте указал, что хотя и желательно иметь бетонный потолок, но старый никакой опасности пока не представляет, и что на прядильной никакого капитального ремонта делать пока не нужно. Следовательно, саботаж и полное нежелание работать под рабочим контролем были налицо. После обследования совет рабочих депутатов и фабзавком приостановили капитальный ремонт.

На этом махинации фабриканта не закончились. 29-го августа из правления фабрики пришло распоряжение выдать жалованье за июль месяц по ставкам, установленным третейским судом, а за август, в виду простоя фабрики, выдать в размере $^2/_3$ „под отчет". Это туманное выражение „под отчет" вызвало подозрение фабзавкома, и он обратился к заведующему Горожанкину с просьбой раз'яснить, что это значит, и нет ли тут намека на расчет рабочих. Горожанкин уверял, что этого быть не может, а потом по приезде из Москвы 2-го сентября, вдруг вывешивает об'явление за своей подписью, без согласования с фабзавкомом, о том, что фабрика закрывается в виду капитального ремонта и недостачи топлива на неопределенный срок. В об'явлении указывалось, что рабочим будет выдан расчет в 10-тидневный срок, причем была такая оговорка, что если кто-нибудь из рабочих не возьмет в этот срок расчета, то деньги будут переданы в депозит суда, а паспорта будут пересланы на родину. Узнав об этом об'явлении рабочие заволновались и повалили в фабзавком. Вызвали заведующего, но он собирался куда-то ехать. По настоянию рабочих начальник ми-

лиции Медведев задержал его и привел в фабзавком. На вопрос, почему закрывается фабрика, Горожанкин нового ничего не сказал, а сослался только на то распоряжение, которое было указано в об'явлении. Этот злостный саботаж возмутил рабочих до крайности. Толпа закричала, на заведующего бросилось несколько человек, и, может быть, дело кончилось бы самосудом, если бы не вмешался фабзавком. Фабзавком арестовал заведующего домашним арестом и под конвоем отправил на квартиру. Вместе с тем сообщили об этом новом конфликте в покровский уисполком и просили прислать комиссию для расследования.

На следующий день было созвано общее собрание рабочих, на которое прибыли 2 члена покровского исполкома и начальник гражданской милиции. На повестке дня стояли два вопроса: о закрытии фабрики и о конфликте с новым заведующим. По первому вопросу решили избрать делегацию в Московский совет,—были избраны т.т. Морозкин и Охалин, и по второму—постановили выслать Горожанкина, как злостного саботажника, туда, откуда он приехал.

4-го сентября делегаты Морозкин и Охалин были в Москве, и Московский совет направил их к комиссару труда московского заводского совещания. Оттуда вместе с представителями совещания т.т. Морозкин и Охалин направились к Смирнову, из разговоров с которым стало всем ясно, что отсутствие на фабрике топлива не было причиной, по которой можно было закрыть фабрику. Топливо в то время в Москве было, а Смирнов сам не подавал требований на топливо. Разговоры делегации с фабрикантом ни к чему не привели, и начались продолжительные хлопоты перед московским, покровским и владимирским советами. Рабочие выбирали делегатов, посылали их по всем направлениям, устраивали собрания, на фабрику приезжали комиссии, обследовали, но дело не двигалось. Смирнов был непоколебимым, и фабрика стояла.

О том, какие мытарства пришлось испытать делегатам ликинских рабочих, рассказывает в своих воспоминаниях товарищ Морозкин:

„На владимирском губернском с'езде советов,—пишет он,—я сделал подробный доклад о положении рабочих ликинской фабрики и рассказал с'езду, что 4.000 человек начинают голодать, не считая 500 солдаток с детьми, положение которых еще хуже. Я сказал, что руководящие организации никакого содействия не оказывают, а владимирский губпродком прислал еще отношение, что рабочим ликинской фабрики продовольствие отпускаться не будет. Во время этих слов я так разволновался, что у меня брызнули слезы из глаз, и я больше не мог говорить. Наступила минутная пауза, а потом поднялся шум. С'езд меня понял и вынес решение: вновь избранному исполкому послать делегацию в Москву и Петроград, а продовольствие для ликинских рабочих отпускать".

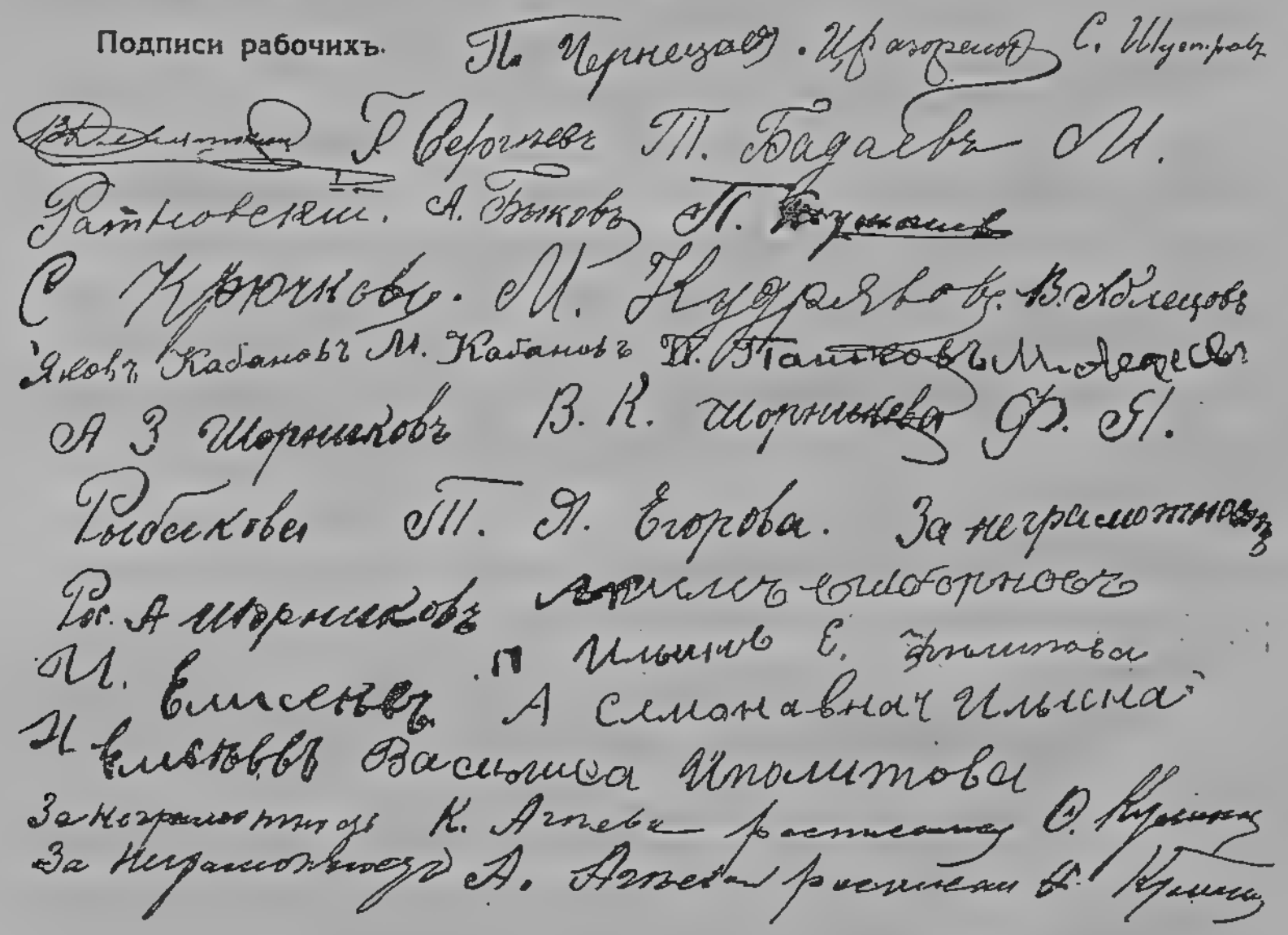
НАКАЗЪ

делегатамъ выбраннымъ отъ Фабрично-Заводскаго Комитета ф-ки т-ва Ликинской м-ры А. В. Смирнова, для поѣздки въ Петроградъ въ Государственное Совѣщаніе по оборонѣ Н. В. Охалину и Федору Гордѣевичу Гордѣеву.

Мы нижеподписавшіеся рабочіе, работницы и подростки Т-ва Ликинской М-ры А. В. Смирнова, давая этотъ наказъ, приказываемъ нашимъ выборнымъ Н. В. Охалину и Ф. Г. Гордѣеву принять всѣ мѣры, включительно до личнаго обращенія къ министру предсѣдателю **Керенскому.** Выяснить тяжелое положеніе фабричныхъ рабочихъ и отношеніе къ намъ владѣльца ф-ки Государственнаго Контролера С. А. Смирнова. Добиватся во всѣхъ организаціяхъ, чтобы ф-ки были пущены въ ходъ немедленно, причемъ, если это **невозможно,** заставить фабриканта уплатить рабочимъ за все врѣмя простоя $^2/_3$ жалованія. Ввиду надвигающейся по всей Россіи безработицы, какъ угрозы русской революціи, требуемъ отъ **Временнаго Правительства организаціи общественныхъ работъ.**

Вручая этотъ наказъ нашимъ представителямъ, требуемъ отъ нихъ, не возвращатся до техъ поръ, пока на наши вопросы не будетъ дано положительнаго отвѣта.

Подписи рабочихъ.



Первый листъ наказа.

Массовая демонстрация рабочих.

Смычка ликинцев с ореховцами.

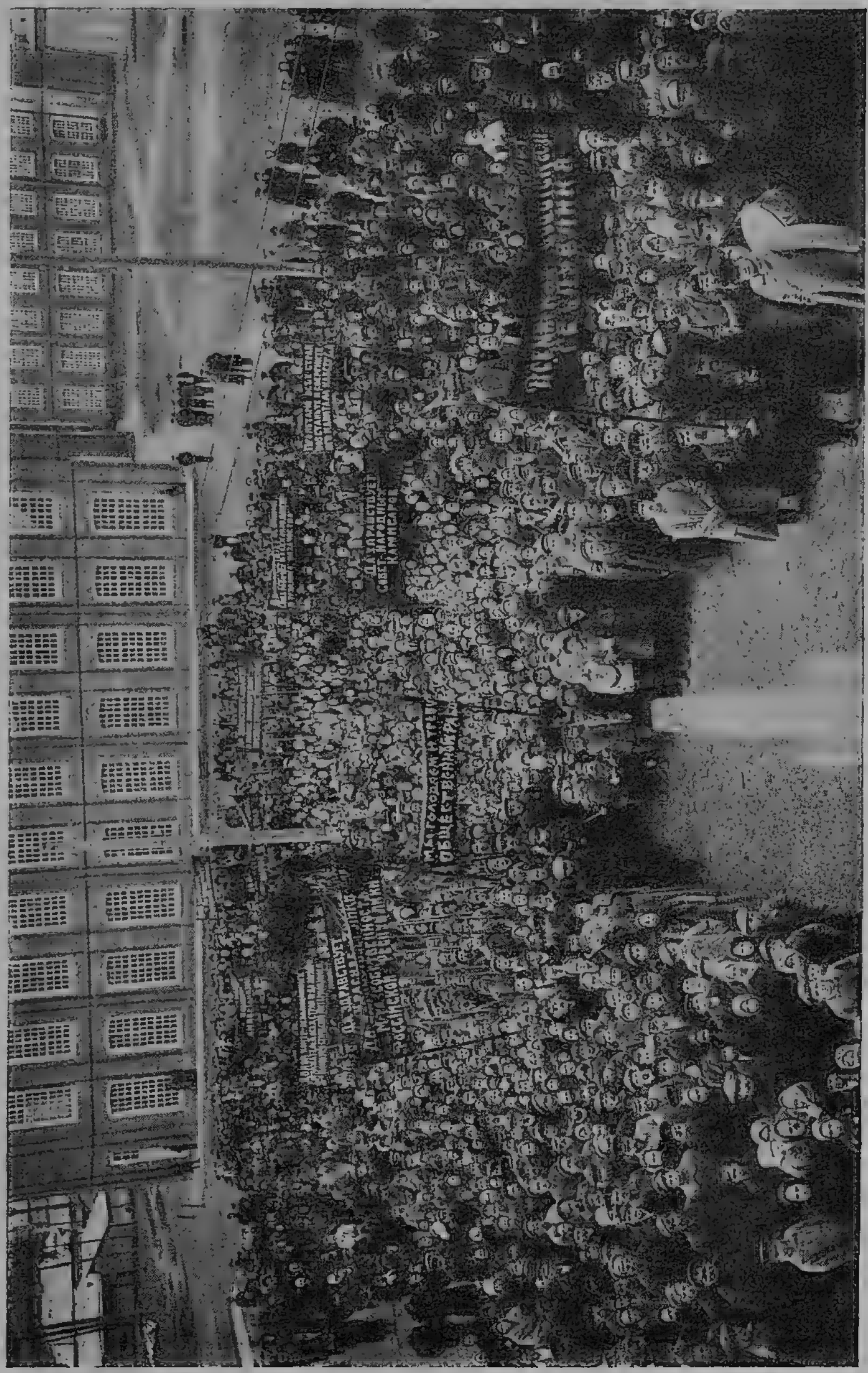
Революционный энтузиазм об'единил пролетариев.

Это решение владимирского с'езда подняло дух ликинских рабочих, но фабрика все-же продолжала стоять. Снова выбирали делегатов, ездили в Московский совет и, наконец, решили 19 сентября итти за помощью в Орехово, к своим старшим братьям — морозовским рабочим. Для этой демонстрации были написаны специальные лозунги: „Мы голодаем, наши дети голодают“, „Требуем организации общественных работ“. В этой демонстрации участвовало не менее 3.000 человек.

По приходе ликинцев в Орехово ореховские организации созвали митинг всех рабочих, остановили все фабрики и приняли их с хлебом и солью, несмотря на то, что сами жили в это время впроголодь. На митинге было решено оказать ликинским рабочим материальную помощь и отчислить полдневный заработок. Помимо этого, с фабрики Зимина было передано рабочим 500 рублей и произведен кружечный сбор. После митинга ореховские рабочие пригласили ликинцев, каждый в отдельности, к себе попить чаю и поесть, а потом ореховцы с революционными песнями пошли провожать ликинцев, и, таким образом, создалась снова внушительная демонстрация в 30.000 человек.

Многие фабрики, узнав из большевистской газеты „Социал-Демократ“ о борьбе ликинских рабочих с фабрикантом, также отчисляли однодневный заработок в пользу ликинцев. Такими были: Кольчугинский завод, чае-развесочная Губкина-Кузнецова и даже с фронта владимирский исполком получал письма с требованием принять решительные меры против Смирнова.

Начались новые ходатайства, поездки, продолжалось это все около 3 х месяцев, и снова дело кончилось тем, что предложили избрать паритетную комиссию. Никто из рабочих уже не верил, что эта комиссия что-нибудь даст. Но делать было нечего, и, скрепя сердце, избрали в паритетную комиссию т.т. Гордеева, Селина и Каржавина. Через полторы недели было назначено первое заседание комиссии, на повестке которого стояли такие вопросы: об уплате рабочим за 3 м-ца во время простоя ф-ки не по вине рабочих в размере $^2/_3$ жалованья, об отпуске харчей из хозяйской лавки в кредит до пуска фабрики и о времени пуска фабрики. Решение комиссии было неблагоприятным для рабочих. Комис-



Ликинская демонстрация направляется в Орехово (1917 г.).

спя постановила: плату за 3 месяца не выдавать, харчи отпускать только за наличный расчет, а фабрику пустить тогда, когда будет в достаточном количестве топливо.

Это решение комиссии рабочих все же не смутило, и они с новой энергией принялись за хлопоты и на другой же день послали 2-х делегатов, Морозкина и Лобанова, в Москву хлопотать о нарядах на нефть и антрацит. Делегатам это удалось, хотя и с большим трудом, так как Ликинская фабрика числилась в третьем разряде, тогда как топливо выдавалось фабрикам 2-го разряда. Из Москвы делегаты отправились в Нижний, но и там с нарядами в руках никак не могли добиться получения топлива. Не соглашались дать опять потому, что фабрика была 3-го разряда. Потом дать топливо согласились, но не все 30.000 пудов, на которые имелся наряд и за которые фабрикой были уплачены деньги, а гораздо меньше. Пришлось обратиться в нижегородский революционный комитет за содействием. Оттуда было получено отношение в нефтяной отдел о срочной погрузке нефти. В течение 10-ти дней все 30.000 пудов нефти были отправлены в Ликино.

Вопрос о фабрике встал в Совнаркоме.

„Собственность Российской республики".

Тем временем другие товарищи грузили с разных станций для Ликинской фабрики дрова, и вот, когда навозили достаточное количество топлива, ликинский совет и фабзавком направили снова делегацию в Москву хлопотать о пуске фабрики. Это было уже при советской власти, в первые дни после Октябрьской революции.

Московский совет вопрос о пуске Ликинской фабрики передал на рассмотрение районного экономического комитета, на обязанности которого лежал разбор конфликтов между рабочими и предпринимателями. Этот комитет на следующий же день вынес постановление о национализации фабрики и послал его на утверждение Совета Народных Комиссаров.

10-го ноября 1917 года народный комиссар труда тов. Шляпников сделал в Совнаркоме доклад, где указал, что все мирные способы для разрешения конфликта на Ликинской фабрике исчерпаны и разбились об упорное сопротивление Смирнова. Поэтому Наркомтруд выдвигает предложение о конфискации предприятия в пользу государства.

17/30 ноября Совнарком рассмотрел это дело и отметил, что:

1) закрытие фабрики, выполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейшего потребителя, недопустимо; 2) материалы по обследованию положения дела на ф-ке указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство; 3) в интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4.000 рабочих и их семейств — необходимо пустить указанную фабрику в ход,—а поэтому постановил:

фабрика товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при пос. Ликино, Владимирской губернии, со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим ОБЪЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Организация управления ее поручается народному комиссару А. Шляпникову. . . . . . .

После этого народный комиссар труда взял от представителей рабочих письменное обязательство в том, что рабочие обязуются: принять все меры к поднятию производства до уровня, превышающего производительность при старом правлении; охранять все здания, машины, станки и материалы фабрики; в вопросах заработной платы держаться соответствующих тарифных норм, выработанных областными об'единениями профессиональных союзов, и все изделия Ликинской мануфактуры распределять согласно общего продовольственного плана.

Дав такое обязательство, делегация ликинских рабочих получила на руки копию постановления Совнаркома, а также отношение Наркомтруда на имя комиссара труда Московской губернии, которому предлагалось провести постановление Совнаркома в жизнь. С этими бумажками делегация направилась в Москву, и 24-го ноября было утверждено правление 1-й национализированной Ликинской фабрики в составе: 1) 3-х представителей фабзавкома: Федора Гордеевича Гордеева (рабочий-шорник), Николая Васильевича Охалина и Сергея Васильевича Селина (служащие ; 2) представителя московского областного профессионального союза текстильщиков Ивана Ивановича Кутузова (рабочий-красильщик); 3) представителя комиссариата труда Московской области Бориса Абрамовича Азарха (инженер-текстильщик). Председателем правления был выбран тов. Азарх, и 25-го ноября новое правление приступило к работе.

Первым делом, было послано приглашение владельцам фабрики явиться для сдачи дел предприятия и ключей от помещения правления. Когда к назначенному часу никто из приглашенных не явился, новое правление вскрыло помещение в присутствии милиции и составило акт этого вскрытия.

После снятия замков в помещении правления не оказалось всех важнейших книг и документов, по которым можно было бы определить, в каком положении находилось предприятие. Все это было вывезено, и правление не могло

Ликинские рабочие, активные участники национализации ф-ки.

найти никаких следов того, какие материалы были закуплены. за кем числятся долги, кому должно предприятие и т. д. Кроме того, ни один из старых служащих правления на работу не явился, несмотря на приглашение через об'явление и газету, тогда как все они от прежнего правления продолжали получать жалованье.

Все это в значительной степени обескуражило новое правление, оно чувствовало себя в первые дни, как в лесу, тогда как нужно было начинать работу, и задачи, которые встали перед ними, были чрезвычайно трудны. Нужно было изыскивать финансовые средства, чтобы иметь возможность произвести хоть какую-нибудь выплату рабочим, нужно было снабдить фабрику топливом, сырьем и вспомогательными материалами, и нужно было разрешить продовольственный вопрос, так как продовольственный кризис давал уже себя чувствовать.

Тяжелое наследство для новых хозяев.

При вскрытии кассы правления в ней оказалось 42 р. 60 к., и в фабричной кассе — 505 р. 72 к., а всего в распоряжении нового правления фабрики было 548 руб. 32 коп. Положение усложнялось еще тем, что рабочие в течение 4-х месяцев не получали заработной платы, которая им причиталась, в размере $^2/_3$ за все время простоя фабрики. Изыскивая необходимые суммы для покрытия неотложных расходов, правление обратилось в президиум Моссовета, где и получило краткосрочную ссуду в 200.000 рублей. Кроме того, московский профсоюз текстильщиков отпустил еще 65.000 рублей. Обе ссуды через месяц были возвращены, но получение их в свое время позволило новому правлению через 3—4 дня своей работы выдать рабочим хотя по 30 рублей. Это были первые деньги, полученные рабочими после 4-хмесячной голодовки, и первые деньги, полученные от своего правления. Удовлетворив насущную нужду рабочих, правление приступило к реализации имевшихся готовых тканей. Но и тут пришлось натолкнуться на целый ряд препятствий. Дело в том, что все существовавшие тогда организации, созданные Временным правительством, не хотели признавать правление за законное и не хотели входить с ним в деловые отношения, считая его „захватчиком“. Так, например, когда правление обратилось в организацию „Центроткань“ с предложением принять к распределению ткани Ликинской фабрики, то руководители этого учреждения заявили, что ткани они примут, но деньги за них внесут на текущий счет бывших владельцев бр. Смирновых. Правление, конечно, от такой „сделки“ отказалось. Обратились после этого в московский продовольственный комитет, но там было сде-

лано дословно одинаковое заявление, как и в „Центротканн". После этого правление обратилось уже в рабочую группу продовольственного комитета, которая возглавлялась большевиком тов. Шефлером. После больших усилий с его стороны правление заключило сделку на продажу мануфактуры на сумму около 1.000.000 руб. и получило аванс в размере 400.000 руб.

После того, как финансовый вопрос был улажен, правление взялось за приобретение топлива и других материалов. Топлива на фабриках не имелось ни одного полена, и рабочие были вынуждены для отопления кухонных печей и казарм собирать каждую щепку, но нужно отдать им должное, что, несмотря на столь острый топливный кризис, ликинские рабочие сохранили все деревянные строения в полной сохранности. В получении топлива правлению так же чинили саботаж почти все учреждения, с которыми ему приходилось сталкиваться. Председатель правления т. Азарх в своих воспоминаниях пишет:

„Помню, как однажды меня, совместно с т. Морозкиным, выгнал из своего кабинета чрезвычайный уполномоченный по топливу, некто Ланин, угрожая применить к нам вооруженную силу. Выйдя от него, т. Морозкин схватился за голову и сказал: „жаль, что со мной нет моего нагана, я бы его застрелил". Впоследствии нам передавали, что этот самый Ланин был расстрелян за взяточничество".

Новое правление перебивалось с топливом все время, и нужда в топливе иногда доходила до того, что приходилось останавливать на 2—3 недели фабрику, и часть правления совместно с рабочими выходила на заготовку дров в близлежащих делянках. Особенно сильный саботаж проявляли начальники железнодорожных станций, при которых правлением покупалось топливо. На этих станциях никогда для Ликинской фабрики не оказывалось вагонов, тогда как для частно-владельческих фабрик, имевших годовые запасы топлива, вагоны были всегда в изобилии.

И все-таки фабрика заработала.

Ликинская мануфактура стала местом паломничества рабочих.

Однако, несмотря на все трудности, правлению удалось разрешить топливный вопрос настолько удачно, что 11-го декабря 1917 года, т. е. меньше чем через 3 недели после того, как новое правление приступило к работе, была пущена красильно-отделочная фабрика, а почти через неделю, т. е. 19-го декабря, были пущены прядильная и ткацкая фабрики и, таким образом, предприятие заработало полным ходом.

Снабжение фабрик сырьем и вспомогательными материалами давалось новому правлению хотя и с меньшими затруднениями, чем топливо, но все же и здесь встречались препятствия. Хлопком фабрика была обеспечена свыше чем на 3 месяца, но уже в первые дни работы нового правления стало известно, что прежние владельцы фабрики аннулировали через хлопковый комитет все сделки на хлопок, заключенные ими с хлопковыми фирмами. Таким образом, перед фабрикой встала угроза после 2—3-месячной работы остаться без хлопка. Хлопковые фирмы, на предложение нового правления заключить сделку на поставку хлопка, никакого ответа не дали, и только потом удалось закупить у одной из фирм вначале 13 и потом еще 75 вагонов хлопка. В дальнейшем руководство работой хлопкового комитета было взято большевиками, и сделки на хлопок прежних владельцев были восстановлены. Поэтому фабрика начала получать хлопок в плановом порядке. Снабжение вспомогательными материалами налаживалось также очень туго. Правлению не хотели вначале продавать даже за деньги, но мало-по-малу дело наладилось, и работа пошла более гладко.

Труднее было разрешить продовольственный вопрос. В харчевой лавке фабрики к моменту прихода правления рабочих не оказалось ни одного фунта муки, но и это затруднение удалось благополучно изжить, благодаря организованности ликинцев. Рабочие выбирали из своей среды доверенных, которые выезжали, по указанию правления, в те места, где можно было достать продовольствие. Благодаря этой самодеятельности рабочих, продовольственный вопрос удалось изжить настолько удачно, что в то время как на соседних фабриках ощущался острый продовольственный кризис, в Ликине выдавали почти весь год по одному пуду муки на каждого едока в месяц. Кроме того, в первые недели после национализации фабрики правление получило в обмен на мануфактуру 8 вагонов подсолнечного масла, а затем были куплены 2 вагона сахару. Все же прочие продукты, как то: сельди, рыба, мясо, капуста и прочее, имелись на фабрике в достаточном количестве. Чтобы поставить в лучшие условия питание детей, правлением ф-ки была организована детская столовая, где отпускалось ежедневно около 800 обедов. Средства на существование этой столовой частью отпускались правлением, а частью получались путем отчислений от зарплаты рабочих.

Для поддержания трудовой дисциплины на фабрике фабричными организациями был выработан целый ряд правил и определены меры взыскания за нарушение их. Эти правила строго соблюдались и поддерживались самими рабочими. Как на пример, можно указать случай, описанный в воспоминаниях товарища Азарха.

„Хищения карались безусловным увольнением с фабрики. Мне лично пришлось присутствовать на заседании фабкома при разборе одного дела о хищении. Нужно сказать, что заседания фабкома были центром фабричной жизни. Они были всегда открыты, и на них присутствовало всегда очень много рабочих и работниц. Так вот на одном из таких собраний разбирался вопрос о хищении одним рабочим картофельного крахмала, который он пытался унести в чайнике, но был уличен самими же рабочими и представлен в фабком. Надо было видеть гнев присутствующих рабочих, чтобы понять, насколько ликинцы научились ценить их общее достояние—фабрики. Всякого виновного в хищении они рассматривали, как своего врага, позорящего весь их коллектив. В таком именно смысле и высказывались присутствующие рабочие и работницы. Ни одного слова сочувствия виновный не встретил и был с позором изгнан из предприятия“.

При таких условиях дисциплины и классового самосознания рабочих фабрика работала образцово, и производительность труда превысила производительность 1916 года.

Блестящий результат работы и состояния фабрики не могли остаться незамеченными для значительной части рабочего класса других предприятий, и Ликинская фабрика стала местом паломничества делегаций и ходоков целого ряда ф-к и заводов различных отраслей промышленности. Они приходили посмотреть, как ликинцы работают „без хозяина“. Они тщательно знакомились с состоянием продовольственного вопроса, расспрашивали рабочих о том, как им живется, знакомились с ходом производства, осматривали склады сырья и вспомогательных материалов и, уезжая, неизменно заявляли, что они убедились в том, что ликинцы очень хорошо обходятся без фабриканта, и что, по приезде домой, не будут бояться взять фабрики и заводы в свои руки.

В декабре месяце 1917 года между московским областным профессиональным союзом текстильщиков и текстильными фабрикантами разгорелась ожесточенная борьба, заключавшаяся в том, что предприниматели не соглашались признать минимум заработной платы, установленный профсоюзом. Принимая во внимание, что профсоюз тогда никакой реальной силы не имел, эта борьба была для него почти безнадежна. Фабриканты не соглашались выплачивать получку по новым ставкам, и рабочие, боясь остаться без денег перед наступавшими рождественскими праздниками, начали кое-где итти на уступки и получать получку или по старым ставкам, или готовым товаром, что вызывало понижение цен на эти товары в районах фабрики. Это также понижало реальный заработок рабочего и вносило разложение в рабочую среду. На помощь профсоюзу в этот критический момент пришло рабочее правление Ликинской фабрики. Были приняты следующие меры: когда в профсоюз рабочие каких-либо текстильных фабрик обращались с жа-

лобой на то, что предприниматель не соглашается на выплату зарплаты по новым ставкам, то эти рабочие направлялись в ликинское правление. Здесь им давалось письменное распоряжение, согласно которому они должны были вывезти весь имеющийся у них на складах готовый товар в Ликино, за что ликинское правление обязывалось им выплачивать получку по новым ставкам. Эти письменные распоряжения производили магическое действие на фабрикантов, и они, в большинстве случаев, не только соглашались немедленно на выплату новых ставок, но и возмещали стоимость подвод, нанятых для перевозки товаров, лишь бы не допустить их вывозки. На тех же фабриках, где вывоз товаров был допущен, правление Ликинской фабрики мобилизовало все свои и профсоюзные средства и общими усилиями выплачивало рабочим получку. После этого письменные распоряжения о вывозе товара получали еще большую силу, и сопротивление фабрикантов было таким образом сломлено. Мало этого, правление Ликинской фабрики начало пользоваться такой популярностью, что текстильщики, при столкновении со своими фабрикантами, всегда им заявляли, что они поступят с ними также, как ликинцы поступили со своими хозяевами. Были случаи, когда в Ликино обращались рабочие из других областей промышленности. Так, понадобилась помощь рабочим пуговичной фабрики Ронталера, но этот момент совпал с финансовыми затруднениями ликинского правления — оно должно было выдавать получку своим рабочим, и поэтому вопрос встал так: или дать получку ликинцам, или же, отложив ее, помочь рабочим-пуговичникам. Созвали общее собрание рабочих, доложили им о положении рабочих фабрики Ронталера и спросили, как быть. Все выступавшие высказывались за оказание помощи рабочим Ронталера, и при голосовании не было ни одного голоса против оказания этой помощи.

Классовая злоба буржуазии.

Все это, конечно, вызывало враждебное отношение к ликинскому правлению со стороны промышленников. Они не только обливали грязью ликинское правление в печати, которая тогда находилась еще в их руках, но начали поступать в правление сведения о том, что на него готовится вооруженное нападение. Несколько месяцев правление в своем помещении на Ильинке работало под охраной красногвардейцев.

Но если буржуазия наступала на правление открыто, то прихвостни ее — меньшевики — старались развалить работу первой национализированной фабрики исподволь. И вот, чтобы спасти для министра Временного правительства Смир-

нова принадлежащее ему предприятие, меньшевики, в лице зам. председателя московского заводского совещания гр-на Вейцмана, внесли в президиум Моссовета срочное предложение о замене национализации фабрик секвестром *). Это предложение было размножено и распространено по фабрикам в громадном количестве. К этому прибавился подкуп и спаивание отдельных групп и лиц, а все это, вместе взятое, привело к открытому выступлению, главным образом, прежних служащих Смирнова с требованием аннулирования национализации и проведения секвестра фабрики. Было созвано без разрешения фабзавкома общее собрание, где пытались провести подтверждение этого требования. Однако, получить это не удалось, но вынесено было решение о немедленном разделе всех запасов продовольствия, но ликинский совет не растерялся, он срочно снесся с местными властями, на ф-ке было введено военное положение, и конфликт был вскоре полностью ликвидирован.

Служащие фабрик, вообще, были настроены против правления. Так, тов. Азарх в своих воспоминаниях приводит один документ, который с достаточной яркостью говорит о тогдашних настроениях служащих. Этот документ таков:

ЗАЯВЛЕНИЕ В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ КОМИТЕТ.

Мы, нижеподписавшиеся, медицинский и педагогический персонал ф-ки, не принимающие активного участия в политической борьбе страны, не желая оставить местное население без медицинской помощи и школьного обучения, постановили остаться работать на фабрике Российской республики, хотя и не сочувствуем акту конфискации фабрики в данный момент, когда близок день созыва Учредительного собрания. Ноября, 23-го дня, 1917 года.

Следуют подписи.

Пролетарское хозяйствование целиком себя оправдало.

И без Смирнова фабрика стала давать огромную прибыль.

Не в карман Смирнова, а на улучшение рабочего быта и в пролетарскую казну.

Помимо налаживания работы чисто-производственного характера, правлением Ликинской фабрики был предпринят также ряд мер по улучшению бытовых условий жизни ра-

---

*) *Секвестр предприятия означает передачу его под контроль государства, т. е. создание управления из представителей государства и владельцев, причем предприятие остается собственностью владельца.*

бочих. Было приступлено к приспособлению под жилье старого фабричного корпуса и других пустующих помещений, чтобы хоть отчасти ослабить остроту жилищного кризиса. Было приступлено к сооружению детских яслей, которые были рассчитаны на все детское население до 3-хлетнего возраста. Штаты медицинского персонала больницы были значительно расширены. Фабричная баня была переоборудована и расширена. Канализация фабрик была восстановлена и отремонтирована. Программа занятий школы была переработана, и кабинеты школы были снабжены новейшими пособиями. Был оборудован собственный театр, устроена библиотека-читальня, приглашен инструктор для драмкружка и организованы курсы по поднятию квалификации рабочих.

Но, несмотря на крупные расходы, финансовые результаты работы нового правления были весьма удовлетворительны. Так, чистая прибыль за первые 7 месяцев работы выразилась в сумме 10.654.014 рублей 89 коп., тогда как правление выплатило $^2/_3$ заработной платы рабочим и служащим за 4 месяца простоя фабрики до ее национализации. К моменту первой годовщины национализации фабрика имела на текущем счету в Госбанке около 5.000.000 рублей. Топливо на фабриках на торфяных болотах и в лесных делянках имелось в размере годового запаса. Вспомогательных материалов имелся полугодовой запас, и хлопок получался в плановом порядке.

Проработали год и справили первую годовщину национализации фабрики. На этом собрании присутствовали не только представители организаций, принимавших участие в национализации Ликинской фабрики, но и делегаты от тех фабрик и заводов, рабочим которых ликинцы оказали материальную поддержку в период их борьбы с владельцами фабрик. После доклада о работе правления общее собрание единогласно постановило ходатайствовать об отчислении из прибыли 1.000.000 рублей в фонд создания рабочего дома, 100.000 рублей на расширение библиотеки, 700.000 рублей в фонд создания единой трудовой школы и по 100.000 руб. на технические курсы и обучение взрослых. На этом же собрании была об'явлена амнистия рабочим и служащим, уволенным с фабрики со времени пуска за какие-либо проступки, кроме краж. Всем рабочим было выдано по 5 аршин мануфактуры на каждого. Но, празднуя эту годовщину, ликинцы не чувствовали надвигавшейся беды.

Дело в том, что не только фабриканты точили зубы на национализированную Ликинскую фабрику, но и со стороны ассоциации инженеров отношение к ней было недоброжелательное. Это сказалось еще в декабре 1917 года, когда союз инженеров Орехово-Зуевского района предложил своему члену, техническому директору Ликинской фабрики, инженеру

Иванову, покинуть службу на фабрике после ее национализации, и когда тот отказался выполнить это решение, он был исключен из союза инженеров. И вот теперь, в конце 1918 года, когда запасы топлива и хлопка для всей текстильной промышленности начали уменьшаться, при Центротекстиле была образована комиссия, которой было поручено обследовать все фабрики и подразделить их, в зависимости от оборудования и успешности в работе, на 3 категории. Надо ли говорить, что Ликинская фабрика оказалась в 3-ей категории и подлежала немедленному закрытию, и только после больших трудов, по настоянию союза текстильщиков, удалось установить, что Ликинская фабрика находится в блестящем состоянии. Тогда она была переведена в 1-ую категорию и продолжала работать. Но на этом дело не кончилось. После того как было образовано орехово-зуевское групповое правление и во главе его был поставлен инженер Федотов, вдруг было вынесено постановление о закрытии Ликинской фабрики, причем мотивы были таковы: нет запаса топлива, недостаток хлопка, красок и т. д. Правление решило закрыть фабрику на неопределенный срок и вывезти имеющиеся запасы сырья, вспомогательных материалов и всего прочего, вплоть до снятия приводных ремней. Таким образом, цветущее и полное революционного энтузиазма предприятие превращалось в труп. Правление фабрики, не медля ни минуты, обратилось тогда в центральный комитет союза текстильщиков и в заявлении своем указало действительное положение фабрики. В ответ на это на следующий же день ЦК союза дал следующий ответ:

Москва, 20 марта, 1919 г.
В фабричный к-т Ликинской м-ры.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Заслушав заявление профессионального союза, исполнит. комит. правительственного правления Ликинской м-ры об угрожающей ф-ке приостановке, центральн. комитет всерос. союза текстильщиков, учитывая ту огромную роль, какую сыграло ваше предприятие в деле нашего социалистического строительства, а также настоящее положение фабрики в техническом отношении в области снабжения, постановил принять все меры к недопущению приостановки работ и к оказанию содействия к дальнейшей плодотворной работе ф-ки.

Председатель (подпись).
Управделами (подпись).

Таким образом, при помощи центрального комитета ликинским рабочим удалось отвратить надвигавшуюся-было беду.

На этом заканчивается борьба ликинских рабочих против саботажа фабриканта Смирнова и борьба за существование первой национализированной фабрики. Предсказания

о том, что рабочие не справятся с управлением фабрикой, что она через 2 недели остановится,—не сбылись. Ликинцы совместно со своим правлением прекрасно выполнили задачу труднейшего характера—управления национализированным предприятием. Они не только сохранили фабрику, не только дали заработок самим себе, но и дали значительную прибыль государству. Фабриканты Смирновы ошиблись в своих расчетах.

Рошаль *).

Часть седьмая.

Медвежий уголок стал рабочим центром.

Братья Н. и К. Костеревы славились на всю Русь тем, что вырабатывали на своем заводе лучшую винную бутылку. В Покровском же уезде, Владимирской губернии, это было крупнейшие лесовладельцы. На десятки верст—от реки Клязьмы до границы Рязанской губернии—тянутся леса и болота, единственными и безраздельными владельцами которых были Костеревы. После смерти Костеревых стекольный завод и громадные лесные и земельные площади по наследству достались Блинову, барину, не любившему провинцию, приезжавшему в свои владения только „отдохнуть“ от шума городского с ватагой таких же, как он, „прожигателей жизни“. Рабочие Мишеронского завода помнят его как щедрого барина, только потому, что любил он очень, набрав мешок мелкой серебряной монеты, бросать ее ребятишкам из кареты, проезжая мимо по улицам поселка.

На самом краю именья Костеревых, в самой глуши, звавшейся „Крестов брод“, стоял лесопильный завод. Страшно было жить в дремучем лесу вдалеке от деревень. Зимой были волки, а иногда единственный домишко навещали медведи, наводя ужас на обитателей его.

Может быть, и не было-б Рошаля, если-б „барыня“—жена Блинова в один прекрасный момент не проигралась и не в'ехала в долги. „Карточный долг—долг чести“, и отсюда ведет свою историю возникновение Рошаля. Чтоб покрыть долг своей супруги, Блинов ищет хорошего покупателя на леса и земельные угодья. В 1913—14 г.г., когда начинает готовиться мировая бойня, акционерному обществу

---

*) *Город назван по имени одного из французских революционеров-матросов.*

II. В. Барановского казна дает заказ строить большой завод. О-во поручило подыскание места одному из своих представителей, некоему Джумайло. Джумайло—родственник или хороший и близкий знакомый Блинова.

„На ловца и зверь бежит“,—и сделка заключена: долг барина покрыт, и задание о-ва выполнено. Специальная комиссия выехала на место, пропьянствовала в барском доме сколько нужно и определила, что лучшего места для завода не найти: топливо—торф под рукой, хватит не меньше чем на 40 лет; протекающая речка снабдит полностью производство водой, унесет отходы и т. д. Уж не так важно, раз завод строился на „казну“ (наверное, и представители казны „погрели“ руки у этого костра), что завод пришлось топить нефтью, а не торфом, так как, несмотря на все попытки, впоследствии больших и пригородных торфяных залежей не оказалось, не важно, что речка Воймига совершенно пересыхает, как только сойдет полая вода, и тогда в ней ребенку не покупаться. Акц. о-во сдало постройку завода строительной конторе инженера Гонцкевича.

В темном лесу застучали топоры, запели пилы.

В 1914 году потянулась в леса и болота рабочая рать, застучали топоры, запели пилы, и там, где бродили волки и и медведи и тишину лесов нарушал только их вой, протянулись железные струны узкоколейки, появилась станция „Бездымная“ и уперлась другим концом рельс в Московско-Казанскую жел. дор. на ст. Черусти.

Плохо жилось рабочим на постройках В грязных, наскоро сколоченных бараках, на нарах, где кишели тысячи насекомых, проводили рабочие свое время отдыха—почь, работая от зари до зари. Питались „чем бог послал“ или тут же, на нарах, продуктами из харчевой лавки Гонцкевича, или в харчевне мелкого купчика, неизменного спутника всякой капиталистической затеи. Гонцкевич использовал свое положение монополиста-работодателя в отношении местного крестьянства: платил мало, работали от 12-ти до 14-ти часов и т. д. Единственным „культурным“ развлечением, предоставляемым предпринимателем для рабочих, были молебны, устраиваемые по всякому поводу. Вполне естественно, что при таких условиях жизни пьянство было прямым спутником рабочих. Пили самогонку, так как вино уже было запрещено. В самый разгар постройки завода грянула война, а потому темп работ был еще более усилен, а вместе с тем эксплоатация утроилась, так как капиталист воспользовался против рабочих правом освобождать от военной службы нужных ему рабочих.

В 1916 г. с осени из прессов полезли первые ленты (завод начал работать).

По окончании постройки завода рабочим у акц. о-ва Барановского жилось не лучше. 100 домиков по 3 квартиры построило акц. о-во для рабочих, в которых теснота была немногим меньшая, чем в бараках. Холостяки же так и остались в бараках Гонцкевича. Не заботясь об условиях существования рабочих, о-во широко размещало специалистов и вообще служащий народ. На определенном расстоянии от рабочего поселка, за речкой, был построен поселок администрации, где жилая площадь превосходила намного общую площадь рабочего поселка и квартиры построены со всеми удобствами. 25—?0 рублей—вот обычный заработок среднего рабочего в 1916 году.

Как здесь встретили революцию.

Февральская революция на заводе была встречена с большим под'емом. В недостроенном доме администрации, в большом зале битком набились рабочие и служащие и слушали с замиранием выступавших, одного за другим, ораторов. Много речей произнесено было с первой трибуны—цементной бочки; люди слушали стоя и не хотели расходиться. Приветствовали и провожали овациями всех: и меньшевика с эс-эром, кричавших о войне до победного конца, и большевика, призывавшего сплотить свои ряды вокруг с.-д. большевиков, и солдата, грозившего разбить вдребезги „мировую гидру“, и даже генерала, рассказывавшего о Пуришкевиче, воткнувшем красную гвоздику в разрез брюк, и т. д. Полиция была разоружена, и часть ее (головка) отправлена в Москву. Была организована красная гвардия почти исключительно из рабочих, и первым начальником красной гвардии был рабочий-большевик. Митинги собирались по нескольку раз в неделю и обсуждали единственный вопрос—текущий момент.

Связь с центром (Москвой) была более или менее удовлетворительной, но ход событий на митингах ораторами от различных партий освещался каждым по-своему. Легенда о Ленине, привезенном в запломбированном вагоне, быстро распространялась досужими умами, и рабочие косо поглядывали на большевиков; обструкции большевистским ораторам на собраниях, устраиваемые представителями других партий (в особенности эс-эров), дополняли впечатление. Но в речах рабочих-большевиков масса чувствовала какую-то правоту, в которой разобраться еще не умела. Особенно трудно приходилось большевикам после поражения июльского восстания в Питере. Большевиков тогда тащили с трибуны, улюлюкали и т. д., но они упорно продолжали свое дело и ука-

зывали рабочим на их настоящих врагов. В „исполнительном комитете“ сидели тогда представители реакции: председателем его был управляющий делами завода (юрист по образованию) А. С. Давыдов, называвший себя интернационалистом-меньшевиком, по существу стремившийся сколотить вокруг себя группу людей, стоящих на защите интересов акц. общества. Рабочая группа от совета рабочих и солдатских депутатов в исполнительном комитете была представлена почти одними большевиками, но они, естественно, всегда оставались в меньшинстве и проводить свою линию старались на митингах. Факт открытой борьбы рабочих с предпринимателями (стачка) с достаточной убедительностью показал рабочим, кто их друзья и кто враги, и после этого настроение резко переменилось в пользу большевиков.

Стачка.

Тайное голосование.

Рабочие на стороне большевиков.

Стачка возникла в конце сентября 1917 года из-за заработной платы и продолжалась целый месяц. Стачечный комитет состоял в подавляющем большинстве из рабочих, но революционное руководство в нем обеспечено не было. Наоборот, во главе стачечного комитета стоял служащий эс-эр. Стачка проходила все же организованно. На первом общем собрании забастовщиков был выработан целый ряд требований, которые потом и были пред'явлены акционерному обществу. Основными требованиями были: увеличение заработной платы и улучшение жилищных условий (перевести всех из бараков и увеличить площадь на 1 человека). Акц. о-во, имея заказ от Временного правительства и не желая подвергаться риску невыполнения его, сразу пошло на частичные уступки: незначительное повышение зарплаты (меньше, чем требовали рабочие) и обещание построить бараки лучшего типа. Умеренные элементы в составе стачечного комитета, в том числе и рабочие, заколебались, но вопроса не решили, а перенесли предложение акц. о-ва на обсуждение общего собрания рабочих и служащих. Несмотря на уговоры представителей о-ва (что сделали, мол, все возможное), несмотря на колебания некоторых представителей рабочих в стачечном комитете и несмотря на полное желание со стороны всех служащих завода прекратить забастовку, общее собрание, под влиянием ораторов-большевиков и их предварительной агитации в цехах, подавляющим большинством решило забастовку продолжать, добиваясь полностью удовлетворения своих требований, и избрало специальную

делегацию в Питер для переговоров с правлением акц. о-ва. Даже постановление о посылке делегации было принято с большой натяжкой; так по-боевому были настроены массы. Делегация с'ездила в Петроград; акц. о-вом снова были сделаны некоторые уступки. После этого колеблющийся элемент встал твердо на необходимости окончания забастовки, в результате чего последовало решение стачечного комитета о прекращении забастовки. Большевики же не удовлетворились этим решением и потребовали тайного голосования всех трудящихся. Требование большевиков было принято, так как руководители стачкома и исполнительного комитета были уверены, что большинство работающих подаст свои голоса за прекращение стачки. В народном доме проводилась лихорадочная работа по подготовке урн, билетиков, а представители всех партий старались подготавливать массы к голосованию. Особенно старался союз служащих, целиком стоявший за окончание забастовки. В день голосования народный дом был набит до отказа. Вначале произносились речи больше всего за прекращение забастовки; большевикам почти не давали говорить. Собрание закончилось. Много рабочих прошло мимо урн, не опустив своего „голоса" в них. Обижены были, что большевики мало сказали (им не давали), и отнеслись пассивно к голосованию вследствие неуверенности в возможности больших уступок со стороны акц. о-ва. Служащие же дружно подали голоса в правый ящик (за прекращение). При пассивном отношении рабочих и большой активности всех служащих дело могло решиться определенно в пользу прекращения забастовки.

Видя, что положение осложняется, несколько большевиков вместе с активными рабочими решили исправить его, хотя и не совсем парламентским способом, но зато очень действительным: взяли урны, когда голосование подходило к концу, и разбили. Таким образом, вопрос остался перешенным. У представителей администрации завода были, видимо, полномочия от о ва на дальнейшие уступки забастовщикам, так как после описанного случая немедленно поступило предложение администрации о ликвидации забастовки на следующих условиях: акц. о-во полностью удовлетворяет требования рабочих о размерах повышения заработной платы и принимает все меры к улучшению жилищного вопроса. На этом забастовка была прекращена, окончившись, по существу, полной победой рабочих.

Рабочие выиграли сражение исключительно благодаря твердости и решительности местной группы большевиков, и с этого момента отношение рабочих масс к большевикам резко изменилось в лучшую сторону, и влияние РСДРП(б) на рабочих было вполне обеспечено и на все будущее время.

Во время забастовки имел место чрезвычайно характерный случай: акц. о-во, опасаясь за цельность завода во время забастовки, выслало в качестве „охраны“ целую роту солдат, имея в виду произвести этим на рабочих подавляющее впечатление и вынудить их встать на работу.

Однако, по приезде на завод командир роты оказался сочувствующим большевикам; потолковав с отдельными т.т., он решил, что им на заводе делать нечего, и вместе с ротой отправился обратно.

Победа большевиков в Петрограде и Москве нашла горячую поддержку в сердцах рошальцев, и судьба противников советов на заводе тем самым была решена.

Борьба за завод.

„Шумовым оркестром“ провожали директора.

Наиболее трудным и сложным для завода был вопрос о его принадлежности тому или иному ведомству. Завод переживал много трудных моментов: десятки раз останавливался и вновь пускался, переходил с одного вида топлива на другой, испытывал недостаток в сырье и полупродуктах и т. д.

Первым актом со стороны рабочих после революции было административное выселение директора завода Карасева, явного реакционера и монархиста. Весело провожали директора. В хороший солнечный день собралась большая толпа около квартиры. На лошади отправиться к поезду директору не дали, пришлось итти пешком. И только вышел Карасев из дома, как был встречен звоном в сковороды, ведра, самоварные трубы и проч. домашнюю утварь, что по-звончей. Этот „шумовой оркестр“ дополнялся свистом, криками: „душегуб, кровопийца, буржуй проклятый, людоед“ и прочими „ласковыми“ словами. Были попытки со стороны отдельных присутствующих при проводах пустить камнем в рослую фигуру директора, шедшего к станции с опущенной головой. Со стороны наиболее сознательных рабочих этим попыткам было оказано сопротивление, и дело обошлось без крови. Проводы эти были исключительно стихийными. Никто из большевиков на них не присутствовал, но, тем не менее, они полностью отразили ту ненависть к классу эксплоататоров, матерым представителем коих был Карасев, которую накопили в себе массы. Второй наиболее насоливший рабочим представитель о-ва, юрист Давыдов, сам благоразумно уехал почью, не желая получить удовольствия «карасевских переживаний».

Деятельность „Цюкепзала“.

Взамен Карасева у руля заводского управления акц. о-вом была поставлена коллегия из 3-х лиц: 2-х инженеров Цюрупы Г. (электрик), Кептена (химик) и 1 бухгалтера Заломова. Все потом звали эту коллегию сокращенно: „Цюкепзал“. Все трое были молодыми, второстепенными людьми в управлении заводом, но зато обладали качеством хороших болтунов. В момент, когда буржуазия всячески саботировала в производстве, лучшей тройки, как „Цюкепзал“, и придумать было трудно. Завод начал работать с перебоями. И даже такой работе он был обязан исключительным усилиям со стороны завкома и его „рабочего контроля“, которые всячески препятствовали саботажу заводоуправления и принимали меры к изысканию топлива, сырья и полуфабрикатов. Правительство Керенского не в состоянии было заставить общество работать, так как в солидность и платежеспособность этого правительства, видимо, не верила и сама буржуазия. О-во в это время было больше всего занято размещением и спасением своих акций и капиталов.

После Октябрьской революции саботаж еще более усилился. Присланный из центра „правительственный комиссар“ т. Зарх, И. М., не мог, при всем старании, преодолеть саботажа „Цюкепзала“. Заключение брестского мира и даже разговоры о нем сами по себе решали судьбу завода. Уже в декабре 1917 г. со стороны о-ва ставится вопрос о закрытии завода и расчете рабочих После долгого обсуждения этого вопроса все местные организации приходят к заключению, выраженному в наказе (постановление пленума совета от 4/1—1918 года) делегации, командированной в Москву:

НАКАЗ ДЕЛЕГАЦИИ.

1) Делегация должна энергично настаивать во всех учреждениях правительства народных комиссаров на продолжении работ и незакрытии завода.

2) В случае закрытия завода пред'явить акц. о-ву Барановского следующие категорические требования:

а) в виду сокращения производства завода всем получающим расчет акц. о-во Барановского должно уплатить за три месяца вперед и считать увольнение со дня выплаты всех денег расчитанным;

б) всем семьям военнообязанных, взятых в ряды войск, акц. о-во Барановского должно выплачивать в половинном размере их жалованья, а равно и предоставить им пользование квартирой, отоплением и освещением до возвращения их;

в) все уволенные рабочие и служащие должны пользоваться занимаемыми квартирами, отоплением и освещением до приискания работы.

Рабочие отдельными группами не имеют права соглашаться с администрацией о расчете и вознаграждении вперед по увольнении.

Конечно, отстоять необходимость пуска завода не удалось. На совместном совещании делегации рабочих с представителями акц. о-ва в лице директора-распорядителя Л. Б. Красина и зам. его В. А. Семчевского все требования „наказа“ о-вом были приняты, с тем исключением, что установлена выдача вперед не за 3, а за 2 месяца.

После от'езда делегации для переговоров с акц. о-вом на общем собрании рабочих по докладу о деятельности правительства принимается решение, характеризующее настроение рабочих:

РЕЗОЛЮЦИЯ.

1) Приветствуем власть совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2) Выражаем полную поддержку нашим народным комиссарам.

3) Приветствуем 3-й с'езд С. Р. С. и К. Д.

4) Так как земля перешла к трудовому народу, поэтому требуем перехода: домов, фабрик, заводов, железных дорог и всех имуществ, принадлежащих буржуазии, для всеобщего пользования народа Российской республики.

5) Требуем беспощадной борьбы с соглашателями-саботажниками, которых стремимся с корнем уничтожить, а также и их потомство.

И кроме того:

СЛУШАЛИ: Заявление М. Гальберга: если о-во Барановских не согласится на дальнейшую работу в заводе, то мы должны об'явить имущество Барановского народным достоянием.

ПОСТАНОВИЛИ: Предложение М. Гальберга принято единогласно, о чем и сообщить телеграммой правлению Барановского.

Телеграмма была послана, и несмотря на то, что полномочная делегация дала 12/X—18 г. согласие обществу на закрытие завода, местные организации, получив полную поддержку от рабочих, ведут работу по национализации: требование отчетов от дирекции завода, арест на сырье и т. д.

Такое положение страшно встревожило акц. о-во, которое обращается в центральные правительственные органы за тем, чтобы они воздействовали на местные организации. В результате стараний о-ва—совдепом была получена от НКТ телеграмма:

Из Петрограда 17/II—1918 г.

Совдепу—Заводу.

Национализировать предприятия может только центральная власть страны. Предполагаемый переход предприятия к государству не может быть вами совершен. Расхищение-же инвентаря и имущества и самовольная выемка денег совершенно недопустимы. № 1754.

Народный комиссар труда ШЛЯПНИКОВ.

Национализация завода.

„Пятерка“ и новое правление.

Завод усилиями рабочих пущен.

Телеграмма эта несколько охладила пыл местных организаций. В это же время над советским государством нависала со всей решительностью неизбежность гражданской войны, и такой завод, как наш, не мог остаться в руках частного общества 17/IV—1918 г. последовало решение правительства о национализации завода, и предложено было местным организациям организовать „пятерку“ по управлению заводом, что и было немедленно выполнено.

Упомянутое выше „дергание“ завода в некоторой степени дезорганизовало рабочих, ослабило производственную дисциплину. Рабочей „пятерке“, не имевшей опыта управления, трудно было восстановить порядок и приготовить завод к пуску. Громадные запасы спирта могли превратиться из положительного явления (наличие полуфабриката) в прямо отрицательное в смысле развития пьянства среди рабочих. Поэтому, по существу, первым мероприятием рабочей «пятерки» было решение о выпуске 25.000 ведер спирта в речку. Это решение было санкционировано в Москве и выполнено

К осени 1918 г. встал снова вопрос о необходимости пуска завода, уже по инициативе центрального правительства. Представители совдепа, завкома и «главарь пятерки» Зарх в сентябре 1918 г. были вызваны к Я. М. Свердлову. Он в продолжительной беседе выяснил все недостатки завода, указал на неисправность некоторых действий «пятерки», установил слабость Зарха, как руководителя, и сообщил делегации, что на завод будет назначено новое правление, которому дается задание в самый короткий срок пустить завод. Новое правление, состоявшее из председателя-специалиста Юркевича, заместителя Косякова (рабочего-коммуниста) и члена Десятникова (тоже рабочего) прибыло в октябре 1918 г. и приняло дела от рабочей «пятерки».

Основным затруднением для пуска завода было отсутствие топлива: запасы нефти сожгли, новой не поступало. Топки были переложены на дровяное топливо, но и в таковом ощущался крайний недостаток, так как крестьянство не хотело за дешевую плату заготавливать и подвозить дрова. Несмотря на большую агитационную работу среди крестьян, они все-таки не хотели ехать. Силами же одних рабочих, при всем их энтузиазме, многого сделать было нельзя. Тогда правительство издало специальное постановление, обязывавшее в порядке трудгужповинности населения свыше 40 деревень, заготовить и подвезти к заводу топливо. Мобилиза-

ция прошла успешно благодаря тому, что члены ячейки ВКП(б) были в самых ответственных местах работ в качестве рядовых пильщиков, резчиков, работали по колено и выше в холодной воде (дело было к весне 1919 г.). Одновременно с неимоверными усилиями, направленными к пуску завода, большевистской ячейке приходилось заботиться о продовольствии рабочим, об охране ж.-д. мостов на М.-К. ж. д. от наступающих чехо-словаков и т. д. И со всеми трудностями рабочие под руководством ВКП(б) справились, завод пустили, фронту помогли. Много трудов было положено рабочими на сохранение завода и тогда, когда внутренняя контр-революция подбиралась к наиболее важным пунктам революции с «красным петухом».

Пожары летом 1920 года вокруг завода приняли такие размеры, что опасность взлететь на воздух висела над рабочим населением каждую минуту. Не смыкая глаз по десятку ночей, рабочие побороли и этого врага.

В настоящее время завод работает, производительность труда выше дореволюционной, качество совершенствуется. Пролетарии СССР могут быть уверены, что Рошальский завод, вынесший много испытаний, будет крепким орудием нашей мощи в руках пролетариата.

Председатели орехово-зуевского совета раб. кр. и кр. деп. различных созывов.

1) Ф. Д. Мочалин, 2) А. И. Липатов, 3) И. В. Бугров, 4) Ф. Г. Гордеев, 5) В. А. Барышников, 6) Ф. И. Козлов.

На фронтах гражданской войны.

Часть восьмая.

Снова в огне революции, снова на боевых постах.

К началу 1918 года орехово-зуевская организация ВКП(б) насчитывала в своих рядах 423 человека. В продолжение 1917 года в партию широко были открыты двери, и вновь вступавшие принимались без строгой проверки. Вот почему в тяжелый момент начала гражданской войны, трудностей продовольственного положения и партийных мобилизаций некоторые члены партии проявляли трусость и вносили разложение в организацию. После всестороннего обсуждения районный комитет постановил организацию считать распущенной. Для создания новой организации выделили трех товарищей: Бугрова И. В., Муравьева В. и Борисова И. Н.

После нового приема в организацию новый районный комитет повел усиленную подготовку к демонстрации в память павших на улицах Ленинграда 1905 года 9 января. В демонстрации участвовало более 20.000 рабочих.

Вскоре была получена телеграмма с требованием посылки партизанского отряда в распоряжение центрального штаба красной гвардии гор. Москвы. Нужно отметить: большая часть ореховских красногвардейцев, сражавшихся против контр-революционеров и юнкеров в октябрьские дни в Москве, после подавления контр-революции была оставлена для охраны Московского совета и, кроме того, несла обязанности по заданию Чека.

Когда на Дону выступил Каледин, ореховцы настойчиво просили штаб отправить их на Дон. Отряд был уже готов, и более 500 человек (исключительно партийцы) 12-го января были отправлены против Каледина, в том числе 5—6 женщин, в качестве санитарок-добровольцев. О настроении отряда лучше всего говорят вот эти коротенькие строчки из письма Каравая с дороги в ореховский партийный комитет:

„Приехали в Москву,—уже стемнело. Начальник красной гвардии и я отправились в штаб, остальные отправились на вокзал—кто пообедать, кто чаю попить. Через 2 часа весь отряд расположился в бывшем Александровском военном училище. Публика нервничает... Когда на Дон?.. В Москве задержались 3 дня. Нашему отряду было поручено произвести обыск в новом здании университета Шанявского и занять его. Обыском обнаружено в здании 5 юнкеров, готовивших плакаты: „Вся власть учредительному собранию“. Плакаты были нами разорваны, и здание нами занято“.

Или другое письмо:

„1-й красный отряд красной гвардии благополучно прибыл в Харьков 18/I и экстренно отправился в Никитовку и Лозовую. Через 2 дня в бой, все готовы и крепки духом“.

После отправки первого отряда красногвардейцев спешно сформировался второй отряд, который послан в Москву в феврале месяце.

Для материальной поддержки красногвардейцев районный комитет РКП(б) организовал добровольное пожертвование. Несмотря на трудность экономического положения и безденежье, рабочие отдавали красной гвардии все, что могли отдать.

„Костлявая рука голода“ у горла орехово-зуевского рабочего.

За период империалистической войны продовольственные затруднения были настолько тяжелы, что рабочие потянулись в хлебородные места, оставляя производство. В Орехово-Зуеве, кроме общих условий, продовольственный вопрос усугубился еще и потому, что Орехово в 1917 году из Владимирской губ. перешло в Московскую: по этой причине Владимир ранее нового года прекратил снабжать Орехово продовольствием, а Москва зачислила только с января 1918 года, поэтому Орехово-Зуево осталось без продовольствия.

Злободневный вопрос—„хлеба нет“—ставился неоднократно на обсуждение С. Р. Д. и на общих собраниях рабочих. Принятые постановления рассылались во Владимир и Москву, в них звучала тревога. С 20-го декабря никаких продуктов не получалось, а 5 января 1918 года в продком отгружено и отправлено 5 вагонов овса (пришедший овес мололся на муку и выдавался рабочим). Поставлен был вопрос об обмене мануфактуры на продовольствие, для чего был организован при С. Р. Д. закупочный отдел. Рабочим в производстве в счет заработной платы выдавалась мануфактура, по установленным советом нормам.

В половине января муки для печения хлеба совершенно не было, не было и других продуктов питания. 15-го января общее собрание рабочих, созванное С. Р. Д., постановило: *„снять по несколько человек с каждого отдела фабрик в количестве 61 человека, снабдить документами и авансом по 300 рублей каждого и разослать в хлебородные районы для приобретения продуктов в счет распределения“.*

Положение было ужасное. Целый месяц в Орехово-Зуево не поступало ни одного пуда хлеба и других продуктов. Производительность труда, конечно, сильно понизилась. Рабочие уже ощущали настоящий голод; видя голодные страдания детей, родители бросали производство и уходили на поиски продуктов. Наряду с голодом Центроткань, забирая из ореховских складов мануфактуру, мало заботилась снабжать фабрики хлопком.

В зимнем театре 22 и 24-го января были созваны чрезвычайные собрания организаций, на которых постановили:

1) признать, что московский губпродком, пользуясь мануфактурой с морозовских фабрик, оставил рабочих без хлеба и других продуктов в течение целого месяца, благодаря чему создалось положение сплошного голода; 2) будучи застигнуты голодом в настоящий угрожающий момент, просим разрешить временно закупать по вольным ценам; 3) поручить комиссару по продовольствию принять все меры к скорейшему получению хлеба; 4) постановление от 22-го января о прекращении отпуска мануфактуры московскому губпродкому и Центроткани, а также интенданству, в случае неотпуска муки—признать правильным о чем поставить в известность Центроткань и хлопчато-бумажный отдел военно-промышленного комитета.

Постановление от 22 и 24-го января являлось криком всех партийных, советских и профессиональных организаций о надвигающейся опасности. Для освещения вопроса посылались представители в центральные учреждения, а 25 января на плепуме орехово-зуевского С. Р. Д постановили:

„Послать делегацию к командующему Московским военным округом тов. Муралову с просьбой о присылке муки в каком угодно количестве, послать делегацию в Моссовет с такой же просьбой и заявить: если совет не окажет скорой поддержки,

*то прислать своих представителей для об'яснения с рабочими массами, а также договориться об установлении контроля над правлениями фабрик Саввы и Викула Морозовых, находящимися в Москве; в случае их сопротивления принять решительные меры" *).*

Контр-революция за работой.

Вооруженное нападение на совет.

Злонамеренные люди, ненавистники советской власти, воспользовались моментом голода и всю несознательную часть рабочих восстановили против совета.

Однажды утром на фабриках Викула Морозова, подстрекаемые темными личностями, рабочие стали волноваться, стремясь прекратить работу и выступить к совету. В четвертом часу пополудни ткацкие фабрики В. Морозова, не останавливая паровой, прекратили работы и собрались около конторы. К ткачам присоединились рабочие прядильного отдела, руководимые Клейменым (с уголовным прошлым). Представители профсоюза текстильщиков Богатов, И. С. и Сельдяков пришли на место, чтобы осветить вопрос, волновавший рабочих. Вскоре от С. Р. Д. пришли Борисов, И. Н., и Степанов, но им сказать так ничего и не удалось.

Толпа кричала: „хлеба давайте, есть хотим!" Какой-то рабочий стащил с ящика Сельдякова, сам занял его место и закричал: „Товарищи! Наши выборные ничего для нас не делают, нас обманывают, их всех надо разогнать, а дело продовольствия передать ореховским купцам Штанникову, Пухову и Маслову, тогда и будет хлеб".

Сельдяков снова попытался уговорить рабочих не делать опасного шага, который выгоден только капиталистам, но не рабочим. Крики поднялись еще сильнее, требовали остановить фабрики. Вскоре викуловские рабочие пошли снимать рабочих с фабрик Саввы Морозова, однако, последние присоединиться не захотели, а в некоторых отделах даже выгнали пришедших.

Большая толпа рабочих направилась к помещению, занимаемому советом и городской управой. Подстрекаемая агентами купцов, толпа выкрикивала: „разогнать красную гвардию", „разоружить". В таком настроении подошли к совету. К толпе вышли т.т. Сальников и Борисов, но успокоить толпу не могли, она продолжала кричать: „Мы хотим есть, а вы не даете хлеба... Долой их! Давай сюда Барышникова! Давай сюда барина, мы с ним поговорим!".

К толпе вышел тов. Барышников. В этот момент один из толпы с насмешкой надел Барышникову шапку со

**) „Известия Орехово-Зуевского С. Р. Д.", № 52.*

словами: „Барин может простудиться“. Говорить ничего не дали, набросились бить. Барышников получил два—три тумака и скрылся с Сальниковым в совет. Толпа приступила к Борисову с требованием, чтобы он выдал оружие красногвардейцев. Кричали, что они пришли захватить и проверить кассу и делопризводство совета и управы. До крайности возбужденная толпа начала теснить и врываться в двери здания, разбивая окна, обшаривая столы и ящики. Во второй этаж пробраться не удалось, так как красная гвардия заняла все выходы, а находившиеся в здании члены исполкома совета с винтовками появились у окон верхнего этажа. Из толпы кричали, что сейчас будут стрелять из пулемета, и толпа отступила назад. Кто-то крикнул, что красногвардеец заколол штыком мальчика. Все эти выкрики были, конечно, неправдоподобны, с целью наэлектризовать массу и натравить на совет. Толпа, однако, оставалась пассивна и постепенно редела. Видя такое отношение толпы, кто то из „вожаков“ крикнул: „идем в комиссариат разоружать милицию“

В это время из совета сообщили в комиссариат, чтобы милиция и красная гвардия пришли на помощь осажденным. В никольском комиссариате находились два дежурных милиционера и помощник нач. милиции тов. Образцов, которые притти на помощь не смогли, так как толпа уже ворвалась в комиссариат. Бывшие милиционеры Розов и Касаткин, красногвардеец Колов и другие обратились к Образцову с требованием выдать оружие и, не получив ответа, быстро рассыпались по комиссариату, разоружили двух милиционеров, взломали комнату с вещественными доказательствами; находившийся спирт и самогонка были выпиты; затем вскрыли шкаф с винтовками и патронами, роздали винтовки и патроны, выстроились, и послышалась команда: „за мной, шагом марш“ (винтовок было взято около сотни). На Ленинской (Никольской) улице вооруженные громилы смешались с толпой любопытных рабочих, направились снова к совету, по дороге беспорядочно стреляли вверх, случайно ранили мальчика; толпа любопытных стала редеть. Войдя во двор совета, бунтовщики рассыпались цепью, а некоторые ползком подбирались ближе к совету. Со стороны атакующих по зданию совета было дано несколько выстрелов, не причинивших никому вреда.

Осажденные после этого дали несколько стройных залпов вверх через оконные рамы. Руководитель громил скомандовал: „в атаку!“, но вся банда рипулась со двора, бросая винтовки.

От совета они направились вторично к никольскому комиссариату, выпустили всех арестованных, а встретившегося Образцова посадили в арестное помещение, где уголовный преступник пытался штыком заколоть Образцова, но до этого другие не допустили.

Пьяная банда вторично встала в ряды, команду на себя взял уже прапорщик. Часть отряда пошла на ст. Орехово задерживать красногвардейские отряды, часть—в зуевский комиссариат, и часть—в ореховский комиссариат для производства обысков и арестов.

Однако, громилы не встретили поддержки со стороны морозовских рабочих и оставили свою погромную работу.

Вечером того же дня советом созвано было общее собрание рабочих, на котором присутствовало более 1.500 человек. Почти вся сцена театра была занята громилами. Тов. Марченков вел собрание, а когда он устал, заменил его Бугров. Марченков же пошел сообщить в совет, чтобы прислали красногвардейцев для производства арестов подозрительных лиц. Зачинщики—Голицин и Арбузов—пытались уйти из театра во время собрания, но были вместе с другими задержаны при содействии рабочих и временно заперты в подвале театра.

Общее собрание постановило: „Всех виновников погрома арестовать и принять самые суровые меры".

В ночь с 26 на 27 января было арестовано более 60 человек. Первые три дня арестованные содержались в комнате совета. По удостоверении личности и проверке их участия в погроме многие были освобождены, а виновные переведены в арестное помещение при комиссариате и привлечены к ответственности. Арбузов при переводе в арестное помещение пытался бежать и был убит пулей. Оружие у громил почти все было отобрано, а некоторые принесли сами.

Налаживается жизнь, крепнут революционные организации.

После перевыборов совета, на котором все ленинские предложения большевиков были приняты почти единогласно, партийный комитет разработал для исполкома проведение следующих вопросов в жизнь: об улучшении продовольствия, квартирный вопрос, улучшение школьного образования, урегулирование частной торговли, национализация торговли мануфактурой и пр. Для учета и реквизиции продуктов выделена была советом реквизиционная комиссия Все продукты и товары отпускались рабочим по карточкам. Распущен был союз домовладельцев, дома крупных купцов национализировались.

Несмотря на тяжелое положение в феврале 18-го года, орехово-зуевская организация об'единенцев-интернационалистов подала в комитет большевиков заявление с просьбой «весь состав организации включить в свои ряды и принять имеющиеся в организации деньги и литературу». Комитет

большевиков постановил, что каждый интернационалист будет приниматься персонально, на общих основаниях, согласно уставу партии.

На заседании управы 17-го февраля организовался закупочный аппарат для приобретения продуктов первой необходимости. Наряду с недостатком продовольствия ощущалась острая нужда в квартирах для рабочих. По заданию президиума совета, были осмотрены квартиры администрации фабрик: №№ 55, 57, 73, дом Бугрова, здание старой больницы и два дома Акимова на Новой Стройке, которые постановили подготовить под жилье рабочих.

В этот же день, 17/II, когда обсуждались советом вопросы продовольственный и квартирный, черное воронье столковалось и пошло с крестным ходом. В 11 часов дня из ореховской церкви вышел крестный ход; при выходе пели «Христос воскресе» (хотя до Пасхи было порядочно времени). Затем стали совершать пасхальную службу и раздавать брошюры против Совета Народных Комиссаров и всех советов. К шествию присоединились зуевские и с Исаака-озера монашки, прошли весь город, отслужили несколько молебнов. На последнем молебне протодиакон Северовостоков произнес речь, в которой говорил, что «раньше Россия была святая, а теперь большевики осквернили ее. Они захватили власть, наставили комиссаров и хотят уничтожить веру христианскую» *). После крестного хода были произведены обыски и аресты, в том числе и у «оратора» Северовостокова.

9-го января ликинский совет обсудил вопрос о контрреволюционных выступлениях темных личностей среди рабочих и крестьян с попытками собрать подписи на «разгром ликинского С. Р. Д. и передачу фабрики обратно в руки Смирнова». Ликинский совет просил мнения и поддержки орехово-зуевского совета. Заручившись поддержкой в Ликине арестовали группу лиц и отправили ее в распоряжение орехово-зуевского совета рабочих депутатов.

Эта контр-революционная вылазка совет не испугала. На заседании пленума 16-го февраля было избрано новое военное бюро из большевиков. Кроме того, были открыты курсы для подготовки инструкторов военного дела, вербовались новые красногвардейские отряды (а также и санитарки), которые посылались в распоряжение московского военного штаба, провели ряд партийных мобилизаций на фронты и в продотряды. Большевистская организация пополнилась новыми членами.

Районный комитет РКП(б) решил в пролетарский праздник 1-го мая сделать смотр пролетарских сил. На заседании исполкома 26-го апреля постановили:

---

*) *„Известия Орехово-Зуевского С. Р. и К. Д.“, № 53, стр. 3.*

„1-го мая устроить повсеместно шествия, митинги и собрания, украсить здания флагами с лозунгами пролетарских организаций. Парк Морозовых об'явить достоянием города и назвать „Парком 1-го мая“ (позднее назван „Парком имени Троцкого“).

От совета рабочих депутатов 1-го мая было выпущено короткое воззвание.

Могучим майским выступлением пролетариат Орехово-Зуевского района лишний раз засвидетельствовал свою непоколебимую преданность коммунистической партии и советской власти и твердую веру в победу мирового коммунистического движения.

К этому времени назрел вопрос о районировании орехово-зуевского совета, были сделаны шаги по подготовке районного с'езда советов, но выполнить все это в тот период не удалось, благодаря тяжелой обстановке: фронты — военный, продовольственный, топливный, пожары лесов, болот и т. п.

2-го января, в 8 часов вечера, в Ленинграде, по дороге из манежа в Смольный на ехавшего в автомобиле тов. Ленина произведено было покушение. Вскоре последовало убийство Урицкого и Володарского. Буржуазия не стеснялась в средствах. Из наших рядов раздался призыв ответить красным террором на террор буржуазии, спекулянтов и мародеров.

Т.т. Троцкий и Барышников (1918 г.).

Клич о терроре был услышан и в Орехово-Зуевском районе, и были осуществлены некоторые мероприятия, после чего местная буржуазия и ее приспешники притихли, а многие поспешили скрыться из Орехова.

Вопросы топлива и снабжения сырьем фабрик в Орехове стояли так же остро, как и продовольственный вопрос.

Районный комитет РКП на созванном об'единенном заседании исполкома совета и правления союза текстильщиков подверг широкому обсуждению вопросы о заготовке топлива для производства и отопления жилых казарм и механизации

торфовозных дорог. Было решено, по примеру 1917 года, повести широкую агитацию за составление из рабочих артелей по выработке торфа, что впоследствии дало свои результаты. Благодаря неполной нагрузке, число рабочих дней в неделю было сокращено.

Рабочие укрепляют тыл.

На страже завоеваний Октября.

Ленин выручает ореховских рабочих.

В самом Орехове при всех недостатках продовольственных продуктов, хлопка и топлива, при всех необычайных трудностях, рабочие старались удержать производство на том уровне, на каком захватила его Октябрьская революция. Насколько был велик революционный под'ем рабочих, судить предоставляется читателю по следующим фактам. Во время 10% мобилизации комитет предложил делать заявки добровольцев на общем партийном собрании поднятием рук. Подняли руки буквально все. Президиум собрания предложил мобилизацию поручить ему, что и было тут же выполнено. Но все-таки остались недовольные: почему их не берут добровольцами. А беспартийные часто повторяли, почему не проводят среди них мобилизацию, раз это является необходимым. Военный комиссариат требовал много партийных работников.

Гужевой транспорт к зимнему времени дошел до такого состояния, что он едва мог справиться с подвозкой топлива к котельным фабрик, а к казармам подвозить топливо означало остановить производство. Немало было брошено партийных и профессиональных сил, чтобы убедить рабочих в необходимости самим заняться подвозкой топлива к казармам. Часто можно было наблюдать такую картину: человек двадцать брались за веревки, коренник в оглобли и ехали за 4—7 верст за торфом, подбадривая себя и других какой-либо песенкой и шутками, называя себя «советскими лошадками».

К концу 1918 г. продовольственный вопрос стал ощущаться с новой силой, полуфунтовая норма выдавалась для рабочих с перебоями и с суррогатами.

24-го декабря на имя Ленина была послана телеграмма следующего содержания:

„Москва, Кремль. Ленину. Орехово-зуевские рабочие голодают. 4 вагона риси не отправляют. Дубликаты неизвестно где. Наркомпрод закрыл свои операции на три дня, в виду праздников. Нахожу недопустимым в такое тревожное время перерыв операций отправки хлеба. Просьба принять меры“.

Подп. упродкомом Н. Кулаков, отправ. 24/XII, 10½ часов вечера.

Ответ от тов. Ленина был получен в 3½ утра 25/XII с нарочным ВЧК.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Эмисар арестован. Хлеб срочно высылаю. Ленин".

За период 1918 года ореховской организации приходилось вести борьбу с контр-революцией не только в Орехове, но оказывать помощь и другим уездам. Так, напр., в Павловский-Посад посылался в срочном порядке вооруженный отряд, когда там сожгли совет.

Революционная энергия пролетарских сил была неисчерпаема, на смену и в помощь шли молодые силы, шел комсомол. Много сил погибло в 18 году в борьбе за октябрьские завоевания, за укрепление социалистического строительства.

В тисках эпидемий, голода и разрухи.

Часть девятая.

Без хлеба.

В январе 25—26 дня 1919 г. для обсуждения продовольственного вопроса было срочно созвано заседание исполкома совета рабочих депутатов совместно с президиумом правления профсоюза текстильщиков и фабрично-заводскими комитетами. Было выпущено следующее воззвание:

Товарищи!

Совет рабочих депутатов, комитет коммунистической партии и все рабочие организации города Орехово-Зуева выделяют из своей среды группу товарищей и посылают их на борьбу с чехо-словаками. Все рабочие, кому дорога рабоче-крестьянская революция, кто хочет, чтобы власть рабочих и крестьян удержалась, кто желает, чтобы из Сибири и Кубани их братьям, женам, сестрам, детям и старикам-отцам, задыхающимся от голода, приходил до нового урожая хлеб, все они должны сплотиться вокруг выделяемой советом группы и итти на борьбу с чехо-словаками. В этом спасение, товарищи!

Дни грозные настали, они не только придут, они, тяжкие, пришли. Мы, рабочие, голодаем. Уже не выдан хлеб, нет денег, нет возможности жить. До нового урожая хлеба не будет, не будет в скором времени денег, нет всего только потому, что нас отрезали чехо-словаки, наймиты буржуазии нашей и англо-французской, чехо-словаки, которые заняли Самару, Симбирск, Челябинск, которые стремятся захватить Саратов, Екатеринбург, двигаются на Нижний-Новгород. Их планы адские. Мы будем в огненном кольце. Только в победе над чехо-словаками и белогвардейцами есть спасение. Другого выхода нет. Так раздавим эту черную гадину, поднимемся на бой. Дисциплина и стойкость, вера в победу—вот лозунг, наше знамя—„Вперед!“. Все, как один, все рабочие, честные и сознательные, все, кому нужен хлеб, кому угрожает ужасная смерть от голода,—все на борьбу на чехо-словаков, все в отряды, идущие за хлебом.

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ БОРЬБА И ПОБЕДА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЛАСТЬ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

Орехово-зуевский комитет коммунистической партии, совет рабочих депутатов, правление профессионального союза, фабрично-заводские комитеты, цеховые делегаты и все другие рабочие организации.

А 28-го января 1919 г. упродкомом была отправлена срочная телеграмма наркому продовольствия следующего содержания:

„Хлеб не выдается рабочим 13 дней, овса осталось 120 пудов, подвозка топлива прекратилась, рабочие центральной электрической станции и болот бросают работу, раз'езжаются. Город, 100.000 человек, остается без света и воды. Сыпной тиф прогрессирует, больницы переполнены, положение ужасное. Отсутствие хлеба и фуража грозит гибелью крупному промышленному центру, как Орехово.

Примите меры снабжения хлебом и фуражом, работать на местах невозможно“.

Не телеграмма, а отчаянный крик о помощи. Таково было положение.

В тяжелые годы.

Роют картошку на казарменных участках.

Тут же во всю ширь встал вопрос об эвакуации детей ореховских рабочих в пределы Украинской советской республики. Несколько таких партий было отправлено в Сумский уезд, Харьковской губ. Кроме того, дети, в количестве 8.500 чел., были взяты на прокормление в городских столовых. Было организовано до 10 детдомов для сирот и полусирот. Много было спасено ребят от голодной смерти, многие сделались активными работниками нового социалистического хозяйства.

К этому времени относится и острейший топливный кризис, вследствие чего на 2—3 недели остановились фабрики.

Пятая партийная конференция.

Никольские фабрики вступили в период замораживания. Острый недостаток топлива, сырья и продовольствия, уход квалифицированных рабочих с фабрики, неоформление уезда, —все это нервировало рабочее население. Общее количество рабочих на Никольских фабриках снизилось до 10.000 ч. К Ленину была послана делегация с об'яснением положения в Орехово-Зуеве.

В такой обстановке собралась 5 конференция РКП(б), которая имела огромное значение в деле укрепления организации и общего положения.

Из докладов с мест выяснилось, что, в общем, работа на местах идет удовлетворительно, хотя есть подрайоны, где работа партии, за отсутствием умелых идейных работников, не выдерживает никакой критики. По организационному вопросу было решено:

1) лучших своих работников отправить на работу в партийный комитет;

2) немедленно взять на учет все имеющиеся силы, пригодные к партработе, и мобилизовать их для агитации и пропаганды на местах;

3) не упуская из виду общей агитационной работы, обратить главное внимание на пропагандистскую работу, на углубление сознания в рабочих и на выделение из их среды новых партийных сил. С этой целью необходима организация лекций, пропагандистских кружков, партийных школ, знакомящих рабочих с новыми формами нашей строительной работы, дающих им основательный марксистский фундамент, подготовляющих из них сознательных коммунистов, способных заменить в партии ушедших на другую работу товарищей.

Все ответственные советские работники один день в неделю должны уделять организационной работе, выступая на митингах.

На конференции выступал и тов. Сапронов, высказавший мысль о том, что необходимо произвести такое территориальное деление, которое об'единило бы около крупных промышленных центров крестьянство.

После продолжительных дебатов было принято следующее постановление:

„Старое территориальное деление на области, губернии и уезды упразднить. Произвести территориальное деление по принципу экономического тяготения промышленной концентрации“.

Из прений по вопросу об организации работниц выяснилось, что женская комиссия г. Орехово-Зуева, несмотря на тяжелое положение, в котором пришлось начать работу,

принимает непосредственное участие в советской работе. Поэтому 5-я конференция РКП(б), признавая важность, полезность и необходимость организации женских комиссий и усиления работ среди работниц в районе, сочла необходимым вместе с тем обеспечить существование женкомиссий в материальном отношении, так как плодотворность работы может быть достигнута лишь тогда, когда хоть маленькая организационная коллегия работниц будет освобождена от своих постоянных обязанностей на фабриках и заводах. С этой целью конференция предложила райкому срочно возбудить в ЦК через окружной комитет вопрос о субсидировании женских комиссий, ибо местные организации, районные комитеты партии и советы на местах не имеют средств для этого.

В тяжелые годы.

Ореховские рабочие подвозят топливо для отопления казарм.

После 5-й районной конференции организация приступила к подготовке партийного с'езда, чем много содействовала усилению партийной сплоченности и сознательности. По постановлению ЦК РКП(б), на 10 марта 1919 года созывался 8-й всероссийский партийный с'езд, и местный секретариат партии приступил к проведению самого широкого обсуждения в партийной среде как порядка дня с'езда, так и стоящих перед ним задач. Необходимо было обсудить следующие вопросы: 1) программа РКП(б), 2) создание Коминтерна, 3) военное положение и военная политика, 4) работа в деревне (организация пролетарских и полупролетарских слоев), 5) продовольственная политика, 6) текущий момент, 7) организационный вопрос.

Орехово шло впереди в борьбе за пролетарскую революцию.

В местной газете „Коммуна“ от 14-го мая 1919 г., № 24, мы читаем следующую маленькую заметку, говорящую о многом, и прежде всего о самоотверженности и героизме ореховских рабочих:

„Военный комиссариат сообщает, что за время всех мобилизаций Орехово-Зуево дало на фронт 3735 человек. Ни один из уездов Московской губ. красному фронту такого количества красноармейцев еще не дал“.

Данные этой заметки касались только города, так как уезда еще не было. Эти данные красноречиво говорят о том, что и в обстановке повального голода и убийственной разрухи орехово-зуевский рабочий остался верен пролетарской революции.

Голод, однако, все больше и больше давал себя знать. Ленину отправили экстренную телеграмму со следующим содержанием:

„Город Орехово-Зуево накануне голодного бунта. Продком осаждают толпы голодающих людей. Город с 100.000 жителей и 1800 больных имеет только 70 пудов хлеба. Паек не выдается семь дней никому. Положение критическое. Примите экстренные меры к посылке хлеба. Завтра от исполнительного комитета едет к вам делегация выяснить положение в Орехово-Зуеве, каковую просим принять. Вагоны, назначенные нам губпродкомом, не посылаются, стоят на окружной дороге по случаю пробки № 1290. Исполнительный комитет совета рабочих депутатов гор. Орехово-Зуева. Председатель Марков, секретарь Дружинин“.

Ленин ответил извещением об отправке 6 вагонов хлеба.

По настойчивому требованию райкома РКП(б), проводится большое обследование правления Никольских фабрик, усливается рабочий и государственный контроль. Кампания, развернутая по перевыборам в совет рабочих депутатов, дала хороший результат. За это время в Орехове перебывали т.т. Ногин, Невский, Сапронов, Коллонтай и Троцкий.

Здесь же нужно отметить, что в июле месяце 1919 г. красноармейцы 1 армии и ореховские рабочие демонстрировали пролетарскую солидарность и братскую поддержку в условиях тягчайшего хозяйственного и продовольственного кризиса: красноармейцы привезли в Орехово 9 вагонов ржи, а ореховские рабочие снабдили их мануфактурой и нитками для нужд армии.

В партийной организации на очереди встал вопрос о проведении субботников. Было решено составлять отряды по 5 человек и высылать их в окружающие деревни для работ у семей красноармейцев. В эти отряды преимущественно должны были входить знакомые с с.-хоз. работами. Остальных товарищей разбили по десяткам с тем, чтобы каждый десяток избрал из своей среды руководителя. Эти группы должны были работать по разгрузке вагонов на станции, по

пилке дров и т. п. Женская группа делилась на тройки, которые избирали руководительницу и под ее наблюдением работали по шитью.

Конец 1919 года ознаменовался для Орехова печальным событием: в декабре на фронте гражданской войны пал от руки белогвардейца столь долго и доблестно послуживший орехово-зуевским рабочим тов. Барышников. В. А. Память о нем была торжественно почтена на пленарном заседании совета.

Ставят леса для стройки социалистического хозяйства.

Часть десятая.

Организация на ленинских позициях.

Кончались военные фронты, начинались хозяйственные. Неурожай 1920 года тяжело сказывался на снабжении пролетариата продовольствием и потребовал большого напряжения от райкома РКП(б) и совета раб. и крест. деп. в деле проведения мобилизаций по сбору хлеба и других продуктов. Во времена сбора продразверстки орехово-зуевская организация дает большой % коммунистов в продовольственные отряды, которые формировались при активном участии профсоюза текстильщиков.

Недостаток средне и высоко-квалифицированных рабочих в производстве на протяжении всего времени, а в особенности периода «размораживания» фабрик, требовал больших сил от партии и профсоюзных организаций. Партийцы перебрасывались к станку, личным примером увлекая беспартийных в восстановительной работе, в пуске того или иного отдела, цеха прядильной, ткацкой и другой фабрики. Дорогой ценой завоеванное надо было не только сохранить, удержать, но и развивать дальше. Месяц за месяцем фабрики начинают оживать и вместе с ними восстанавливаться хозяйственная жизнь Орехово-Зуевского района.

Вместе с этим райком РКП(б) принимает меры к углублению воспитательной работы среди членов партии. Расширяется работа пропагандистской коллегии райкома, впоследствии ставшей агит.-проп. отделом укома. Организуется пропагандистский кружок. Местный «Клуб Красной армии» реорганизуется в партийный клуб. Закладывается фунда-

мент партийной библиотеки, куда каждый член организации должен дать хоть одну из своих книг, брошюр, парт. литературы.

В тяжелые годы.

Крестьяне везут в Орехово продналог.

В течение 1920 года мы имеем различные виды проведения «недель», «дней», где с большевистским упорством, с привлечением значительного процента беспартийного рабочего актива были произведены разного рода производственные работы, дававшие порой большой экономический эффект: «неделя ремонта», «неделя транспорта», «неделя санитарной чистки казарм» и многие другие. Между тем, производственная сторона жизни фабрик заставляла желать еще очень многого: рабочих всего числилось 11.568 чел., на работу же выходило 5.229. Следовательно, вопрос производительности труда и производственной пропаганды встал перед организацией со всей остротой.

Было решено: организовать при фабкомах фракции РКП(б); предложить профсоюзу текстильщиков произвести организацию цеховых делегатов; теснее связаться с фабкомами во всех областях производства и организации; усилить внимание производительности труда фабрик; обратить внимание на борьбу с хищениями на фабриках и установить контроль над спецами при исполнении ими служебных обязанностей.

На уездном с'езде сов. раб. и кр. деп. 26-го ноября 1920 года в порядок дня с'езда включается вопрос: «Хозяйственное строительство в Орехово-Зуеве и его уезде.

В этот период разгорелась острая дискуссия о роли профсоюзов. Характерно проследить твердое отношение ореховских большевиков к дискуссии. На общегородском собрании членов РКП(б) 27 ноября 1920 г. по докладу о работах московской губернской конференции было принято следующее постановление:

„Орехово-зуевское общегородское собрание членов РКП(б), заслушав доклад о работах моск. губ. конференции РКП(б), констатирует важность ее решений, направленных в сторону экономического строительства, но в то же время считает необходимым отметить, что в работах конференции линия, выявленная отозвией, имела место больших разногласий,

*сводившихся не к чисто принципиальной критике, что в настоящий критический момент является нецелесообразным и что орехово-зуевская организация не одобряет и выражает надежду, что работа нового МК будет направлена в сторону скорейшего оздоровления московской организации и к устранению возникших разногласий" *).*

Развернувшаяся в начале 1921 года эта дискуссия в достаточной степени охватила и ореховскую организацию. 15-го января состоялось дискуссионное собрание членов орехово-зуевской организации РКП(б), на каковом предоставлялось право всем членам РКП(б) высказать свое мнение о роли и задачах профсоюзов. На заседании орехово-зуевского райкома РКП(б) от 28-го января члены бюро высказались в следующем виде: за тезисы т. Троцкого 4 голоса, за тезисы т. Ленина 7 голосов. В последующие дни организация целиком приняла тезисы т. Ленина.

В 20 числах января 1921 года опубликовывается постановление президиума ВЦИК об образовании Орехово-Зуевского уезда. С этого момента орехово-зуевская организация становится уездной. Покровский уездком РКП(б) переименовывается в волостной подрайон РКП(б). Ряд партийцев перебрасывается для работ в город, а 13-го февраля происходит уездная партийная конференция со стержневыми вопросами: 1) о партстроительстве, 2) о роли и значении профсоюзов, 3) реорганизация армии и вопрос о милиции.

После конференции парторганизация проводит большую работу по организации партийных ячеек на производстве. Особенное внимание пришлось обратить на партийную работу в Дулеве и на «Карболите», где в связи с проведением предвыборной кампании губс'езда химиков усилилась меньшевистско-эсэровская агитация.

Нужно отметить, что за этот же период парторганизация провела большую массовую кампанию «недели профдвижения». Не меньше энергии, сил и внимания требовали и вопросы советской работы и строительства. Если до организации уезда Орехово было, по существу, районом фабричным, то с ликвидацией Покровского уезда организация вплотную подошла к вопросу о работе в деревне. Проведенные кампании — «недели ремонта сел.-хоз. инвентаря», «недели крестьянина» — могут свидетельствовать о той помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству уезда, которую проделала партийная организация. На 22-ое марта 1921 г. созывается с'езд председателей сельских и волостных советов для разрешения вопроса о замене разверстки продналогом.

Принятием новой экономической политики партии было положено начало хозяйственного возрождения пролетарской республики и, в частности, Орехово-Зуевского района.

**) Публикуется без изменений в тексте.*

На путях строительства социализма.

Часть одиннадцатая.

Враги пролетариата были разбиты на-голову и изгнаны из пределов советской республики. Гражданская война кончилась. Наступала эпоха, так называемого, мирного строительства. Революционная энергия, которой в продолжение 100 лет был заряжен орехово-зуевский пролетарий в борьбе с хозяевами и царизмом, после Октября и военных фронтов переключилась в творческую энергию по строительству социалистического общества. И здесь орехово-зуевский пролетарий все время нес и несет с честью победоносное знамя пролетарской революции, знамя коммунизма.

Рост орехово-зуевской парторганизации.

Годы с 1922 по 1927 прошли под знаком строительства, под знаком под'ема во всех отраслях работы. Этот под'ем шел при твердом, правильном, большевистском руко-

водстве со стороны партийной организации. Ореховская организация к 1922 году была настолько количественно мала, что охватить партийным влиянием и руководством шестидесятитысячную массу пролетариата и, примерно, такое же количество крестьянства представлялось делом чрезвычайно трудным. Вот почему в эти годы организация не раз задумывалась об увеличении кадра партийцев, о пополнении своих рядов рабочими от станка. В этом отношении была проделана огромная организационная и пропагандистская работа, которая дала большие результаты. Эти результаты лучше всего видны по тем цифрам роста ореховской организации, которые мы имеем за последние годы.

Последняя цифра, конечно, не является предельной. Задача дальнейшего непрерывного роста ореховской организации, на что неоднократно указывал и Московский комитет, остается для организации важнейшей, актуальной задачей. Количественное соотношение между парторганизацией и общим числом орехово-зуевских рабочих еще слишком недостаточно, чтобы успокаиваться на достигнутых результатах. Но уже и при данных результатах значительно оживилась внутрипартийная жизнь и массовая работа среди рабочих; перед организацией встали новые задачи.

Одной из самых серьезных задач была задача ленинского воспитания массы партийных новичков, влившихся в партию за два ленинских набора. Эти ленинские наборы, и особенно первый, непосредственно после смерти Ленина, проходили с большим под'емом. Иллюстрацией к этому может служить пример массовой записи в партию. Но этот массовый энтузиазм имел и слабую сторону: рабочие, потрясенные смертью любимого вождя, шли в партию целыми группами и коллективами (так, рабочие мехзавода все порешили вступить в партию). Многие из них не уяснили себе величайшей ответственности, падающей на члена коммунистической партии. Слабые скоро отсеялись, сильные остались в рядах ВКП(б). Трудности роста давали себя знать: легче было побеждать на фронтах гражданской войны, чем преодолевать трудности на фронте восстановления хозяйственной жизни, совершенно разрушенной годами империалистической и гражданской войн. Некоторые вновь пришедшие в партию рабочие так же могли „спасовать“ (иногда и „пасовали“) перед нараставшими хозяйственными затруднениями, как „пасовали“ в то время многие из беспартийных рабочих. Вот откуда во весь рост вставала задача партийного воспитания вновь вошедших в партию, на разрешение которой было потрачено много времени и много сил.

Уже с 1922 года организация вплотную занялась вопросами партийного просвещения: была открыта сеть общеобразовательных курсов, народный университет был преоб-

Современное Орехово-Зуево.

Термолитовый поселок в Зуеве.

Современное Орехово-Зуево.

Индивидуальные застройки (в Зуеве).

разован в рабфак, был открыт партийный клуб, подготовлялась организация усовпартшколы 1 ступени, подбирались лекторские силы, недостаток их остро ощущался в организации до самых последних годов. Осенью 1922 года была основана „Колотушка“, которая стала регулярной газетой, выходившей сначала один раз в неделю, а позже перешедшей на ежедневную. „Колотушка“ сыграла огромную роль в деле укрепления и роста парторганизации, а также и в деле организации пролетарского общественного мнения. Она была и остается действительной помощницей партии и советской власти, настоящим другом ореховских рабочих. Ее первым редактором, давшим ей хорошую пролетарскую зарядку, был рабочий-ткач Степан Терентьев.

Надо сказать, что до тех пор как-то не удавалось крепко наладить местную газету. Из предыдущего читатель уже ознакомился с „Известиями Орехово-Зуевского Совета Р., Кр. и Кр. Депутатов“, которые выходили перед Октябрем. В 1918 г. вышло всего несколько номеров „Коммуны“ и позже несколько номеров „Газеты Орехово-Зуевских Рабочих“. В 1920—21 г.г. более или менее продолжительный срок выходила газета „Новый Путь“, которая также прекратилась. К периодической издательской деятельности того времени можно отнести и выпуск „Записок народного университета“. Однако, все почти эти издания были очень шаткими и скоропреходящими, и только „Колотушка“ прочно завоевала себе популярность в рабочей массе и крепко утвердилась в орехово-зуевской общественности. Вместе с ростом „Колотушки“ зародились и начали быстро расти рабселькоровские кружки и стенгазеты, которых к настоящему времени насчитывается: рабкоров 468, селькоров 53, всего кружков 36, и стенгазет по предприятиям, казармам и волостям 80 (только учтенных).

В последующие годы партвоспитательная работа в партии все время развертывалась. В 1923 году в большом количестве были организованы политшколы. В этом году впер-

Члены укома ВКП(б) (март 1923 г.).
В центре—руководитель стачки 1885 г.—П. А. Моисеенко.

Укомъ ВЛКСМ (1923 г.).

вые были открыты кружки повышенного типа по историческому материализму, дававшие теоретическую закалку партактиву. К углубленной партийно-пропагандистской работе обязывала и внутрипартийная дискуссия 1923 г., которую ореховская организация преодолела довольно быстро, оставшись на ленинских большевистских позициях: в массе ореховских рабочих-партийцев троцкизм, как социал-демократический уклон, поддержки не нашел.

Наиболее полно глубокая пропагандистская работа начала развертываться с 1924 года, когда в организацию влилась тысяча рабочих. Этот год был ознаменован не только расширением сети политшкол, кружков и курсов, куда влили партийных новичков, но и помощью из Москвы квалифицированными пропагандистами.

Вся огромная партвоспитательная работа, проделанная за эти годы организацией, дала свои результаты: несмотря на большие хозяйственные затруднения, на сложность внутрипартийных задач, при сравнительно низком уровне политграмотности, организация не только сумела удержать влившуюся массу партийных новичков, но и дала ей крепкую партийную закалку, о чем свидетельствовал секретарь укома тов. Горшин на 9-ой партийной конференции осенью 1925 года: „За период, предшествовавший конференции, из всего числа почти 3.000 партийцев было исключено из партии всего лишь 15 человек".

В последующие годы—1925, 26 и 27-й—задача партучебы заключалась в том, чтобы не только расширить сеть партийных школ и кружков, но и, главным образом, углубить проработку вопросов. обеспечить внедрение марксистских знаний, ввести некоторое разнообразие в сеть школ в соответствии с различной степенью политической грамотности членов партии. Насколько продвинуто вперед это дело, можно судить хотя бы по сети партпросвещения в последние два года. За 1926/27 год в организации было 49 школ 1-й ступени, 43 школы 2-й ступени, 16 марксистских кружков, 1 усовпартшкола вечерняя и 1 усовпартшкола дневная, 5 стационарок, 2 передвижки и курсы пропагандистов; а в 1927/28 году открывается сеть партпросвещения с чрезвычайно богатым разнообразием школ и кружков, а именно: совпартшкол 9, политшкол I ст —32, школ II ст.—25, марксистских круж.—20, кр. тек. политики—10, курсы партактива и кружки по отдельным теоретическим проблемам, — всего охвачено 2403 ч. В этой широко развернутой сети партучебы происходила и происходит сейчас теоретическая ленинская закалка ореховских рабочих-партийцев.

Современное Орехово-Зуево.

Памятник „морозовской стачке“ 1885 г.

Современное Орехово-Зуево.

Заканчивается постройкой универмаг ЦРК.

Трудности роста.

Сколь велика была потребность в партвоспитательной работе, об этом красноречиво говорит следующий наиболее яркий факт политической безграмотности и партийного невежества.

В январе 1923 года на одном из заводов случился такой казус: икона какой-то знатной богородицы, обходившая здесь квартиры рабочих, торжественно прошлась и по всем почти квартирам коммунистов, включая сюда и квартиру партийного директора завода. Этот же самый директор хоронил свою мать с музыкой, церковными панихидами, попами, коммунистами, речами, отрядом ЧОНА и ружейным салютом. Когда директору задали вопрос, почему он все это допустил, то он так рассердился, что ответил буквально следующее: „Если бы вы так спросили меня в день похорон, я отдал бы вам партийный билет“. Мало того, „христолюбивые“ коммунисты устроили молебен на самом заводе, в виду чего завод по поводу столь радостного события два дня не работал. Все это происходило с благословения и ведома целой организации, члены которой были не лучше в отношении партийной и политической грамотности, чем сам „богобоязненный“ директор. Характерен уже в то время твердо наметившийся подход организации к перевоспитанию партийной массы: наряду с репрессиями, уком постановил организовать при рабочем клубе этого завода политшколу, „пройти курс которой вменить в обязанность всем членам организации“.

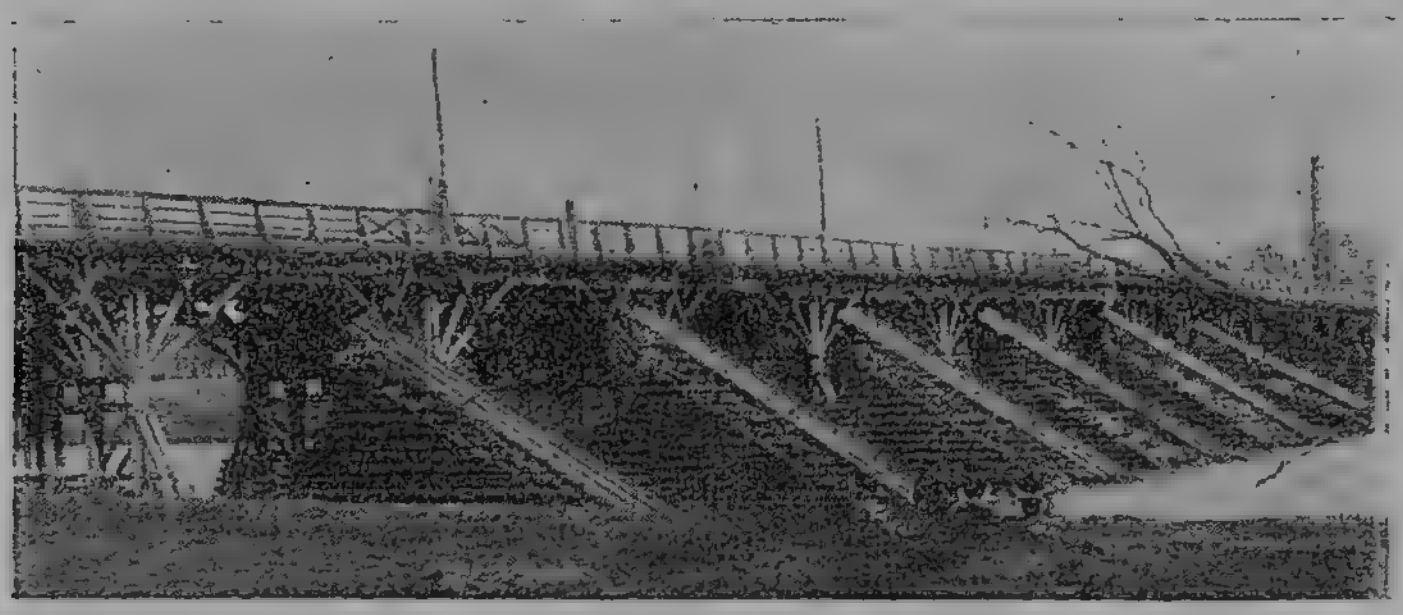
Наряду с такими ячейками были и крепкие организации, вынесшие на своих плечах борьбу с другими партиями, хозяйственное восстановление предприятия и огромную внутривоспитательную работу.

Современное Орехово-Зуево.

Постройка базисного склада ЦРК.

Ореховской организации пришлось очень много сил, времени и внимания уделять подрайонным организациям, которые еще только складывались. Если проследить укомовские „дела“ за эти годы, вы часто будете сталкиваться с актами обследований то той, то другой уездной организации. Например, ликинская организация во время перехода фабрики на три станка не сумела оказать нужное сопротивление пробравшимся в фабком бузотерам, призывавшим рабочих к „волынке“. Тяжелое положение было продолжительный период в дулевской организации, которая не умела своевременно сделать понятными для членов партии проводимые в то время хозяйственные и политические мероприятия. В связи с некоторыми конфликтами и ненормальностями выезжали комиссии (иногда вместе с представителями МК и МКК) в запонорскую, дороховскую и др. организации. Причиной всех причин во всех этих случаях было недостаточно твердое и политически выдержанное партийное руководство на местах, И если организация все же к настоящему времени эти трудности преодолела, сплотила и укрепила местные организации, выведя их на путь большой творческой работы, в этом также сказалась работа по партийному воспитанию и выковыванию крепкого большевистского ядра наряду с огромной организационной работой и своевременным большевистским руководством со стороны уездного комитета партии.

Современное Орехово-Зуево.

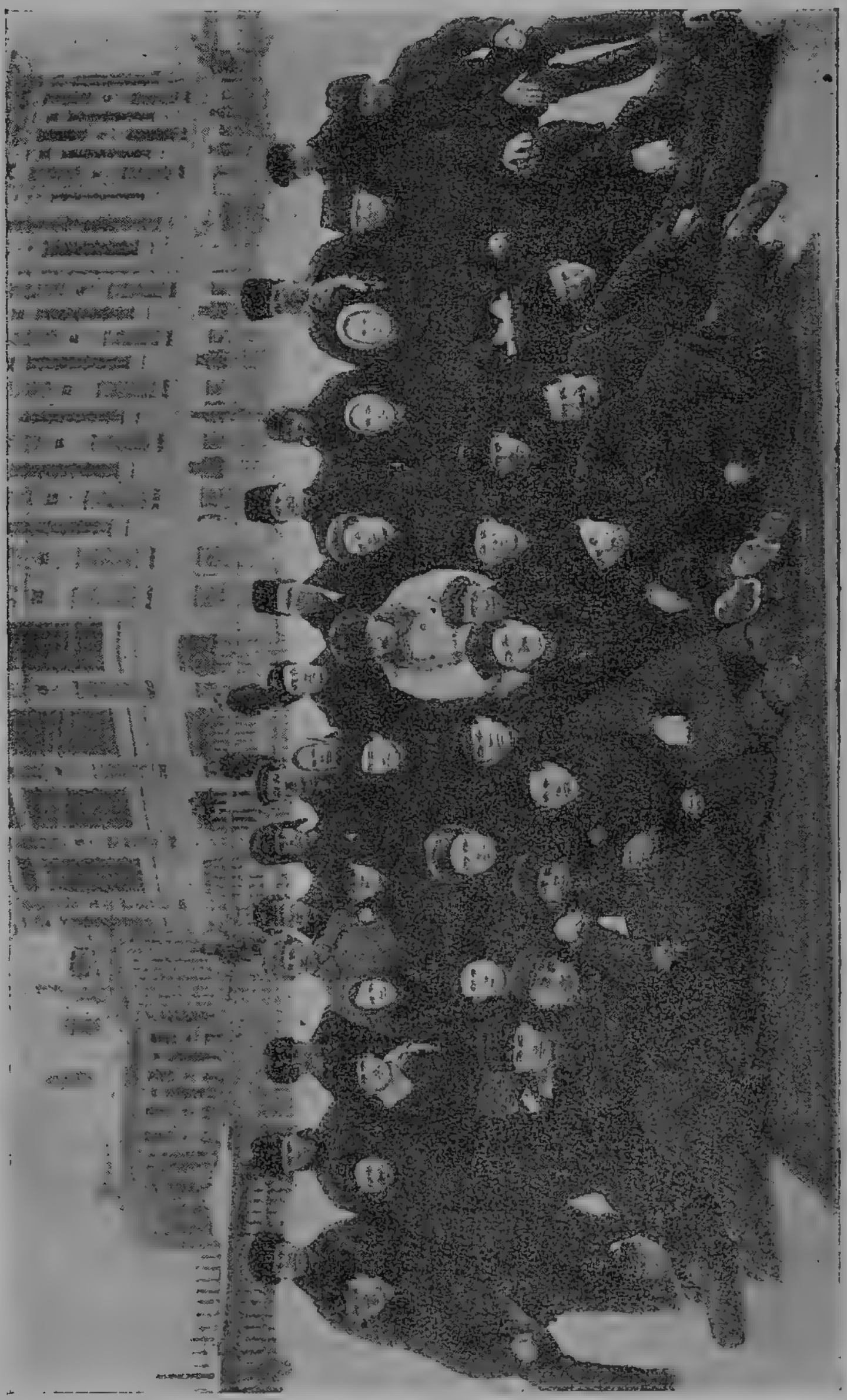


Новый мост с ледорезами (на Клязьме).

* * *

Орехово-Зуевский район включает в себя такую промышленность, где основной силой является женский пролетариат. Отсюда вполне естественно то огромное внимание, какое уделялось организацией работе среди женщин. Плоды

этой работы сказались в том, что все это время орехово-зуевская работница шла в ногу с мужской частью пролетариата, а очень часто являлась и застрельщицей тех или других мероприятий. Взять хотя бы, к примеру, „бюро женщин“ — это целая героическая полоса орехово-зуевских ра-



Пленум укомола (1926 г.).
(На фоне дома совета).

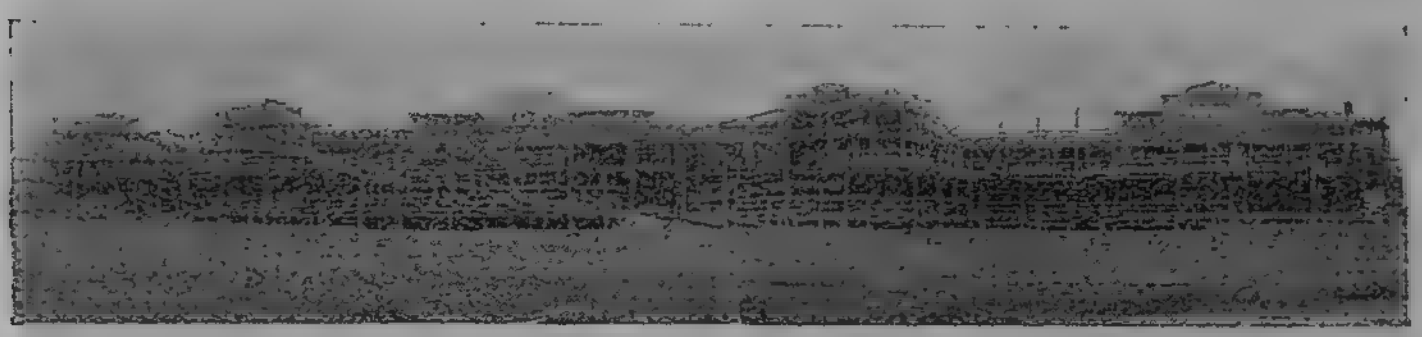
ботниц. Оно руками работниц готовило белье для Красной армии, организовывало столовые и ясли, открывало кампании по добровольной вербовке женщин в ряды армии, содействовало организации партизанских отрядов.

Такая же по размаху работа проводилась и в 1923 г., когда ореховские работницы показывали пример международной солидарности.

У нас остался ценнейший материал по собиранию женским комитетом средств и вещей в пользу голодающих детей трудящихся Германии. Общегородское собрание делегаток и работниц, происходившее по этому вопросу осенью 1923 г. в Рабочем театре, прошло под знаком необычайного под'ема: работницы тут же снимали с себя серьги, кресты, платки и даже пальто и жертвовали в пользу трудящихся Германии. В длинном списке пожертвованных вещей встречаются кольца, кресты, серебряные деньги, медальоны, серебряные чайные ложки, часы, облигации займа, юбки, косынки, мануфактура, одежда и т. п.

В 1923 г. отдел работниц впервые решительно проникает в Теренинскую и Запонорскую волости для работы с крестьянками. В результате мы имеем рост работниц в парторганизации с 86-ти до 808 членов партии с 1923 по 1925 год.

Современное Орехово-Зуево.



Вновь строющаяся центральная амбулатория.

В эти же годы начинает развиваться и широкое организационное строительство парторганизации. Уже в протоколе заседаний бюро укома от 5-го января 1922 года мы читаем постановление о роспуске ячеек крутовской, воронцовской, пролетарской, казарменной (79) и пищевиков. Реорганизация партийных ячеек по производственному принципу давно уже назревала, и результаты этой реорганизации были лучше всего заметны в оживлении и налаживании промышленной жизни Орехово-Зуева.

Не менее сложную и серьезную работу проделала парторганизация по созданию и укреплению подрайонов и волостных организаций. Особенно же много времени и внимания было отдано делу тщательного подбора партийцев на

работу и создания хорошего секретарского состава по всей организации—этому организационному вопросу придавалось большое значение и во все последующие годы.

* * *

Современное Орехово-Зуево.

С весны 1927 г. в Орехово-Зуеве введено автобусное движение.

Трудно сейчас, оглядываясь назад, говорить о том, какой период был тяжелее другого, но все же можно с уверенностью сказать, что 1922 год был чрезвычайно тяжелым годом, надолго запомнящимся нашей организацей. Два мрачных события ознаменовали этот год: забастовка рабочих и суд над трестом. Эти события родились, конечно, не сразу, они назревали очень долгое время, в обстановке тяжелого хозяйственного кризиса. Надо не забывать, что фабрики к этому времени почти не работали, рабочие голодали, среди них росло глухое недовольство. Этим то недовольством и воспользовался ткацкий подмастер Степанов, который решил организовать забастовку.

Современное Орехово-Зуево.

Центральный склад ЦРК в готовом виде.

Современное Орехово-Зуево.

Крутовский поселок.

Современное Орехово-Зуево.

Водонапорная башня.

Затея Степанова попала на благоприятную почву, увлекла многих рабочих, и забастовка обещала принять затяжной нежелательный характер. Однако, эта забастовка не носила политической окраски, что видно было из представленных требований: основным в требованиях было указание на немедленное изжитие производственной разрухи и пуск всех фабрик.

Столь горячо накалившуюся атмосферу разрядил суд над правлением орехово-зуевского треста. В кратких словах дело обстояло так: председатель правления треста Серебряков повел в своей работе линию не на восстановление фабрик, а на разного рода коммерческие сделки и махинации, как то: заключал в Москве сделку на поставку большой партии мануфактуры, получал запасы продовольствия для рабочих, за это продовольствие доставал на частном рынке требуемый товар, который и сдавал заказчику... А свои фабрики продолжали стоять и разрушаться. К тому же рабочим бросалась в глаза и личная жизнь Серебрякова, который ни в чем себе не отказывал, прекрасно одевался, выезжал цугом на морозовских лошадях и вел вообще довольно веселую жизнь. Сопоставляя жизнь правленцев и свою собственную, рабочие, вполне понятно, приходили к далеко неутешительным выводам.

Судебный процесс привлек огромное внимание орехово-зуевских рабочих. Зал суда был все время переполнен, „Колотушку“ брали нарасхват, и тираж ее был значительно увеличен. Суровый приговор—расстрел—ясно показал рабочим, что советская власть ничего общего с такими администраторами не имеет и что она жестоко карает тех, кто обманывает доверие трудящихся масс.

Современное Орехово-Зуево.

Вновь проложенное Ликинское шоссе.

После суда наметился резкий перелом и в настроении рабочих, и в области восстановления производства. Парторганизация бросила на фабрики лучших работников, энергично заработали профессиональные организации, общими усилиями фабрики возвращались к нормальной жизни.

Современное Орехово-Зуево.

Освобождается из под лесов дом горсовета № 1 (на Крутом).

Развернутым фронтом к социализму.

Те морозовские фабрики, которые в продолжение многих десятков лет стояли в центре революционной борьбы, получили новый мощный толчок к развитию лишь после Октябрьской революции. Они не только сумели выйти из замороженного состояния времен голода и разрухи, революция не только пустила их в ход, но и вдохнула в них новую творческую жизнь. Эта новая творческая жизнь горячо бьется сейчас и в многотысячном профактиве рабочих и работниц, ведущих в фабричных цехах большую организационную и культурную работу, и в массовых производственных совещаниях, продвигающих вперед нашу промышленность, и в партийных и комсомольских ячейках, охватывающих коммунистическим влиянием фабрики, и в фабзавучах, подготовляющих квалифицированную смену, и в отдельных головах бесчисленных рабочих изобретателей, давших производству не один пример технического остроумия и экономии.

В сочетании с этой колоссальной массовой работой хозяйственная деятельность советских, профессиональных и партийных организаций по поднятию производительности труда, проведению режима экономии и рационализации производства дала блестящий производственный эффект, в конечном счете выражающийся в том, что бывшие морозовские

ф-ки, ныне фабрики „Пролетарская Диктатура“, выбрасывают на рынок на несколько тысяч кусков материи больше, чем в довоенное время. Особенно большим размахом отличаются работы по рационализации производства, на которые ежегодно тратится не один миллион рублей. Так, волею революции обновляются старые фабрики, переделываются машины, совершенствуется производственный процесс, облегчаются условия труда рабочих, о чем раньше морозовские рабочие не могли и мечтать, и создаются твердые предпосылки для дальнейшего роста производства. А новый 5-ти-

Современное Орехово-Зуево.

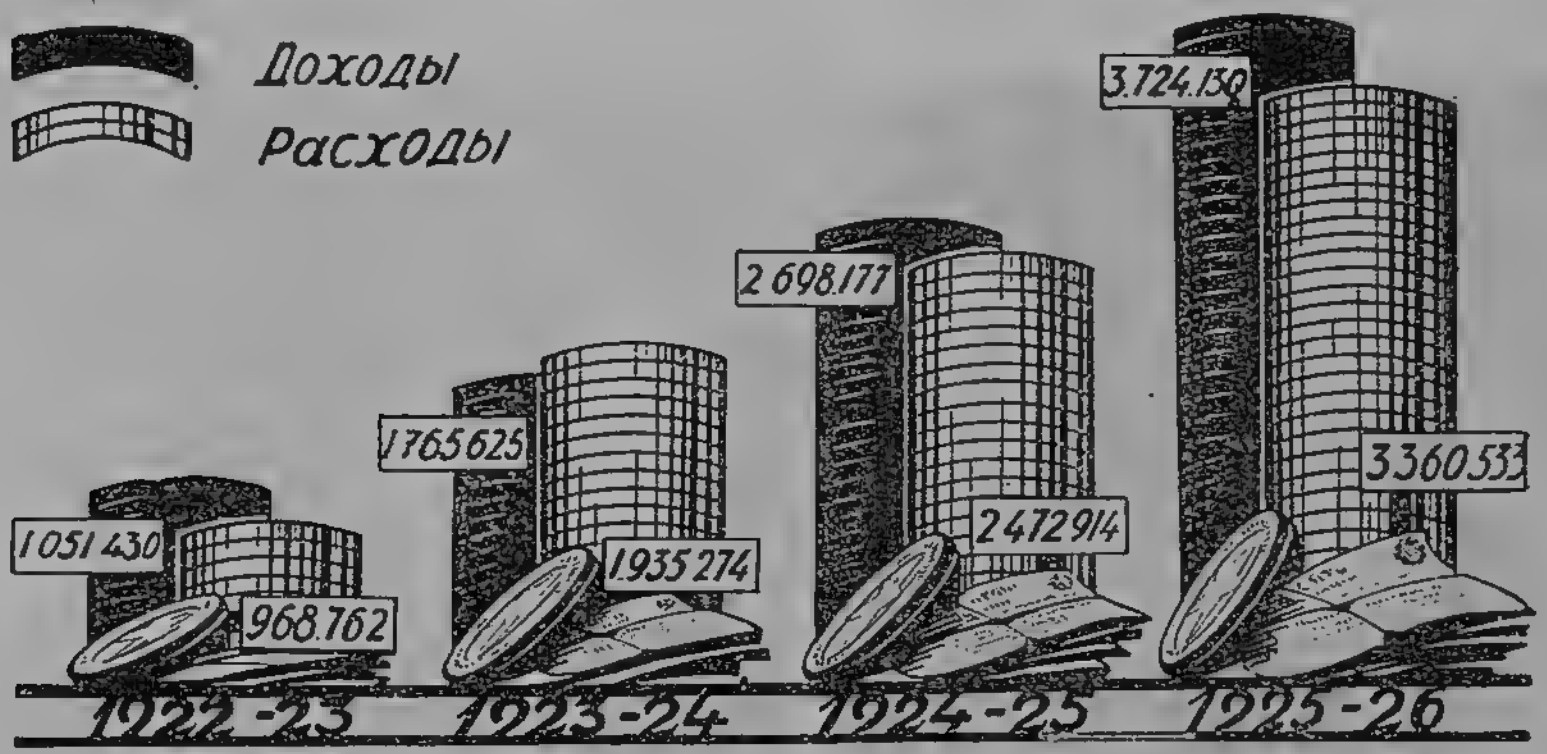
Пионеры за обедом.
(На летней площадке в школе № 3).

летний производственный план уже включает в себе не только переоборудование фабрик, но и капитальное строительство: постройку электрической станции, установку новых машин и т. п. Этот план уже начал выполняться.

Крепнет одновременно и советское хозяйство в целом. Бюджет уисполкома растет из года в год.

Вместе с экономическим укреплением уезда налаживается и развивается работа советских общественных организаций. К настоящему времени мы имеем большие кадры активных советских работников из числа рабочих и крестьян, которыми обросли советские органы. Так, при уисполкоме и виках работают 2.490 человек, в органах кооперации 2.280

человек, в секциях горсовета 1.168 человек, женделегаток насчитывается до 500 человек и 250 народных заседателей.



Бюджет уисполкома.

За последние годы весьма быстро развивается наша потребительская кооперация, занимающая первое место в рядах торговых организаций. Сейчас насчитывается по уезду 28 потребительских обществ. Центральный рабочий кооператив в самом Орехово-Зуеве за эти годы значительно увеличил свои обороты, добился 58,5% кооперирования рабочих и с каждым годом все более и более вытесняет частника.

Современное Орехово-Зуево.

Заканчивающийся постройкой—4-хэтажный каменный дом горсовета № 2.

Крепкое экономическое положение дало возможность уделить значительные средства на социально-бытовые нужды рабочего и крестьянского населения Орехово-Зуевского уезда; чтобы понять все различие между обстановкой дореволюционного времени и теперешней, достаточно указать хотя бы на пример с мероприятиями по здравоохранению. До ре-

Современное Орехово-Зуево.

Вновь выстроенные ясли (№ 3) уздрава.

Современное Орехово-Зуево.

Рабочий театр.

волюции в гор. Орехово-Зуеве было лишь две неспециализированных амбулатории, зиминская больница, больницы Викула Морозова и Саввы Морозова с общим количеством коек 420 и в уезде больницы с койками, без разделения по специальностям. К настоящему времени мы имеем в городе зуевскую, крутовскую и амбулаторию при 1-й сов. б-це с приемом по всем специальностям, тубдиспансер, вендиспансер, малярийную станцию, химико-бактериологическую лабораторию, городскую детскую консультацию, консультацию беременных, 1-ю и 2-ю сов. больницы с количеством коек 660, 1-е и 2-е ясли на 160 детей. Кроме того, строятся двое яслей на 200 детей, амбулатория на 2.000 посещений в день, зубо-лечебница, зубо-протезная лаборатория, станция неотложной врачебной помощи на дому.

Только в одном городе количество врачей возросло с 20 до 90.

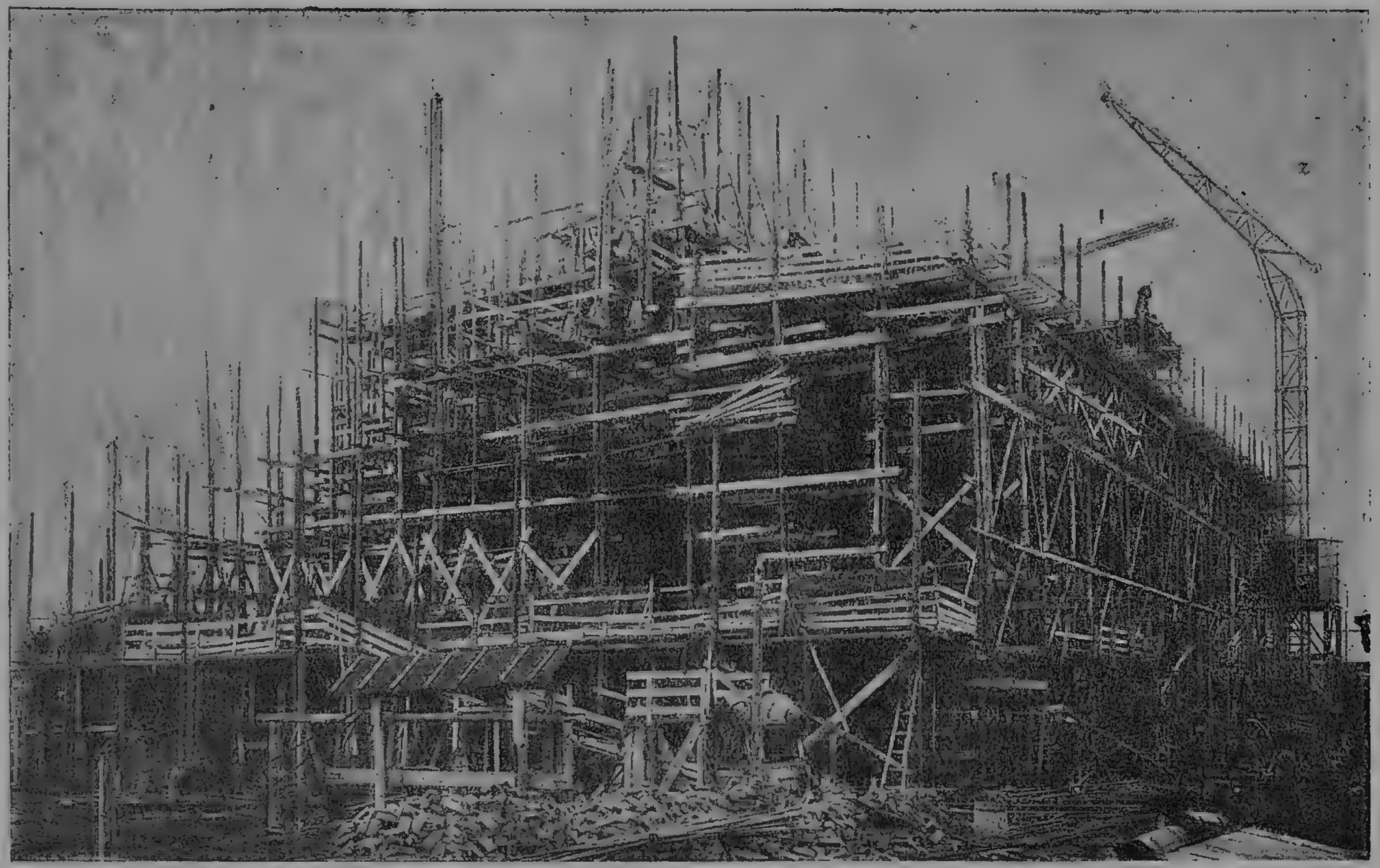
Не хуже обстоит дело и в уезде: построена новая больница в Костереве, открывается родильное отделение новинской больницы, открыт тубдиспансер в Дулеве и тубпункт в Дрезне, открывается тубпункт в Рошале, открыто 6 яслей, 4 консультации для грудных, 2 для беременных, открыт наркодиспансер. Общее количество врачей по уезду в этом году достигнет 210 человек, вместо 40 дореволюционного времени.

Характерно и самое распределение средств: если в прошлом земство, фабрично-заводская администрация и другие органы тратили на лечебно-санитарные нужды в общей сложности 70.000 рублей, в настоящее время бюджет уздрава составляет $2^1/_2$ миллиона рублей.

Не менее выразительную картину представляет и дело народного образования. По уезду мы имеем всего 115 школ 1-й ступени, 11 семилеток, педагогический техникум, школу крестьянской молодежи, рабочий университет. Из просветительных учреждений насчитывается 11 волостных изб-читален, 3 районных избы-читальни, 66 сельских изб-читален, 11 волостных библиотек, 96 передвижек-библиотек. Кроме того, в ведении УОНО находятся 6 детских домов и одно общежитие подростков и 5 дошкольных учреждений. Силами культотделов профсоюзов и политпросвета массовая культурная работа проводится с большим размахом и по рабочим клубам, и по казармам, и в специальных городских и поселковых театрах, и избах-читальнях. Чтобы уяснить, в какую сторону растет орехово-зуевский рабочий, достаточно указать, что за 6 месяцев 13 библиотек союза текстильщиков посетило 124.889 человек, и число библиотечных читателей с каждым годом возрастает на десятки процентов.

Большое изменение внесла революция и в жизнь орехово-зуевской деревни: на полях появились тракторы, сель-

Современное Орехово-Зуево.



Вновь строющаяся мощная электростанция, которая будет снабжать электрическим током все орехово-зуевские фабрики. Строительство механизировано.

ско-хозяйственные машины, с каждым годом вырастает многополье, осушены десятки сотен десятин земли, в огромном количестве употребляются минеральные удобрения, широко развернули свою работу агрономические пункты, растет огнестойкое строительство.

Для того, кто был в Орехово-Зуеве в дореволюционное время, современное Орехово-Зуево представляется совершенно неузнаваемым. Огромные средства были израсходованы на благоустройство города в части проведения канализации, водопровода, мощения улиц, сооружения электрической сети, организации автобусного движения и т. п. Большая доля этих средств была истрачена на ремонты шоссейных дорог, школ и различных зданий. В последнее время особенно большое внимание было обращено на строительство жилищ. В этом отношении уже в прошлые годы были сооружены 2 поселка—Крутовский и Зуевский, в этом же году строятся 2 4-хэтажных каменных дома горсовета и 4 таких же дома жилкооперации. Тяжелые жилищные условия хотя и продолжают оставаться, все же возведение новых жилищ должно несколько ослабить жилищный кризис.

В Орехово-Зуеве до сих пор недостаточно обстоит дело с обслуживанием культурных нуждрабочих вследствие отсутствия клубных помещений. Теперь и в этом вопросе происходит сдвиг: строится большой клуб стоимостью в 500.000 рублей и намечен к постройке другой такой же клуб.

Одновременно развивают строительство коммунальные и общественные организации Если сейчас взглянуть на город, то в глаза, прежде всего, бросятся новые постройки с еще неубранными строительными лесами. Наиболее экономически важным является начавшееся строительство мощной электрической станции, которая будет обслуживать электрической энергией все орехово-зуевские фабрики. В настоящее время в городе строится здание центральной амбулатории и яслей. ЦРК воздвигает большие сооружения—универмаг и центральный базисный склад. Наряду с государственным строительством довольно быстрым темпом идет и индивидуальная застройка. По уезду жилищное строительство развивается в Дулеве, Городищах, в Рошале и др. местах.

Отмечая ряд достижений, мы знаем, что все проделанное явится только началом выполнения гигантской задачи социалистического строительства.

Много еще в Орехово-Зуеве остатков дооктябрьского прошлого: не преодолена еще культурная отсталость, пьянство, религиозность, тяжелые жилищные условия, не изжит бюрократизм и подхалимство, далеко не полностью рационализирована промышленность, не ликвидирована безработица, не переустроена на социалистический ход деревня, но мы смело глядим в глаза будущему.

Пройдя путь многолетней революционной борьбы, незыблемо храня боевые традиции ленинизма, готовые к бодрому преодолению трудностей, подготовляясь к боям за мировую победу социализма, ощетинившись строительными лесами, встречают орехово-зуевские пролетарии 10-ую годовщину Октября.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Дела давно минувших дней.

Из крепостного мужика в фабриканты 5
Как 5 золотых рублей превратились в миллионы 6
Первые ласточки рабочей революции 8
„Хитрая механика“ и ее замечательное действие 11
Первый рабочий кружок в Орехове 13
В кружке оказались провокаторы 15
Ореховский кружок в оценке царского прокурора 17
Провал не убил революционного духа рабочих 20

Начало орехово-зуевской партийной организации.

Возникновение кружка Р. С. Д. Р. П. 22
Бабушкин, И. В.—ореховский организатор 24
В Орехове организуется партийный комитет 25
Разгром ореховской организации 26
Кто же выдал? 29
Накануне первой революции 31

1905-й год.

Как встречали новый год 32
На Дулевском заводе 33
Вслед за Дулевом—ткачи Викула Морозова 33
Верноподданническая телеграмма Куропаткину 35
Рабочие были вместе с партией 37
Как провоцировала полиция 38
Партийная организация снова на своем посту 40
Октябрь 1905 года 42
Организация ореховского районного комитета Р. С. Д. Р. П. . . 44
Большевистский штаб на сушилке 30 ой казармы 44
Локаут-забастовка 45
Первая кровавая схватка 47
Как хоронили Черепнина 48
Возникновение совета рабочих депутатов 50
Погром 30-ой казармы 50
Орехово на военном положении 51

Навстречу черной реакции.

Большевистская позиция в вопросе о думе 54
Тяга к большевистской партии 55
Лесные митинги 1906 г. 56
Хозяева текстильной промышленности готовят локаут. Рабочие готовят отпор 56
Новая волна забастовок и новые схватки 57
Арест орехово-павловской конференции Р. С. Д. Р. П. 61
В годы реакции 62
Революционная волна нарастает 63

Стр.

1917 год.

Первые дни февральской революции в Орехово-Зуеве 65
Снова за работу 70
Большевики создают крепкие пролетарские организации 72
Конфискация дома Саввы Морозова 73
Рабочие ликвидируют буржуазную организацию 74
Господа Морозовы „признают“ совет (!?) 76
Наступление на капиталистов 78
Рабочие вливаются в партию и строят профсоюзы 79
Организация рабочего контроля 80
Борьба за повышение заработной платы 81
Третейский суд 85
Ореховская красная гвардия 89
Июльские дни 90
Организация социалистического союза молодежи 91
Своя газета 91
Орехово Зуево—город 92
В дни корниловщины 93
На одной скамье с меньшевиками и эсэрами 95
На баррикадах Октября 96

Первая национализированная фабрика.

Никинские рабочие еще до декрета взяли предприятие в свои руки . 102
Наглость фабриканта не знает границ 105
Рабочие раскрыли хитрость Смирнова 106
Рабочий контроль не по вкусу капиталистам 107
Массовая демонстрация рабочих 111
Вопрос о фабрике встал в Совнаркоме 113
Тяжелое наследство для новых хозяев 116
И все-таки фабрика заработала 117
Классовая злоба буржуазии 120
Пролетарское хозяйствование целиком себя оправдало 121

Рошаль.

Медвежий уголок стал рабочим центром 125
В темном лесу застучали топоры, запели пилы 126
Как здесь встретили революцию 127
Стачка 128
Борьба за завод 130
Деятельность „Цюкензала“ 131
Национализация завода 133

На фронтах гражданской войны.

Снова в огне революции, снова на боевых постах 135
„Костлявая рука голода“ у горла орехово-зуевского рабочего . . 136
Контр-революция за работой 138
Налаживается жизнь, крепнут революционные организации . . . 140
Рабочие укрепляют тыл 143

В тисках эпидемии, голода и разрухи.

Без хлеба 145
Пятая партийная конференция 147
Орехово шло впереди в борьбе за пролетарскую революцию . . . 148

Ставят леса для стройки социалистического хозяйства.

Организация на ленинских позициях 151

На путях строительства социализма.

Трудности роста 162
Развернутым фронтом к социализму 171